

АНТИЧНЫЙ ПОЛИС

Проблемы социально-политической
организации и идеологии
античного общества

Межвузовский сборник

Ответственный редактор профессор Э. Д. Фролов

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1995

Сборник статей посвящен проблемам античной государственности — главным образом города-государства (полиса), а также различным аспектам политической идеологии античного мира. Специально рассматриваются вопросы становления греческого полиса и в этой связи борьба партий и рождение тирании в архаический период. Представлена тема государственных отношений в античном Причерноморье, включая проблему взаимоотношений греческих городов и варваров. Ряд статей посвящен развитию античных политических теорий и социальных утопий.

Для студентов и преподавателей гуманитарных вузов, всех, интересующихся историей и культурой античности.

Редакционная коллегия: *А. Б. Егоров, В. М. Строгеевский, Э. Д. Фролов* (отв. ред.)

Рецензенты: д-р ист. наук *А. А. Нейхардт* (С.-Петербургский филиал ин-та Российской истории РАН), д-р ист. наук *Г. Е. Лебедева* (С.-Петербургский ун-т)

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
С.-Петербургского университета*

Научное издание

**АНТИЧНЫЙ ПОЛИС:
ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
И ИДЕОЛОГИИ АНТИЧНОГО ОБЩЕСТВА**

Межвузовский сборник

Редактор *О. Е. Хованова*
Художественный редактор *Е. И. Егорова*
Технический редактор *Е. Г. Учаева*
Корректоры *Г. А. Янковская, Н. В. Ермолаева*

ИБ № 4197

Лицензия ЛР № 040050 от 05.08.91 г.

Сдано в набор 21.10.94. Подписано в печать 21.09.95. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага тип № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 10,5. Усл. кр.-отт. 10,63. Уч.-изд. л. 12,16. Тираж 276 экз. Заказ № 92.

Издательство СПбГУ. 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Типография Изд-ва СПбГУ. 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

0503010000—110
А 076(02)—95 18—94

ISBN 5-288-01316-0

© Издательство
С.-Петербургского
университета, 1995

Предлагаемый вниманию читателей сборник научных статей продолжает традицию аналогичных изданий, подготовляемых кафедрой античной истории Санкт-Петербургского университета регулярно на протяжении вот уже пятнадцати лет. В самом деле, с 1979 г. издано уже десять таких сборников, и все они были посвящены центральной теме современного антиковедения — проблеме античной гражданской общины, города-государства, полиса. В большинстве случаев эти сборники составлялись из докладов, прочитанных на научных конференциях «Проблемы античного полиса», проводившихся петербургской кафедрой раз в два — три года при активном участии специалистов-античников из других университетов и академических институтов нашей страны. Таким образом, эти сборники являются результатом коллективных усилий и отражают, более или менее верно, общий уровень отечественной науки об античности.

В нынешнем сборнике тема полиса заявлена самым основательным образом. В особенности выпукло представлено становление античной гражданской общины в древней Греции в архаическую эпоху. Внимание авторов ряда статей обращено на такой замечательный феномен времени архаической революции, как старшая тирания, которая сама была порождением того смутного времени, но вместе с тем и катализатором процесса, приведшего к утверждению полисного строя. Специальному исследованию в этой связи подвергнуты отношения тирании с центрами религиозной жизни (в частности, с Дельфийским оракулом), использование тиранами наемных войск, внутренние преобразования в греческих городах, инициированные тиранией. В других статьях рассмотрены более широкие аспекты социально-политического развития греков в архаический период — формирование в рождающемся полисе устойчивых политических группировок, «партий» (в Аттике в VI в. до н. э.), социальная дифференциация в таком аристократическом и консервативном полисе, каким была Спарта.

Специальное внимание уделено историческому развитию греческих полисов в Причерноморье, регионе, историческое прошлое которого всегда вызывало повышенный интерес у отечественных ученых.

Наконец, как это было и в предыдущих сборниках, должное место отведено для исследований в области общественной мысли и политической идеологии, т. е. в той сфере духовной жизни античного общества, которая тесно была связана с политикой и естественно отражала все ее метаморфозы. В частности, в этой связи прослеживаются успехи политической мысли в античном гражданском обществе — формирование правильной политической теории и даже, уже в то древнее время, возникновение концепции общественного прогресса. С другой стороны, не оставлена без внимания и идеология поднимавших восстания рабов, т. е. того слоя населения, который был прямым антиподом древнего гражданства.

Можно надеяться, что исполненный такого содержания новый сборник по теме античного полиса будет встречен читателями с должным вниманием и интересом.

Э. Д. Фролов

ГРАЖДАНСКИЙ КОЛЛЕКТИВ ПОЛИСА
(проблемы становления и особенности развития
в архаический и раннеклассический периоды)

Тема полиса является центральной проблемой антиковедения XX в. Специфической чертой или условием существования полиса был институт гражданства.

Попытаемся выделить этапы эволюции этого института и рассмотрим по крайней мере в общих чертах важнейшие особенности самого понятия гражданский коллектив полиса.

Уже древние вкладывали в это понятие два различных смысла. Фукидид утверждал, что «полис — это прежде всего люди, мужи» (*ἄνδρες*, Thuc. VII. 77. 7). Согласно же Аристотелю, «полис есть некая совокупность граждан» (*πολιτῶν*, Arist. Pol. III. 1. 2. P. 1274 b 43). Эти различия объясняются тем, что Фукидид видел в гражданине полиса человека как биологическое существо и стремился выяснить мотивы его поступков.

Аристотеля же гражданин полиса интересовал как *ἄνθρωπος πολιτικός*, т. е. наделенный совокупностью политических прав и активно участвующий в управлении государством. Так Аристотель подчеркивает, что «безусловное понятие гражданина лучше всего может быть определено через участие его в суде и власти» (Arist. Pol. III. 1. 4. P. 1275 a 25—26).

Поэтому, рассматривая содержание понятия гражданский коллектив и его эволюцию, необходимо в тесной взаимосвязи учитывать как социально-психологический, так и социально-политический аспекты. Однако в исторической литературе эти аспекты отделены друг от друга. Так в западной и отечественной исторической науке до недавнего времени преобладающее влияние имел модернизаторский подход, абсолютизировавший социально-политический аспект. Исследователи, руководствуясь традиционным пониманием теории классовой борьбы, главное внимание уделяли конфликту между рабами и рабовладельцами (включая в число последних большую часть гражданского коллектива) и борьбе демократической и аристократической (или олигархической) партий или группировок, стремясь четко

определить внутри гражданского коллектива те классы или слои, которые составляли социальную опору этих партий.¹

В 60—80-е годы попытки преодоления наследия модернизации в антиковедении сопровождались тенденцией к примитивизации и архаизации внутрополисных отношений даже в раннеклассический и классический периоды. Вновь возродилась гиперкритика и получила распространение идея о непознаваемости законов политической деятельности людей в обществе. Стало достаточно популярным мнение о том, что в греческих полисах общественные отношения невозможно трактовать с точки зрения социально-экономических и политических факторов. Отвергая борьбу партий в греческих полисах, исследователи считают, что в их общественно-политической жизни архаического и классического периодов главную роль играли не партии, которых вообще не существовало, а семейно-религиозные связи, политические клубы (гетерии), политическая дружба, разного рода микросообщества, а также древние традиции и обычаи. Иными словами, давая характеристику внутренним отношениям полиса архаического и классического периодов, исследователи 60—80-х годов стали абсолютизировать уже социально-психологические факторы.²

Обе противоборствующие в исторической науке концепции, характеризующие общественно-политические отношения в греческих городах-государствах в архаический и классический периоды, представляют собой крайние точки зрения. Несмотря на их полную противоположность, общий недостаток, присущий им, заключается в том, что они трактуют общественные отношения вне связи с особенностями развития полисной структуры. Сторонники традиционного мнения порой уподобляют греческий полис современному государству. Противники этой концепции чрезмерно архаизируют и упрощают общественную жизнь в греческих городах-государствах архаического и классического времени. Подвергая сомнению выводы Фукидида, Аристотеля и других античных авторов, они фактически лишают свои суждения необходимой опоры.

Наконец, рассматривая содержание института гражданства, и те и другие разрывают диалектическую связь между социально-психологическим и социально-политическим аспектами, составляющими две стороны этого явления.

Возникновение института гражданства тесно связано с ор-

¹ Ure P. N. *The Origin of Tyranny*. Cambridge, 1921; Grundy G. B. *Thucydides and the History of his Age*. Vol. I. Oxford, 1948. P. 141 ff.; Сергеев В. С. *История древней Греции*. М., 1963. С. 144, 179, 231; Бергер А. К. *Политическая мысль древнегреческой демократии*. М., 1966. *Passim*.

² Sealey R. A. *History of Greek City-States ca. 700—338 B. C.* Berkeley, 1976. P. 154 ff.; Starr Ch. G. *A History of the Ancient World*. / 3rd. ed. New York; Oxford, 1983. P. 202 ff.; Finley M. J. *Early Greece. The Bronze and Archaic Ages*. London, 1970. P. 71 ff.

ганизацией самого полиса. Социально-экономической основой полисных отношений является, как известно, античная форма собственности. К. Маркс отмечал, что она «возникла благодаря объединению путем договора или завоевания нескольких общин в один город» (полис. — В. С.).³ Таким образом, он выделяя договор и завоевание как два пути формирования полисов. Правильность этих мыслей подтверждается данными источников (для первого пути см.: Thuc. I. 2. 5—6; II. 15. 1; для второго: Hdt. I. 65—67; Thuc. I. 2. 3—4; 10. 2; Paus. III. 2).

Однако как в том, так и в другом случаях формирование гражданской общины, по-видимому, было непосредственно связано с возникновением коллективных мест поклонения героям — основателям данной общины. Это подтверждается как археологическими данными, так и литературной традицией. Так, например, исследователи придают большое значение швейцарским раскопкам в Эретрии на Эвбее, обнаружившим трансформацию погребального памятника VIII в., воздвигнутого на могиле воина, в святилище героя, ставшего местом коллективного поклонения.⁴ Литературная традиция богата известиями о культах героев (Адраст в Сикионе, Алес в Коринфе, Тесей в Афинах и др.). В VII в. в период формирования гражданских общин получают распространение генеалогические поэмы, прославлявшие героев-родоначальников аристократических семей и основателей городов.

Сложившиеся гражданские коллективы зарезервировали за собой монополию на земельную собственность и на этом основании стали обладателями гражданских прав, которых были лишены торговцы и ремесленники. Это подтверждается не только идеализированными представлениями Платона и Аристотеля о полисе и его гражданах, предусматривавшими в их идеальном государстве воплощение в жизнь этого принципа. В целом ряде реальных греческих государств этот обычай, ставший впоследствии законом, сохранялся и в последующие времена. Так, согласно Аристотелю, в Фивах действовал закон, запрещающий допускать к занятию должностей тех, кто не избегал агоры в течение последних 10 лет (т. е. были торговцами и ремесленниками) (см. Arist. Pol. III. 3. 4., Р. 1278 а 25).

Это нашло отражение и в содержании фрагмента надписи из Кирены, датированной концом IV в. до н. э., из которой можно заключить, что в соответствии с конституцией Кирены полными гражданскими правами пользовались только те, кто имел земельные владения. Занимавшиеся торговлей и ремеслом были ограничены в политических правах. Они были лишены возможности занимать должности врача, учителя и т. д. На должность

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 21.

⁴ Berger Cl. Eretria III. Bern, 1970; Austin M. M. Vidal-Naquet P. Economic and Social History of Ancient Greece: An introduction. Berkeley, 1977. P. 65.

стратега не разрешалось избирать того, кто занимался финансовыми делами, работал в каменоломнях, был купцом.⁵ В Афинах даже в начале IV в. до н. э. стратег должен был быть обязательно землевладельцем (Din. I. 71).

Связь с землей, коллективные поклонения культу героя, сохранение древних традиций и обычаев являлись благоприятными условиями для формирования в гражданском коллективе идеи равенства его членов. Значительное внимание уделял этой теме Аристотель, по мнению которого граждане полиса, стремясь к всеобщему равенству, ревностно следили за тем, чтобы кто-либо из них чрезмерно не выделялся из общей массы избытком своих добродетелей и политических способностей, не выдавался своим могуществом, опираясь либо на богатство, либо на друзей, либо на какую-либо иную силу (Arist. Pol. III. 8. 1—2, P. 1284 a 20). Это подтверждает и известный рассказ Плутарха об изгнании остракизмом Аристида, справедливость которого, часто подчеркиваемая, стала вызывать зависть и раздражение афинских граждан (Plut. Arist. 7). В целях сохранения относительного равенства богатые и знатные граждане должны были выполнять литургии (общественно-государственные повинности) в том числе и в пользу более бедных своих сограждан. Позднее с этой же целью граждане с помощью специальных законов ограничивали земельный максимум и количество рабов в частном владении.

Однако подлинного равенства не существовало среди граждан даже среди так называемых спартанских *ἰσῶτοι* (равных), так как гражданский коллектив греческих полисов был неоднороден и в силу этого уже в архаическое время был поражен социальными волнениями и конфликтами.

Отношение к теме социальных волнений и конфликтов в гражданском коллективе в научной литературе крайне противоречивое. Одни исследователи видят причину этих волнений в социально-экономическом развитии архаической Греции, следствием которого было, как они считают, появление нового класса богатых ремесленников и торговцев, добивавшихся равенства в политических правах и вступавших в борьбу со старой землевладельческой аристократией.⁶

Другие же, рассматривая архаический полис как примитивное и крайне простое общество, в котором бедные и богатые не слишком отличались друг от друга и чувствовали себя членами одного коллектива, отрицали накал социальной борьбы.⁷

⁵ SEG IX № 1 (о дате надписи см. REG. 1972. Т. 85. P. XIII—XIV).

⁶ См. литературу к примеч. № 1.

⁷ Stagg Ch. G.: 1) The Early Greek City-State // PP. Fasc. 53. 1957. P. 97—108; 2) The Decline of the Early Greek kings // Historia Bd. X. 1961. Н. 1. P. 129—138; 3) A History of the Ancient world. P. 209; Яйленко В. П. 1) Архаическая Греция // Античная Греция. Т. 1. М., 1983. С. 128—193; 2) Архаическая Греция и Ближний Восток. М., 1990. С. 100—112.

Несомненно, можно считать крайним пример гиперкритицизма пренебрежительное отношение к многочисленным сведениям античной традиции о срьезных социальных смутах и волнениях архаической Греции.⁸ Однако причины их заключались не в противоборстве нового разбогатевшего класса с землевладельческой аристократией, а были связаны прямо или косвенно с землей, в частности неравным ее распределением и практикой дробления клеров в процессе наследования (такая практика была уже известна Гомеру и Гесиоду). Дробление клеров создавало трудности для мелких землевладельцев, так как в условиях прекращения переделов земли это вело к потере средств существования и к бедности. Сведения о крупных и мелких землевладельцах в Греции архаического периода сообщают Гесиод и Солон; у этих же авторов говорится и о произволе крупных землевладельцев-аристократов.

Утверждение некоторых современных советских исследователей о том, что знать (аристократия) в архаический, так же как и в позднейший, период чаще всего была постоянно возникающей фикцией,⁹ можно рассматривать как результат гипнотического воздействия современной концепции ненасильственного эволюционного процесса становления и развития полиса.

В это время возникает и терминология, отражающая антагонизм между богатыми знатными землевладельцами и беднотой. Для обозначения богатого и знатного меньшинства используются следующие слова: *aristoi*, *esthloi*, *eugeneis*, *epieikeis*, *gennaioi*, *beltistoi*, *kaloikagathoi* и др. Большинство бедняков называют *demos*, *kakoi*, *deiloi*, *poneroi*, *cheirous* и т. д.

Требования передела земли, выдвигаемые беднотой, побуждали знать к использованию и пропагандистских мер в целях закрепления своего авторитета и власти. Поэтому-то и становится в это время весьма распространенным жанр генеалогических поэм, прославляющих родословную богатых аристократических семей.

Современные исследователи утверждают, что упомянутые выше термины были всего лишь моральными категориями, характеризовавшими любого гражданина, доблестно проявившего себя или не проявившего в чем-либо.¹⁰ С этим невозможно согласиться. Социально-политические отношения всегда имеют и нравственный аспект. Поскольку для характеристики меньшинства использовались термины, содержащие похвалу, а для

⁸ См. подборку и комментарий этих сведений в книге Э. Д. Фролова «Рождение греческого полиса». Л., 1988. С. 92 сл.

⁹ Яйленко В. П. 1) Архаическая Греция... С. 162; 2) Архаическая Греция и Ближний Восток... С. 108—109.

¹⁰ Arpheim M. T. W. *Aristocracy in Greek Society*. Plymouth., 1977. P. 39 ff.; Weil R. *Aristotle et l'histoire*. Paris, 1960. P. 340 ff.; Яйленко В. П. 1) Архаическая Греция. С. 159 сл.; 2) Архаическая Греция и Ближний Восток. С. 105 сл.

большинства — презрение и порицание, то очевидно, что богатство и бедность у греков были не только социальными, но и этическими понятиями и в архаический период в условиях господства аристократии нравственные качества являлись привилегией аристократического меньшинства.

Проблема земельного голода — главная причина социальных волнений — решалась двумя путями. В одном случае это была военная экспансия, результатом чего было подчинение более сильным полисам соседних территорий и порабощение их населения.¹¹ В другом — проблема аграрного кризиса разрешалась выведением заморских колоний. Последствия, вызванные этими двумя путями разрешения социальных конфликтов и волнений в архаической и раннеклассической Греции, имели огромное значение для дальнейшего развития института гражданства.

Разрешение социального кризиса путем завоевания чужих территорий, имевшее место в Пелопоннесе и в других районах греческого мира, не только обеспечивало граждан землей, но и в ряде случаев освобождало их от непосредственного участия в ее обработке. Возникшие категории зависимого населения, близкие по значению к спартанской илотии (критские клароты, восточнолокридские войкиаты, фессалийские пенесты и т. д.), прикрепленные к земле, должны были ее возделывать и обеспечивать граждан всем необходимым.

Вследствие этого в полисах, оказавшихся в окружении порабощенного и зависимого населения, относительно быстро шел процесс консолидации гражданской общины и роста ее самосознания. Однако в данном случае этот процесс сопровождался не совершенствованием внутриволисных отношений, делающим такую общину открытой для внешних контактов, а, как, например, в Спарте, консервацией традиционных норм и обычаев, введением мер, препятствовавших более или менее свободному развитию частной собственности и товарно-денежных отношений, и созданием замкнутого гражданского коллектива, в котором свободная политическая жизнь была подменена принуждением и подозрительностью, а сами граждане отличались пассивностью и покорностью, что и привело к созданию в Спарте консервативной олигархической системы.

Большинство греческих полисов решало аграрные проблемы с помощью выведения заморских колоний. В свою очередь колонизация не только избавляла город от избыточного безземельного гражданского населения, но и способствовала расширению экономических и политических связей, развитию ремесла, торговли и укреплению городской структуры полиса. Вместе с тем это вело также к росту индивидуалистических отношений

¹¹ Более подробно об этом со ссылками на литературу см.: Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. С. 144 сл.

внутри гражданского коллектива и усилению противоборства между знатью и остальной массой граждан, завершившегося установлением тираний или эсимнетий, осуществивших полное или частичное перераспределение земли.

В этой связи особенно важный след в истории оставила деятельность Солона, оказавшая серьезное влияние на дальнейшую судьбу афинского института граждан. Правда, полного перераспределения земли, по-видимому, в Афинах при Солоне, да и при Писистрате, не произошло. Поэтому многие афиняне, не имея возможности стать землевладельцами, обращались к ремесленной деятельности. Однако в Афинах, да и в ряде других полисов, это не стало преградой для включения их в число граждан. Источники свидетельствуют о том, что по мере расширения гражданского коллектива при Солоне, Писистрате, Клисфене и Фемистокле увеличивался процент тех граждан, которые занимались ремеслом, торговлей и морским делом. В конечном итоге это и способствовало усилению демократических тенденций в афинском гражданском коллективе и преодолению консервативных традиций и обычаев, что наиболее отчетливо обнаружилось в деятельности Фемистокла.

В заключение необходимо обратиться к проблеме социально-политического содержания института гражданства, поскольку эта тема в современной историографии часто является наиболее дискутируемой. Исследование гражданского коллектива с этой точки зрения убеждает в том, что он имеет двойственное содержание. С одной стороны, гражданский коллектив — это класс свободных граждан, в том числе и рабовладельцев, противостоящий классу рабов. С другой стороны, гражданский коллектив — это сложный, достаточно дифференцированный социальный организм, состоящий из различного рода социальных групп, статус которых определялся имущественным положением, (сословными, правовыми, религиозными и профессиональными признаками).

В архаический и раннеклассический периоды, равно как и в пору расцвета полисных отношений, главную роль играли не столько классовые, сколько сословные и другие выше перечисленные признаки. Поэтому объяснение установления демократии или олигархии победой определенного класса или его правящей верхушки есть чистейшей воды модернизация.

Аристократия, демократия и олигархия в античных условиях — формы общественно-политических течений или настроений внутри гражданского коллектива, возникающие в процессе консолидации гражданской общины и роста ее самосознания. Преобладание какой-либо одной из форм сопровождалось установлением таких общественно-политических порядков, которые могли не только защитить носителей соответствующих настроений, но и обеспечивали им привилегированное положение в обществе.

Пытаться с помощью традиционной теории классовой борьбы определить точно, какие группы граждан (землевладельцы, жречество, ремесленники, торговцы, крестьяне, моряки и т. д.) составляли опору тех или иных общественно-политических порядков, — дело абсолютно безнадежное, ибо под влиянием социально-психологических, экономических, политических и других факторов выразителями какого-либо определенного течения могли становиться совершенно разные группы гражданского коллектива полиса.

Вместе с тем среди граждан всегда были консерваторы, радикалы и умеренные, потому и противоборство осуществлялось не только между различными общественно-политическими течениями, но и внутри них. Все это совершенно определенно обнаруживается при рассмотрении архаического и классического периодов афинской истории.

О. В. КУЛИШОВА

ДЕЛЬФИЙСКИЙ ОРАКУЛ И ТИРАНИЯ В АРХАИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ

Тирания была повсеместным явлением в Греции приблизительно с середины VII до конца VI в. до н. э., и несколько позднее тираны оказались у власти в греческих городах Сицилии и Италии. Античная традиция сохранила значительное число свидетельств, достаточно красноречивых, о связях оракула Аполлона в Дельфах, расцвет влияния которого приходится именно на этот период, почти со всеми крупнейшими тираническими режимами, известными нам по сообщениям древних авторов; свидетельства об отношениях Дельф с тиранами мы находим у Пиндара, Геродота, Фукидида, Плутарха, лексикографов. Следует указать, однако, что большинство из этих источников подверглось влиянию антитиранических настроений, которыми было пронизано греческое общество с конца архаической эпохи, и мы почти не имеем свидетельств, современных жизни и правлению старших тиранов.

Неоднозначность оценки сущности раннегреческой тирании¹ и диаметрально противоположные суждения современных ис-

© О. В. Кулишова, 1955

¹ Проблемы причин, характера и исторического значения старшей тирании в жизни греческого общества издавна вызывали споры исследователей; литература по этим вопросам весьма обширна. Мы отметим лишь некоторые важнейшие работы: Ure P. *The Origin of Tyranny*. London, 1922; Lenschau Th. *Tyrannis* // RE. 2. Reihe. Bd. VIII. Hbhd 14. 1948. Sp. 1821—1842; Andrewes A. *The Greek Tyrants*. London, 1956 (2nd ed., 1958); Berve H. *Die Tyrannis bei den Griechen*. München, 1967; Pleket H. W. *The Archaic Tyrannis* // *Talanta*. 1969. Vol. 1. P. 19—61; Drews R. *The First Tyrants in Greece* // *Historia*. 1972. Bd. XXI. P. 129—144; Salmon J. *Political Hoplitae* ? // *JHS*. 1977. Vol. 97. P. 84—101.

следователей о политической роли Дельф в жизни архаической Греции имеют своим следствием широкий спектр мнений об отношениях Дельф с тиранами, а порой и сами эти отношения объявляются фикцией. Р. Крагэй, например, полагает, что все «политические» оракулы, которые приписывают Дельфам античные авторы в связи с событиями VI в., в действительности сочинены спартанским царем Клеоменом, пытавшимся использовать оракул для проведения своей политики.² Однако большинство исследователей относится к традиции с большим доверием и рассматривает сообщения античных авторов о связях Дельф с тиранами VII—VI вв. как вполне соответствующие исторической действительности. Но и среди противников гиперкритического отношения к источникам нет единства по вопросу, была ли политика Дельф в отношении тирании некой принципиальной линией с самого начала.

Г. Парк во втором расширенном издании своей монографии по истории Дельф (совместно с Д. Уормеллом) обосновывает положение о том, что во время своего правления тираны богатыми приношениями «покупали» мир с дельфийским богом, и оракулы VII в. не содержат того явного негативного и презрительного отношения, которое выступает на первый план в более поздних прорицаниях Пифии. На это последующее изменение отношения к тиранам в Дельфах, по Г. Парку, оказало влияние общественное мнение классического времени, настроенное к тиранам враждебно.³ Напротив, в других исследованиях подчеркивается, что Дельфы с самого начала поддерживали определенное идеологическое направление — консервативное или новаторское: они объявляются либо сторонниками постоянной и стойкой антитиранической позиции (Л. М. Глушкина, К. Смертенко),⁴ либо безусловно поддерживающими новые политические перемены в лице появляющихся тиранов (У. Форрест).⁵

Прежде чем перейти к разбору античных свидетельств и попытаться каким-то образом представить отношения Дельф с греческими тиранами, необходимо, по нашему мнению, отметить некоторые важные обстоятельства. Архаическая эпоха —

² Cragh R. *La littérature oraculaire chez Hérodote*. Paris, 1956. P. 234—258.

³ Parke H. W. *Notes on Some Delphic Oracles* // *Hermathena*. 1938. Vol. XXVII. N. 52. P. 62—66; Parke H. W., Wormell D. E. W. *The Delphic Oracle*. Vol. 1. Oxford, 1956. P. 114—125; Parke H. W., Boardman J. *The Struggle for the Tripod and the First Sacred War* // *JHS*. 1957. Vol. 77. N 2. P. 270—282.

⁴ Глушкина Л. М. 1) Дельфы в период Первой священной войны // ВДИ. 1951. № 2. С. 213—221; 2) Из новой литературы о Дельфах // Там же. 1961. № 4. С. 153—162; Smertenko C. M. *The Political Relations of the Delphic Oracle* // Smertenko C. M., Belknap G. N. *Studies in Greek Religion*. Eugene, 1935. P. 5—12.

⁵ Forrest W. G. G. *Delphi 750—500 B. C.* // *CAH*. Vol. III². Pt. 3. P. 304—320.

это время, когда личность очень активно заявляет о себе во всех областях. Дельфы не остались, да и не могли остаться, в стороне от этого важного процесса. В сфере политики выступление личности знаменуется появлением фигур ярких политических деятелей — руководителей полисов, законодателей, основателей колоний. Выдающимися личностями, как правило, были и первые греческие тираны. По справедливому замечанию Э. Д. Фролова, иррационализм тирании относился к ее внутреннему импульсу, стремлению тиранов оседлать общественное развитие в сугубо личных эгоистических целях, но «при этом и государственная политика тиранов, и их личное поведение не были лишены — и в этом надо видеть знамение времени — известного, так сказать, частного рационализма».⁶ Показателем в этом отношении знаменитый канон семи мудрецов, который был тесно связан с Дельфами и включал, по сообщениям некоторых авторов, тирана Питтака Митиленского, Перикла из Коринфа, афинянина Писистрата (Plat. Protagor., p. 343 a; Diog. L., praef., 13).

С другой стороны, нам представляется, что когда современные авторы рассматривают позицию Дельф в отношении тиранов как изменившуюся со временем либо принципиальную с самого начала — враждебную тиранам или, наоборот, поддерживающую их, — то эта позиция оценивается исключительно с политической точки зрения и рассматривается лишь по отношению к тирании как явлению. При этом вне рамок исследования остается очень важное обстоятельство: тираны или претендующие на власть по преимуществу являлись представителями знатных родов, которые, как свидетельствует традиция, зачастую оказывались связанными с Дельфами сложной системой отношений и обязательств, пользовались поддержкой жречества либо его нерасположением.

Особенно яркие примеры отношений Дельф с аристократическими кланами дает нам история связей дельфийского жречества со знатными афинскими родами, с одной стороны, и с тиранией Писистрата и его сыновей в Афинах — с другой. В источниках упоминается и относящаяся к более раннему времени попытка захвата тиранической власти в Афинах, предпринятая афинянином Килоном около 632 г. до н. э. Геродот, сообщая о неудавшейся попытке Килона и его сторонников захватить афинский акрополь, не упоминает об обращении Килона в Дельфы (Her., V, 71). Свидетельство о посещении Килоном Дельфийского святилища мы находим у Фукидида, который не приводит текст оракула, данного Килону, но передает его содержание: «Килону вопрошавшему оракул в Дельфах, бог изрек прорицание: в величайший праздник Зевса захватить акрополь афинян» (Thuc., I, 126, 4. — *Пер. наш*). Килон посчи-

⁶ Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. Л., 1988. С. 160—161.

тал, что имеется в виду время проведения Олимпийских игр, к этой мысли его склонило и то, что он был олимпиоником, его победа в Олимпии относится к 640/639 г. (Thuc., I, 126, 5; Paus., I, 28, 1; Euseb. Chron., I, p. 198 Karst) — в этом Килон увидел для себя доброе предзнаменование. Однако его попытка окончилась неудачей. Сторонники Килона прибегли к защите алтарцев и осквернение святынь традиция возлагает на Мегакла Алкмеонида, который был тогда архонтом в Афинах, и проклятие за это нечестие легло на весь его род (Her., V, 71; Thuc., I, 126, 7—12; Plut. Sol., 12). Фукидид пытается объяснить, почему же Килон, последовав совету бога, потерпел неудачу: оказывается, он неверно истолковал совет оракула, и под величайшим праздником Зевса следовало понимать Диасии, которые справлялись в Аттике в честь Зевса Милостивого (Thuc., I, 126, 6).

Многие современные авторы оценивают сообщение Фукидида как свидетельство того, что Дельфы фактически одобрили попытку Килона,⁷ и считают этот оракул действительно данным Килону в Дельфах, относя его, таким образом, к VII в.⁸ Благоприятное отношение Дельф к человеку, добивающемуся власти тирана, находит различное объяснение у современных авторов. Г. Парк полагает, что оракул, данный Килону, свидетельствует о различии в позиции Дельф по отношению к тиранам в VII в., когда жаждущий тиранической власти мог получить полезный совет оракула, не встречая отпора и осуждения, и в более поздние периоды, когда в общественном мнении прочно утвердилось отрицательное отношение к этой форме правления.⁹ Дж. Форрест же, настаивая на принципиальной позиции Дельф уже в ранние периоды их истории, что выразилось в поддержке нового явления в общественной жизни — тирании, указывает, что если Дельфы дали ответ Килону, освятив его попытку божественным авторитетом, то они сделали так потому, что были врагами по отношению к тогдашнему правительству Афин и считали, что Килон достойнее быть у власти, чем его политические противники.¹⁰

⁷ Andrewes A. The Greek Tyrants. P. 60; Parke H. W., Wormell D. E. W. The Delphic Oracle. Vol. I. P. 120; Jeffery L. H. Archaic Greece. The City-States ca. 700—500 B. C. London, 1978. P. 87; Snodgrass A. Archaic Greece: The Age of Experiment. Berkeley; Los Angeles, 1980. P. 113; Forrest W. G. G. Delphi... P. 307.

⁸ Действительно, учитывая позднейшее негативное отношение всего греческого мира к тиранической форме правления, сложно объяснить появление фальсифицированного оракула, представляющего собой благожелательный ответ претендующему на тираническую власть, да еще в случае заведомо неудачного исхода. Об этом см.: Parke H. W., Wormell D. E. W. The Delphic Oracle. Vol. I. P. 120.

⁹ Ibid.

¹⁰ Forrest W. G. G. Delphi... P. 307.

Что касается предположения У. Форреста о том, что Дельфы отдали предпочтение Килону перед тогдашними руководителями Афин, заметим, что в Афинах во время выступления Килона архонтом был Мегакл из рода Алкмеонидов, который избиением килоновцев и навлек проклятие на весь свой род. Это, очевидно, факт исторический, потому что политические деятели последующих эпох неоднократно получали упрек в принадлежности к проклятому роду Алкмеонидов (напр., Перикл). Этот знатный афинский род, согласно традиции, с Дельфами связывали особенно тесные и дружеские отношения с довольно раннего времени, на чем далее мы остановимся подробнее. Так что, как нам кажется, вряд ли возможно объяснять поддержку Дельф, полученную Килоном, тем, что дельфийское жречество действовало в пику тогдашнему афинскому правительству.

С другой стороны, традиция сообщает, что Килон, пытавшийся захватить власть, имел очень знатное происхождение (Thuc., I, 126, 1). О том, к какому роду принадлежал Килон, свидетельств традиции не сохранилось, но, возможно, и его род, подобно Алкмеонидам и Филаидам, пользовался особым покровительством святилища и был связан с дельфийским жречеством системой проксенических отношений.

На сложность ситуации, связанной с Килоновым мятежом и последующими событиями в Афинах, и неоднозначность роли Дельф в происходящем указывают обстоятельства участия Дельф в гашении конфликта в Афинах, который вел свое начало еще со времени подавления выступления Килона. Смуты, кощунства и осквернения, которые характеризовали жизнь тогдашних Афин, требовали, по представлениям древних, очищения (Plut. Sol., 12). В связи с этим Пифия повелела афинянам очистить город (Plat. Leg., I, 4, 642 d; Diog. L., I, 10, 110), и с Крита по приглашению афинян прибыл Эпименид из Феста, который произвел очистительные церемонии (Plat. Leg., I, 4, 642 d; Aristot. Ath. pol., 1; Plut. Sol., 12; Paus., I, 14, 4; Diog. L., I, 10, 110).¹¹

Хотя очищение Афин производилось по общему указанию из Дельф (авторитет Дельфийского оракула в вопросах очищения от всякого рода скверны в греческом мире был непререкаем), сам Эпименид, по-видимому, не рассматривался как непосредственный посланник Дельф. Существует стихотворный фрагмент, приписываемый Эпимениду, где выражено несогласие с

¹¹ Деятельность Эпименида в Афинах большинство древних авторов связывают именно с искомлением скверны, последовавшей за выступлением Килона (Aristot. Ath. pol., 1; Cic. De leg., II, 11, 28; Plut. Sol., 12), согласно Диогену Лаэртию, прибытие Эпименида в Афины произошло в 46 Олимпиаду, т. е. в 596—593 гг. (Diog. L., I, 10, 110; ср. также: Suid., s. v. 'Επιμενίδης — в 44 Олимпиаду, т. е. в 604—601 гг.). Очень странно выглядит датировка Платона — за 10 лет до Персидских войн (Plat. Leg., I, 4, 642 d).

официальной дельфийской версией о том, что омфалос является центром обитаемой земли.¹²

Нет никакого срединного пупа земли или моря,
Если ж и есть, то известен богам, а смертным неведом.

(*Plut. De def. or., I, 409 e, пер. А. В. Лебедева*)

Возможно, выбор афинской аристократией нейтральной фигуры Эпименида для исполнения очистительных церемоний, предписанных Пифией, объясняется особыми отношениями Дельф и Алкмеонидов, которые были в это время изгнаны из Афин и которые, как справедливо считали в Афинах, пользовались некоторым влиянием в Дельфийском святилище.¹³

Таким образом, нам представляется, что немногочисленные сообщения античных авторов о Дельфах в связи с выступлением Килона вовсе не показывают какую-то принципиальную линию Дельф на поддержку тирании, а, скорее, отражают сложную картину взаимоотношений Дельф и афинской аристократии.

В отношении связи Дельф с афинским тираном Писистратом и его сыновьями, которые в противоположность Килону неоднократно и вполне успешно захватывали власть в Афинах (время правления — 560—510 гг.),¹⁴ античная традиция хранит молчание, хотя древние авторы передают немало предсказаний и оракулов, не связанных с Дельфами, которые были адресованы Писистрату или его наследникам или касались их (Нег., I, 62—63; V, 56; VI, 107). Известно, что во времена Писистрата прорицатели пользовались в Афинах большим уважением и имели значительное влияние (Нег., VII, 6). Писистратиды владели собранием древних оракулов, которое хранилось на афинском акрополе (Нег., V, 90). Вряд ли можно определенно сказать, были ли холодные отношения Дельф с Писистратом причиной усиленного покровительства афинского тирана в отношении других предсказаний и знамений или следствием такого положения дел, но связь этих двух фактов несомненна.

Геродот упоминает среди деяний Писистрата очищение острова Делоса, совершенное по повелению Дельфийского оракула (Нег., I, 64). Так же упоминает очищение Делоса при Писистрате Фукидид в рассказе о втором очищении этого острова афинянами (Thuc., III, 104, 1). Внук тирана, который носил имя деда — Писистрат, посвятил во время своего архонтства мраморный алтарь в храм Аполлона Пифийского в Афинах (Thuc., VI, 54, 6—7; IG, I², 761). В подобных действиях вовсе

¹² См. об этом: Wilamowitz-Moellendorff U. v. *Der Glaube der Hellenen*. Bd. II. Berlin, 1932. S. 37, Anm. 2.

¹³ Parke H. W., Wormell D. E. W. *The Delphic Oracle*. Vol. 1. P. 111, 362.

¹⁴ Здесь и далее даты правления указаны по Г. Берве, см.: Berge H. *Die Tyrannis bei den Griechen*.

нет нужды усматривать попытку афинских тиранов снискать расположение дельфийского жречества, как это делает У. Форрест.¹⁵ Сходным же образом этот исследователь рассматривает и учреждение тираном Клисфеном Пифийских игр в Сикионе, и подобную попытку Поликрата, тирана Самоса.

У нас нет свидетельств, что дельфийцы поддерживали основание местных храмов, посвященных Аполлону Пифийскому, и праздников в его честь. Кроме формального прославления Пифийского бога в действительности такие действия зачастую заключали в себе некоторую враждебность к Дельфам и умышленное желание уменьшить число посещающих святилище и оракул в Дельфах обеспечением местного заменителя, так как это нарушало монопольное положение святилища.¹⁶ Нам представляется, что и сообщение традиции о пристальном внимании Писистрата к Делосу, сопернику Дельф в почитании Аполлона, следует рассматривать скорее как следствие сдержанных отношений Пифийского святилища и афинского тирана.

Скупость античной традиции о связях Дельф с тиранией Писистрата и его преемников сменяется обилием свидетельств, когда речь идет об отношениях дельфийского жречества со знатыми афинскими родами — политическими соперниками и противниками афинских тиранов — Алкмеонидами и Филаидами. С Дельфами род Алкмеонидов связывался с довольно раннего времени. Именно представитель этого рода Алкмеон руководил силами афинян в Первой священной войне, связанной с судьбами Дельфийского святилища (Plut. Sol., 11). Геродот нам сообщает, что Алкмеониды активно содействовали посольству лидийского царя Креза в Дельфы (Her., VI, 125). О том, что близость Алкмеонидов к прорицалищу в Дельфах проецируется в глубокое прошлое, свидетельствует оракул, обращенный к Алкмеону, сыну Амфиарая, который после убийства матери скитался по земле в поисках прибежища и, следуя совету оракула, обрел себе новую родину (Thuc., II, 102; Paus., VIII, 24, 8—9; P—W № 202). С этим знатым родом связано и еще одно важное событие в истории Дельф. Именно афинскому клану Алкмеонидов был передан подряд на сооружение храма Аполлону в Дельфах, сгоревшего в 548 г. (Pind. Pyth., VII, 9; Schol. ad l. c.=Philochorus, FgrHist 628 F 115; Her., V, 62; Aristot. Ath. pol., 19, 2). Факт участия Алкмеонидов в строительстве

¹⁵ Forrest W. G. G. Delphi... P. 313; 317.

¹⁶ Об этом же см.: Глускина Л. М. Дельфы в период Первой священной войны. С. 219; Kern O. Die Religion der Griechen. Bd. II. Berlin, 1938. S. 64ff.; Parke H. W., Wormell D. E. W. The Delphic Oracle. Vol. I. P. 121; Ehrenberg V. From Solon to Socrates. Greek History and Civilization during the Sixth and Fifth Centuries B. C. London, 1968. P. 81—82; Snodgrass A. Archaic Greece. P. 115.

храма очень важен. Ведь именно это участие, согласно сообщениям античных авторов, позволило Алкмеонидам сыграть решающую роль в свержении тирании в Афинах. Подкупив дельфийское жречество, Алкмеониды повлияли на ответы оракула лакедемонянам, которые содержали указание освободить Афины от тирании (Нер., V, 63; 90; VI, 123, 2; Aristot. Ath. pol., 19, 2—3). В 511/510 г. Писистратиды были изгнаны из Афин военными силами спартанцев, которые, конечно, не просто выполняли указания оракула в Дельфах, а добивались исполнения целей своей собственной политики.

Традиция сохранила свидетельства тесных связей Дельф с еще одним знатным афинским родом — Филаидами. Ко времени Писистрата относится укрепление афинян во Фракийском Херсонесе. Тот факт, что ойкистом и тираном в этой области стал Мильтиад, сын Кипсела, традиция связывает с консультацией в Дельфах (Нер., VI, 34—35; Нер. Mil. 1, 2; P—W № 60, 61). Захват Лемноса также был связан с Пифией легендой, которая основывала право владения на этот остров на древнем оракуле, исполненном в конце концов именно Мильтиадом Младшим (Нер., VI, 139, 1; P—W № 83).

Показательным в данном случае является и то, что мы находим свидетельства традиции, повествующие об особенном расположении как к Алкмеону, так и к Мильтиаду Старшему лидийского царя Креза, которого с Дельфами связывали очень тесные отношения (Нер., VI, 37; 125).

Таким образом, отсутствие у античных авторов свидетельств о связях Дельф с династией Писистрата, одной из самых значительных в Балканской Греции, в то время как мы имеем подобные указания в отношении других тиранических домов, представляется нам достаточно красноречивым. Те же малочисленные сведения источников, которые касаются этой проблемы, также говорят, скорее, о холодных отношениях Дельф с афинскими тиранами. Свидетельствами здесь выступают и известия античных авторов о тесных контактах, которые характеризовали отношения Дельф с политическими противниками Писистрата и его сыновей — знатными афинскими родами.

К числу самых значительных тиранических режимов Балканской Греции относится и правление Орфагоридов в Сикионе. В истории отношений Дельф с сикионскими тиранами традиция сохранила нам оракул, данный якобы до рождения основателя династии — Орфагора. Сикионцам, пришедшим в Дельфы вопрошать оракул, было объявлено, что они в течение ста лет будут управляться плетью. А на новый их вопрос, кто будет осуществлять такое правление, Пифия ответила, что это будет сын того, кто первым из них после возвращения домой услышит весть о рождении в своем доме ребенка (Diod., VIII, 24; P—W № 23). И действительно, тираном Сикиона впо-

следствии стал Орфагор, сын «мясника» Андрея, который сопровождал посольство.¹⁷

Оракул предрекает столетнее правление тиранов, что приблизительно соответствует действительным историческим событиям — Орфагорида находились у власти примерно с 655 по 555 г. Поэтому представляется очевидным, что легенда о том, что тирания в Сикионе была предсказана Дельфийским оракулом, появляется позже, после того, как этот режим в Сикионе пал.¹⁸ К тому же показательно само содержание оракула, который представляет собой развитие сюжета о «первом встречном», столь популярном в дельфийских легендах. В рассказе Плутарха мы встречаемся с дальнейшим развитием этого сюжета (Plut. De seg. num. vind., 7, 553 a; P—W № 23). Таким образом, оракул, предсказывающий тиранию в Сикионе, представляется нам позднейшим измышлением, в котором очень ярко выступает характерное для классической Греции негативное отношение к тираническому правлению и отражается взгляд на него как на кару богов и наказание полису.

Внук Орфагора Клисфен Сикионский — одна из самых значительных фигур своего времени (1-я четверть VI в.). Важнейшим событием этого времени, в котором Клисфен, видимо, сыграл существенную роль, была Первая священная война (начало VI в.), знаменовавшая собой поворотный пункт в истории Дельф.¹⁹ Война была объявлена Священным союзом Афин, Фессалии и Сикиона против соседней с Дельфийским святили-

¹⁷ По-видимому, слово *μαγειρος* (так назван у Диодора Андрей) первоначально обозначало официальный пост, связанный с помощью во время принесения жертв священным посольством, см.: Parke H. W., Wormell D. E. W. *The Delphic Oracle*. Vol. I. P. 124, note 6. — Некоторые исследователи переводят это слово не как «мясник», а как «повар», см., напр.: Andrewes A. *The Greek Tyrants*. P. 57.

¹⁸ См. об этом же: Andrewes A. *The Greek Tyrants*. P. 57. — Г. Парк относит его возникновение к периоду 590—548 гг., см.: Parke H. W., Wormell D. E. W. *The Delphic Oracle*. Vol. II. P. 12.

¹⁹ Наличие лишь поздних источников породило попытки, на наш взгляд, несостоятельные, рассматривать традицию о Первой священной войне как конструкцию середины IV в.: Robertson N. *The Myth of the First Sacred War* // *CIQ*. 1978. Vol. 28. N 1. P. 38—73. — Большинство исследователей справедливо склоняются к мнению об историчности этого события, особенно это характерно для новейших работ: Глускина Л. М. 1) Политические тенденции Гомеровского гимна к Аполлону Пифийскому // *ВДИ*. 1956. № 4. С. 13—24; 2) Дельфы в период Первой священной войны. С. 213—221; Jannoray J. *Krisa, Kyrrha et la Première Guerre Sacrée* // *BCH*. 1937. Vol. 61. P. 33—43; Forrest W. G. G. 1) *The First Sacred War* // *BCH*. 1956. Vol. 80. P. 31—51; 2) *Delphi...* P. 311—315; Parke H. W., Wormell D. E. W. *The Delphic Oracle*. Vol. I. P. 99—113; Parke H. W., Boardman J. *The Struggle for the Tripod...* P. 276—282; Sealey R. A. *History of Greek City-States 700—338 B. C.* Berkeley; Los Angeles, 1976. P. 18, 35, 47, 142; Jeffery L. H. *Archaic Greece...* P. 73—79; Boardman J. *Heracles, Delphi and Kleisthenes of Sikyon* // *RA*. 1978. P. 227—234; Lehmann G. A. *Der 'Erste heilige Krieg' — eine Fiktion* // *Historia*. 1980. Bd. 29. S. 242—246.

шем Крисы из-за нечестивых действий ее жителей в отношении оракула. Клисфен, согласно традиции, выстроил даже особый флот, чтобы блокировать Крису с моря (Μεναεχμης αρ. Schol. Pind. Nem., IX). Клисфен связывается с Дельфами не только как активный участник Первой священной войны и победитель на первых Пифийских играх, организованных после ее окончания (Paus., X, 7, 6). Когда тиран решил ослабить аргосские и дорийские элементы в своем полисе и для этой цели удалить из города останки Адраста, аргосского героя, который традиционно считался первым царем Сикиона и могиле которого поклонялись, он обратился за санкцией в Дельфы, так как их авторитет в религиозных вопросах был очень высок. Вот как об этом сообщает Геродот: «Придя в Дельфы, Клисфен спросил оракул, изгнать ли ему Адраста. Пифия же изрекла ему в ответ, что Адраст — царь Сикиона, а он — камнеметатель» (Heg., V, 67, 2. — *Пер. наш*; P—W № 24, ср.: Dio Chrys., 3, 41).²⁰ В результате такого оскорбительного и неблагоприятного ответа Клисфен отказался от своего первоначального плана и постарался добиться желаемого другими способами. Он ввел в Сикионе поклонение герою Меланиппу, который, согласно преданиям, был заклятым врагом Адраста (Heg., V, 67).

В связи с этим оракулом встает вопрос: когда Клисфен получил такой ответ в Дельфах — в начале своего правления или уже после окончания Первой священной войны? У. Форрест полагает, что оракул об Адрасте был дан Клисфену в начале его правления, когда дельфийское жречество было настроено к нему враждебно, а после войны изменило свое отношение, благодаря активному участию Клисфена в этом конфликте.²¹ О противостоянии Дельф политике Клисфена, направленной на вытеснение культа Адраста, еще до войны говорит и Дж. Файн.²² Напротив, Л. М. Глускина называет причиной недовольства Клисфеном в Дельфах чрезмерную активность тирана в конце войны. По мнению этого автора, в планы дельфийского жречества не входило разрушение Крисы, инициатором которого, как полагает Л. М. Глускина, был Клисфен.²³

²⁰ Редкое слово *λειστήρ*, принадлежащее к тексту оракула, может иметь различные значения: 1) «побитель камнями, убийца», 2) «кидающий камни, низший разряд воина». А. Эндрюс и Л. Джеффри переводят это слово как «метатель камней» (stone-thrower), см.: Andrewes A. The Greek Tyrants. P. 59; Jeffery L. H. Archaic Greece... P. 73. Г. Парк и А. Снодграсс — как «застрельщик, стрелок в цепи» (skirmisher), см.: Park H. W., Wormell D. E. W. The Delphic Oracle. Vol. 1. P. 121; 124, note 17; Snodgrass A. Archaic Greece. P. 97. — Однако, независимо от того, какому из этих значений отдать предпочтение, Клисфен характеризуется в этом прорицании в оскорбительном тоне.

²¹ Forrest W. G. G. 1) The First Sacred War. P. 36—39; 2) Delphi... P. 313—314. — См. также: Andrewes A. The Greek Tyrants. P. 59—61.

²² Fine J. V. A. The Ancient Greeks. London, 1983. P. 117, 121.

²³ Глускина Л. М. 1) Дельфы в период Первой священной войны. С. 218—219; 221. 2) Политические тенденции... С. 23 сл.; 3) Из новой литературы о Дельфах. С. 154—155.

Клисфен организовал в Сикионе Пифийские игры после войны, так как он использовал при их учреждении третью часть награбленной в Крисе добычи (Μεναεχμης αρ. Schol. Pind. Nem., IX, 20). Мы уже отмечали, что организация состязаний, подобных тем, которые были учреждены Клисфеном, скорее свидетельствует об охлаждении отношений их организаторов с Дельфийским святилищем. Причиной такого охлаждения мог стать в данном случае отрицательный ответ Пифии Клисфену, хотя за свои действия в войне Клисфен мог рассчитывать на более радушный прием в Дельфах. Возможно, такой ответ был дан под влиянием Фессалии, первенство которой сразу после войны в Амфикионии стало неоспоримым. Необходимо также учесть объяснение, данное М. П. Нильссоном, который считает отказ Дельф санкционировать религиозные преобразования Клисфена следствием того, что оракул охранял святость могил героев.²⁴

Обратимся теперь к истории тирании в Коринфе (время правления Кипселидов — 657—584 гг.). Мы уже упоминали оракулы, которые традиция представляет нам как предсказывающих появление тиранов. Обычно они были адресованы отцу будущего тирана или посланникам той местности, которой предстояло попасть под власть тиранического правления. Традиция сохранила нам два оракула, которыми Пифия будто бы предрекла будущее рождение и судьбу коринфского тирана Кипсела: один из них был адресован Этиону, отцу Кипсела, а второй обращен к Бакхиадам — клану, который управлял Коринфом после падения царской династии:

Этион, нет почета тебе, хоть ты чести стяжал себе много,
Лабда родит сокрушительный камень; падет он
На властелинов-мужей и Коринф покарает.

(Her., V, 92, 2, пер. Г. А. Стратановского; Р—W № 6)

В скалах примет во чреве орел, но льва породит он
Мощного и сыродда: сокрушит он многим колени.
Крепко сие разочтите, коринфяне, те, чья обитель
Славной Пирены вокруг и твердыни высокой Коринфа.

(Her., V, 92, 3, пер. Г. А. Стратановского; Р—W № 7;
Nic. Dam., FgrHist 90 F 51)

Оракулы, передаваемые Геродотом, вряд ли аутентичны, как и большинство предсказаний подобного содержания. Г. Парк полагает, что эти два оракула благосклонны Кипселу и на том основании, что Кипсел был уважаем в Дельфах во время своего правления, считает, что оба эти предсказания могли быть составлены в Дельфах еще при жизни Кипсела.²⁵ Однако нам

²⁴ Nilsson M. P. Geschichte der griechischen Religion. Bd I². München, 1955. S. 631.

²⁵ Parke H. W., Wormell D. E. W. The Delphic Oracle. Vol. 1. P. 117.

представляется, что если характер оракула, адресованного Этиону, еще можно истолковать в пользу отца Кипсела, то второй оракул был явно враждебен Кипселу, он показывает обычное для дельфийских ответов тиранам негативное к ним отношение и, по-видимому, составлен позднее.²⁶ Основанием для составления этого оракула могли стать и воспоминания о существовавшей связи Дельф и Коринфа времен Бакхиадов, что засвидетельствовано археологическими материалами — многочисленной коринфской керамикой этого времени в Дельфах.²⁷ Кроме того, оба оракула рассказывают об одном и том же предполагаемом событии, что также наводит на мысль о более позднем происхождении, по крайней мере, одного из них, и, возможно, они лишь позднее были увязаны Геродотом в один рассказ, который полон противоречий в оценке личности Кипсела, что также свидетельствует об объединении историком сведений из различных источников.

Геродот нам рассказывает и об оракуле, данном в Дельфах самому Кипселу: «Возмужав, Кипсел спросил оракул в Дельфах и получил в ответ двусмысленное прорицание. Уповав на прорицание, он сделал попытку овладеть городом и захватил власть в Коринфе. А прорицание было вот какое:

Счастлив сей муж, что ныне в чертог мой вступает,
Этионов Кипсел; царь славного града Коринфа
Будет он сам и дети его, но не внуки».

(*Her.*, V, 92, пер. Г. А. Стратановского; *P—W* № 8;
Dio Chrys., 37, 5; *Nic. Dam.*, *FgrHist* 90 F 57)

Геродот приводит этот оракул в качестве благоприятного напутствия Кипселу, после чего тот, ободренный таким предсказанием, захватил в Коринфе тираническую власть. За этим объяснением Геродота часто следуют и новейшие исследователи, полагая, что консультация Кипсела в Дельфах предшествовала захвату им власти.²⁸ Г. Парк предлагает свое оригинальное объяснение происхождению этого оракула.²⁹ По его мнению, оракул представляет собой поддельную версию того ответа, который был действительно дан Кипселу в Дельфах, но не перед его правлением, а когда он уже был у власти. Сами стихи представляют по форме приветствие Кипселу при его вступлении в храм Аполлона. Поэтому Г. Парк рассматри-

²⁶ Andrewes A. *The Greek Tyrants*. P. 47—48.

²⁷ См.: Snodgrass A. *The Dark Age of Greece*. Edinburg, 1971. P. 421. — О посвящении коринфян в Дельфы во 2-й половине VIII в. после победы в морском сражении говорит поэт Эвмел (fr. II), о времени жизни которого см.: Dunbabin T. J. *The Early History of Korinth* // *JHS*. 1948. Vol. 68. P. 66—68.

²⁸ Andrewes A. *The Greek Tyrants*. P. 47; Jeffery L. H. *Archaic Greece*... P. 47—48.

²⁹ Parke H. W. *Notes on Some Delphic Oracles* P. 62—66; Parke H. W., Wormell D. E. W. *The Delphic Oracle*. Vol. 1. P. 118—120.

вает первые две строки самостоятельно и видит в этом обращении лестное приветствие, которое, возможно, содержалось в оракуле, адресованном Кипселу, когда ему случилось посетить Дельфы уже в качестве тирана, и в этом, по мнению Г. Парка, отразилось намерение Дельф благоприятно истолковать неконституционный характер его власти. Очевидным поводом для посещения могло быть посвящение Кипселем сокровищницы в Дельфах.³⁰ Пифия имела все основания быть благосклонно настроенной к такому щедрому посетителю и уравнивать его положение хотя бы и в формуле обращения с положением более древних дорийских монархов (Кипсел в оракуле назван βασιλεύς).

Затем, как считает Г. Парк, первоначальный ответ Пифии был переработан в новый оракул, включивший лестное обращение Пифии к Кипселу (по Г. Парку, это произошло некоторое время спустя после падения Псамметиха), а также дополнительную строку, предрекающую незавидную судьбу тиранам.³¹ Г. Парк считает, что первоначальный ответ Пифии был адресован Кипселу, уже установившему тираническое правление, но позднее, под воздействием антитиранических настроений в обществе, жрецы предпочли представить его в переработанном виде — как данный Кипселу еще до его прихода к власти.

Даже отвергая некоторые гипотезы Г. Парка, можно согласиться с его предположением, о том что этот оракул или, по крайней мере, часть его относится ко времени правления Кипсела. Этого же мнения на время возникновения оракула придерживается и У. Форрест.³² Таким образом, фигура Кипсела оказывается связанной в традиции с Дельфами и личным посещением и благожелательным отношением, чему в немалой степени способствовали, конечно, богатые приношения коринфского тирана (так же как и его сына Периандра) в святилище Аполлона. И вновь представляется важным указать на знатность происхождения Кипсела, который по матери принадлежал к Бакхиадам, особенно знатному и древнему царскому роду, связанному с Дельфами еще в VIII в. То есть и в данном случае мы можем предположить, что обстоятельства, при которых Кипсел получил выражение благосклонного отношения Дельф,

³⁰ О сокровищнице Кипсела в Дельфах см.: Jeffery L. H. *Archaic Greece*. P. 148—149.

³¹ На то, что последняя строка оракула Кипселу — более позднего происхождения, указывает и А. Эндрюс, см.: Andrewes A. *The Greek Tyrants*. P. 47.

³² Forrest W. G. G. *Delphi...* P. 311. — Некоторые авторы говорят о подложности оракула и более позднем сроке его составления, см.: Sghay R. *La littérature oraculaire chez Hérodote*. P. 267, 288. — Ю. Белох полагает, что этот оракул, сочиненный ex eventu относится к VI в., см.: Белох Ю. *История Греции*. Т. 1. М., 1897. С. 249

могут быть объяснены, как и в случае с обращением к оракулу Килона, знатностью происхождения вопрошающего.

Оракул Кипселу, предрекающий гибель тиранической династии, не единственный пример такого рода в античной традиции. У Плутарха мы находим сообщение о печальной судьбе тирана Эпидавра Прокла (на дочери которого был женат сын Кипсела Периаандр), предсказанной в Дельфах (Plut. De Pyth. or., 19, 400 с—d; P—W № 26). Ответ подобного же рода был дан и Поликрату, тирану Самоса, который посвятил Аполлону Делосскому подчиненный им остров Рению (Thuc., I, 13,6). Восстановив же состязания на Делосе, посвященные Аполлону, он послал спросить бога в Дельфах, по сообщениям лексикографов Свида и Фотия, о наименовании этих состязаний — назвать их Делиями или Пифиями. Из Дельф Поликрат получил загадочный ответ, что для него должно быть безразлично, как они будут называться. Ответ оракула стал ясен очень быстро: так как Поликрат вскоре умер, то для него действительно оказалось все равно, как назывался этот праздник. Этот ответ, якобы данный Пифией, широко использовался как пословица, и трудно сказать, лежал ли в его основе подлинный оракул, так как впервые мы встречаемся с изложением этой истории только в IV в. Однако, на наш взгляд, общий фон этой истории показывает типичное отношение дельфийского жречества к учреждению подобных праздников как к покушению на его религиозную монополию.

У Плутарха мы находим оракул, адресованный Пифией Дейномену, отцу Гелона, Гиерона. Фрасибула — будущих тиранов Сиракуз в Сицилии (Plut. De Pyth. or., 19, 403 b—c; P—W № 484). Это прорицание объявляло о будущей власти и последующей затем нелегкой судьбе Дейноменидов. Этот оракул, по-видимому, появился уже после падения тирании Дейноменидов в Сиракузах (485—466 гг.), в нем печальная судьба тиранов также используется в качестве назидательного примера. Однако существование оракула, касающегося сиракузских тиранов, подтверждает довольно тесные их связи с Дельфами. О том, что во время своего правления Гелон и Гиерон имели тесные контакты с дельфийским жречеством, говорят их щедрые посвящения в Дельфы.

Оракул другого рода известен нам в связи с тиранией Пифагора в Эфесе, который захватил власть свергнув олигархию Басилидов (ок. 600 г.). Некоторые из его противников были убиты в святилище храма, где и повесилась дочь одного из них. Это осквернение повлекло за собой в качестве наказания богов эпидемию и голод. Пифагор в тревоге послал в Дельфы спросить оракул об избавлении от этих бедствий. Пифия повелела, чтобы на оскверненном месте был построен храм и совершены соответствующие погребальные церемонии (Suid., s. v. Πυθαγόρας Ἐφέσιος = Baton Sinop., FgrHist 268 F 3; P—W № 27)..

У нас нет сообщений, избавился ли в результате этого Эфес от несчастий, но свидетельство заканчивается достоверной информацией, что эти события произошли до времени Кира Персидского, т. е. до середины VI в. Представляется, что нет оснований не доверять сообщению местного историка, к тому же мы имеем исторические примеры обращения в Дельфы по сходным поводам, да и обстоятельства прихода к власти Пифагора, вызвавшие это обращение, вполне реальны. Ответ Пифии включает обычные меры, которые предлагались в подобных случаях после гражданской смуты, сопровождавшейся убийствами и осквернением святилищ, и в нем не присутствует никакого особенного нерасположения, что отличало, например, ответ Клисфену Сикионскому.³³

В заключение отметим, что значительная часть оракулов, сохраненных традицией, составлена уже после падения большинства тиранических режимов, в них нашла наиболее яркое и концентрированное выражение общая позиция дельфийского жречества по отношению к тирании как явлению в жизни общества, которая не претерпела по большому счету изменения с более ранних времен, когда тираны были у власти. Конечно, эта позиция могла изменяться в частных случаях, и в силу того, например, что в начальный период существования тиранических правлений опасность крайнего индивидуализма не была понята в обществе до конца, но, в принципе, отношение Дельф к тирании было постоянно в своей основе и состояло в неприятии режима личной власти в крайних ее формах.

Однако нельзя не признать, что традиция сохранила и примеры некоторой благожелательности Дельф в отношении тиранов. Прежде всего, это напутствие Килону (в данном случае оракул не сохранился, мы имеем лишь пересказ его содержания) и оракул Кипселу (этот оракул, во всяком случае, часть его, мы с полным основанием можем рассматривать как аутентичный). В этой связи необходимо еще раз указать и на то, что большинство тиранов были выходцами из знатных аристократических родов или были связаны с ними узами брака. Традиция не оставляет сомнения относительно того, что некоторые аристократические кланы имели особенно тесные дружеские отношения с оракулом Аполлона в Дельфах и были связаны с дельфийским жречеством (которое само в свою очередь было верхушкой дельфийской знати) сложной системой проксенических отношений, что столь характерно для среды аристократов. Особенно яркие свидетельства подобных отношений традиция

³³ Однако этот оракул, на наш взгляд, не дает и достаточного основания усматривать в нем особенную благосклонность Пифии, как это делает Г. Парк (Parke H. W., Wormell D. E. W. *The Delphic Oracle*. Vol. I. P. 123), так как сам повод обращения связан с очищением от кровавого преступления — эти вопросы имели особое положение в дельфийской компетенции.

предоставляет для связей Дельф со знатными родами Алкмеонидов и Филаидов в Афинах. В результате этого тираны могли получить одобрение в Дельфах именно как представители родов знати, с которыми Дельфы были связаны системой определенных обязательств.

Нам представляется, что скорее это обстоятельство, а не простой «подкуп» Пифии богатыми дарами в некоторой степени объясняет благоприятное отношение к некоторым тиранам, государственная инициатива которых приветствовалась (оракулы Кипселу и Килону). Но это не ставит под сомнение общую негативную позицию Дельф в отношении тирании как явления. Традиция не оставляет сомнения относительно участия Дельф в движении против тиранической формы правления, которое охватило всю Грецию. Нам известно, что коринфяне после падения тирании Кипселидов испросили у оракула разрешение заменить имя Кипсела на сокровищнице, которую он посвятил в Дельфы, на имя города, и их просьба была удовлетворена (Plut. De Pyth. or., 13, 400 d—f). Известна роль оракула в падении афинской тирании. Об этом же говорит и множество оракулов, которые мы уже упоминали, особенно ярко анти-тираническая направленность видна в оракулах, якобы предсказавших рождение тиранов, их судьбу и гибель. Большинство их было составлено *ex eventu*, но часто их возникновение относилось к довольно раннему времени — VI в. Такие оракулы составлялись прежде всего самым дельфийским жречеством для приумножения славы и авторитета святилища. Однако эти оракулы, конечно, не были пустыми измышлениями: в большинстве случаев в их основе лежали предшествующие консультации с оракулом по другим вопросам или посещение Дельф тиранами для различных посвящений. Составление оракулов *ex eventu* могло, по нашему мнению, иметь своей причиной изменение в расстановке политических сил Греции, желание «подправить» историю, освятив некоторые ее факты дельфийским авторитетом, и такие примеры нам известны. Ведь Дельфы вовсе не стояли над политической жизнью, взирая на нее сторонним наблюдателем. Они, напротив, находились внутри нее, претерпевая ее сложные перипетии и участвуя в них. И все же Дельфы как религиозное объединение по сути своей были и носителем общих начал, религиозно-нравственных принципов, лежащих в основе организации общественной жизни. Глубинная несовместимость этих принципов — понятий о законе, норме, мере, которые суть залог стабильности общественной жизни, и о тирании, которая противостояла им как проявление крайнего индивидуализма, стала той основой, на которой строилось отношение Дельф к этой форме политического правления и важнейшему явлению в общественной жизни архаической Греции.

НАЕМНИКИ НА СЛУЖБЕ У ТИРАНОВ В АРХАИЧЕСКУЮ ЭПОХУ (VIII—VI вв. до н. э.)

Тираны и их наемники занимают важное место в определенных периоды истории Греции. Тирания сопутствовала рождению полиса и его кризису, с ней переплетается и история греческих наемников. Наемные воины века архаики вошли в античную традицию прежде всего как военная сила восточных монархов и греческих тиранов. Так, Геродот сообщает о наемниках Писистрата и Писистратидов (I, 59, 61, 64), Поликрата (III, 39, 45, 54), Мильтиада Фракийского (VI, 39), Гиппократа и Гелона (VII, 154, 155). Фукидид также свидетельствует о наемных телохранителях афинских тиранов (VI, 54, 55, 57). У Аристотеля сведения о тиранах и наемниках содержатся, главным образом, в пятой книге «Политики». Он также говорит о наемниках афинских тиранов и проблемах их финансирования (*Ath. pol.*, XIV, 1; XV, 2; XVI, 4; XVIII, 3, 4). Важными являются сообщения Диодора Сицилийского о наемниках сицилийских тиранов, о которых он повествует в XI книге, а также Полиэна (V, 1, 6, 47; VI, 51), последний свидетельствует также и о телохранителях Писистрата и Гиппия (I, 21, 22). Сведения, дополняющие данную тему, содержатся в отдельных речах Демосфена и Исократы, а также у Гераклида Понтийского. Дионисия Галикарнасского, Дуриса Самосского, Николая Дамаского, Павсания, Пиндара, Плутарха, Тимея, Филохора, Эфора и Юстина.

Специальная литература, посвященная тирании вообще и архаической в частности, достаточно обширна, чего нельзя сказать о таковой, посвященной наемникам.¹ Основным по этой теме до сих пор является труд Парка «Греческие наемные солдаты с древнейших времен до сражения при Ипсе», вторая глава первой части которого посвящена наемникам тиранов Балканской Греции и сицилийских, прежде всего Дейноменидов.² Парк в этой главе весьма лаконичен и не дает связного исторического повествования, но отмечает основные моменты истории наемников ранних тиранов. Мы же со своей стороны постараемся представить, по возможности, полную картину службы наемников у архаических тиранов, отмечая попутно и другие силы, на которые они опирали свою власть.

© М. А. Александров. 1995

¹ Обзор основных работ о тиранах см.: Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. Л., 1988. С. 158—159, прим. 30, 31.— О наемниках см.: Маринович Л. П. Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса. М., 1975. С. 3—17.

² Parke H. Greek Mercenary Soldiers from the Earliest Times to the Battle of Ipsus. Oxford, 1933. P. 7—13.

Профессия наемника известна народам Средиземноморья с древнейших времен. «Наемниками» (*μισθοφόροι, ἐπίχοιροι, ξένοι*) принято называть профессиональных воинов, которые служили чужеземным нанимателям. Этот-то оттенок и передается словом *ξένος*³. Возможно, что в полисах Греции с VIII или VII в. стали использовать в случае войны наемников.⁴ Косвенным подтверждением присутствия наемников может быть и чеканка монет. Первые правильные металлические деньги начали чеканить в Лидии, где сравнительно рано стали пользоваться наемными воинами. В первой половине VII в. наиболее развитые города Ионии по примеру соседей начали чеканить монеты из электрона, предназначенные, в частности, для выплат больших сумм наемникам; с середины VII в. чеканка распространяется и в Балканской Греции (Эгина около 630 г., Коринф около 610 г., Афины начало VI в.).⁵ Интересно, что в это же самое время там уже существуют или устанавливаются тиранические режимы.⁶ Тирании возникают в наиболее развитых регионах, для метрополии это приистмийские полисы Коринф, Сикион, Мегары, а также Афины.

В середине VII в. к власти в Коринфе пришел Кипсел, по матери принадлежавший к правящему роду Бакхиадов. Затаив на них злобу за изгнание, а также побуждаемый предсказанием дельфийского оракула, что он будет царем Коринфа, Кипсел, вернувшись в город, заботой о благе демоса снискал его уважение и добился должности полемарха. Действуя и далее демагогическими методами, он продолжал располагать народ к себе, одновременно настраивая его против Бакхиадов. Наконец, Кипсел, организовав сообщество заговорщиков, убивает царствующего Бакхиада и сам становится властителем Коринфа. Тридцать лет своего правления он жил спокойно, не имея телохранителей (*δορυφόροι*). Николай Дамасский уподобляет его власть царской, Аристотель же указывает на ее демагогический характер (Arist., Pol. V, 9, 22, P. 1315 b 22—28; Nic. Dam., fr. 58 Müller). Таким образом, первый тиран Коринфа вылядит как достаточно популярный правитель, опирающийся на симпатизирующий ему демос, склоненный на его сторону демагогией, и на группу ближайших сторонников. Если у него и была какая-либо охрана, то она могла состоять только из граждан. Вероятно, намек на это содержится в следующем свидетельстве Аристотеля: «Охрана царя состоит из граждан, охрана ти-

³ Parke H. Greek Mercenary Soldiers... P. 1—2; Маринович Л. П. Греческое наемничество... С. 13—14.

⁴ Белох Ю. История Греции / Пер. М. Гершензона. М., 1897. Т. 1. С. 340.

⁵ Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. С. 95. — Существует даже выдвинутая Куком теория происхождения денег, объясняющая их возникновение необходимостью платить наемным воинам. См.: Маринович Л. П. Греческое наемничество... С. 247.

⁶ См.: Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. С. 160.

рана — из наемников» (Pol. V, 8, 6, P. 1311 а 7. — *Пер. С. А. Жебелева, А. И. Доватура*). Его сын Периандр изменил характер власти, стал чинить различные препятствия гражданам в частной жизни, занимал их различными делами и, опасаясь с их стороны заговора, окружил себя 300 телохранителями — дорифорами, которые, очевидно, были наемниками. Аристотель и Николай Дамасский единогласно называют его тираном. Он был воинственным и постоянно совершал морские походы, однако нет никаких свидетельств, что он пользовался при этом наемниками (Nic. Dam., fr. 59; 60, 3 Müller; Arist., Pol. V, 9, 22 P. 1315 b 28—30; Diog. Laert., I, 98; Heraclid. Pont., V Müller). Для упрочения своей власти Периандр заключал союзы с другими властителями: с тираном Милета Фрасибулом (Herod., I, 20; III, 92; Arist., Pol. V, 7, 3 P. 1284 а 27—33; 8, 7, P. 1311 а 20), возможно что с Алиаттом (намек на это содержится у Herod., I, 20; III, 48; Nic. Dam., fr. 60, 3 Müller; Diog. Laert., I, 94), а также с фараонами Сансской династии, о чем, очевидно, свидетельствует имя его племянника Псамметиха (Arist., Pol. V, 9, 22 P. 1315 а 26; Nic. Dam., fr. 60, 4 Müller). Известно, что лидийские династы, пользовавшиеся наемниками, вербовали воинов также и в Балканской Греции (Diod., IX 32; Nic. Dam., fr. 65 Müller; Iustin., I 7, 9), в Египте тоже пользовались греческими наемниками (Diod., I 66; Herod., II 151, 152; Polyae., VII 3). Поэтому можно предположить, что коринфский тиран мог содействовать эмиссарам дружественных восточных монархов в найме воинов, тем более, что рядом находился Пелопоннес, такие области которого, как Аркадия и Арголида, впоследствии традицией будут отмечены как источники наемников-гоплитов.⁷

Основателем сикионской тирании, современной коринфской, является Орфагор. От большинства остальных тиранов этой эпохи он отличался тем, что был низкого происхождения. Орфагор выдвинулся на войне, стал полемархом, а затем тираном.⁸ Один из его последователей, принадлежащий к побочной линии правящего клана Клисфен хитростью и силой достиг власти, отстранив «законных» правителей. Николай Дамасский рассказывает, как он руками своего брата Исодема устранил правящего Мирона, также своего брата,⁹ а затем, склонив на свою сторону друзей Исодема, хитростью и его лишил власти и изгнал. Когда же последний пожелал вернуться, Клисфен вооружил войско, воспрепятствовал его возвращению и сам стал

⁷ Об Аркадии и аркадских наемниках см.: Rarke H. Greek Mercenary Soldiers... P. 14, note 1. — Ниже речь пойдет об аргосских наемниках Писистрата. О приоритете Аргоса в изобретении паноплии и тактике боя фалангой см.: Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. С. 116—118.

⁸ Oliva P. Raná řecká tyrannis. Praha, 1954. S. 181, 184—185.

⁹ О генеологии сикионской тирании см.: Oliva P. Raná řecká tyrannis. S. 182, pozn. 27; S. 186—187, pozn. 35—37.

тираном. Традиция представляет его воинственным тираном, который участвовал в «Священной войне» против Крисы, воевал он также и с Аргосом (Herod., V, 67; Nic. Dam., fr. 61 Müller; Paus., X, 37, 6). Нет конкретных свидетельств о том, что Клисфен использовал наемников в иностранных кампаниях. Сикионские тираны подобно большинству других старших тиранов пользовались поддержкой демоса, а также ближайших сторонников — «друзей». Не исключено, что Мирон, будучи одной из фигур (Nic. Dam., fr. 61, 1 Müller), мог иметь наемных телохранителей — дорифоров, а также и сам Клисфен, придавший своей политике военную окраску.

О Феагене Мегарском известно, что он достиг власти как Писистрат и Дионисий Старший, т. е. вступил в конфликт с представителями правящих кругов, благодаря чему демос поверил в его преданность, и Феаген получил разрешение иметь телохранителей, но были ли они наемниками, или бедными гражданами — сведений нет (Arist., Pol. V, 4, 5, P. 1305 a 24). Килон, согласно Фукидиду, «получив войско» (δούραμιν) от Феагена и «побудив друзей», захватил акрополь с целью установить тираническую власть в Афинах (Thuc., I, 126, 5). Что представляло собой это войско, опять же не известно (Парк считает, что это могли быть и не наемники).¹⁰ Геродот сообщает лишь о сверстниках Килона (V, 71). Если это войско все же состояло из наемников, то хорошо видны силы, на которые опирался кандидат в тираны: чужеземные наемники и сторонники из граждан.

Пример Афин полнее иллюстрирует службу наемников у тиранов в конце архаики. Писистрат, глава политической группировки диакриев, отличившись как стратег, демагогическими действиями склонил демос дать ему телохранителей. Предложение об этом внес некто из его сторонников Аристон или Аристион. На основании этого Писистрату были предоставлены телохранители из горожан, но это была не традиционная охрана тирана — дорифоры, а коринефоры (дубинщики). С ними он захватил акрополь и сделался тираном в 561/60 г. Плутарх говорит, что их было 50, Полиэн — 300, а Диоген Лаэртский — 400. Скорее всего, они были из числа его сторонников диакриев (Arist., Ath. pol., XIII, 4; XIV; Pol., V, 4, 5 P. 1305 a 24; Diog. Laert., I, 98; Herod., I, 59; Plut., Sol. 30, 2; Polyae., I, 21, 3; Justin., II, 8, 1—10). Однако этого отряда оказалось недостаточно, чтобы спасти тирана от изгнания, ибо его положение более зависело от отношения к нему политической коалиции паралиев и педиаков. Тиран был изгнан ими. И после первого возвращения тирана его безопасность зависела от этой коалиции. Поэтому после второго изгнания Писистрат решил осно-

¹⁰ Parke H. Greek Mercenary Soldiers... P. 8, note 1.

вательнее укрепить свою власть.¹¹ Он, по Геродоту, обосновавшись в Эретрии (I, 61, 62), по Аристотелю же, сначала во Фракии, а затем уже в Эретрии (Ath. pol., XV, 2, 3),¹² благодаря влиятельным друзьям из различных полисов Эллады, собрал значительные денежные средства, на которые на вербовал аргосских наемников, по Геродоту, прибывших к нему в Эретрию. Аристотель говорит, что наемниками он обзавелся во Фракии. Относительно аргосских воинов Аристотель отмечает, что их было — тысяча, и приведены они были к тирану его незаконным сыном от аргивянки Гегесистратом в качестве помощи из дружественного Аргоса. Наемниками он их не называет (Ath. pol. XVII, 3). Можно предположить, что Писистрат пользовался в Аргосе преимущественным правом вербовки воинов, и Гегесистрат привел к нему оттуда наемников. Парк, в общем, тоже считает их наемниками.¹³ Геродот и Аристотель согласны в том, что в Эретрии к Писистрату присоединился Лигдамид, доставивший деньги и мужей, которые, очевидно, были его сторонниками и наемниками.

С этим воинством тиран высадился в Марафоне на берегу преданной ему Диакрии, и после того, как усилил его сторонниками из Афин и Аттики (очевидно, его наемников было не так уж много, чтобы исключительно с их помощью можно было наверняка овладеть Афинами), двинулся на город. У храма Афины-Паллены Писистрат разбил гражданское ополчение Афин и окончательно в третий раз завладел ими (Herod., I, 62, 63; Arist., Ath. pol. XV, 3). После этого Писистрат основал свою власть полностью на наемниках и денежных доходах, получаемых из золотых рудников во Фракии (Herod., I, 64). Что касается денежных сборов в Афинах, часть которых шла на наемников, то Аристотель сообщает об изъятии 1/10 части дохода граждан (Ath. pol. XVI, 4), Фукидид — 1/20 (VI, 54, 5).

Наши источники не сообщают ничего конкретного об использовании Писистратом своих наемников в захватнических войнах. Среди прочего он завоевал Наксос и возвратил его своему стороннику Лигдамиду (Herod., I, 64; Arist., Ath. pol. XV, 3).¹⁴ Воинами Лигдамиды, очевидно наемными, воспользо-

¹¹ Хронология периодов правления и изгнания Писистрата см.: O l i v a P. *Raná řecká tyrannis*. S. 325—327, pozn. 162, 167, 168, 170, 171.

¹² Белох и Бузольт примиряют их свидетельства, считая, что Писистрат сначала удалился во Фракию, затем в Эретрию. Бузольт считает, что наемниками Писистрат обзавелся во Фракии, а затем прибыл в Эретрию: Б е л о х Ю. История Греции. Т. I. С. 260; B u s o l t G. *Griechische Geschichte*. 2. Aufl. Bd 2. Gotha, 1897. S. 323. Anm. 4; S. 324. Anm. 1—4.

¹³ P a r k e H. *Greek Mercenary Soldiers*. . . P. 8, note 6.

¹⁴ Парк считает, что во внешних кампаниях Писистрат использовал своих наемников только при возвращении Лигдамиды на Наксос. По его мнению, наемников у тирана, в общем-то, было немного и их главная функция заключалась в охране тирана: P a r k e H. *Greek Mercenary Soldiers*. . . P. 9.

вался Поликрат для установления своей власти над Самосом (Polyaen., I, 23, 2; Herod., III, 39, 120). Бузольт отмечает, что таким образом Писистрат распространял свое влияние в Эгее.¹⁵ На Геллеспонте он занял Сигей и поставил в нем тираном уже упомянутого Гегесистрата, который не раз отстаивал это заморское владение в борьбе с Митиленой, пользуясь, скорее всего, наемниками (Herod., V, 94). Одновременно со взятием Сигея Мильтиад I из аристократического рода Филаидов основал собственное княжество на Херсонесе Фракийском. Это предприятие удалось осуществить при содействии Писистрата.¹⁶ Племянник Мильтиада I по отцу, Мильтиад II, с помощью Писистратидов захватил власть на Херсонесе и содержал 500 наемников, часть которых могла быть фракийцами (Herod., VI, 34—39).

После смерти Писистрата (528/7 г.) при его преемниках ситуация в Афинах в силу известных обстоятельств изменилась в худшую для них сторону. После свержения спартанцами Лигдамида¹⁷ и гибели Поликрата (523 г.), а также утраты фракийских владений в результате персидской экспансии сократилась сфера внешнего влияния афинских тиранов. Потеря фракийского источника доходов, очевидно, отрицательно сказывалась на численности их наемников. Ухудшились также и их отношения с гражданским коллективом. Именно этим можно объяснить засвидетельствованную источниками функцию наемников Писистратидов как телохранителей. Это было тем более необходимо, если афинские граждане были разоружены только после убийства Гиппарха в 514 г. (Arist., Ath. pol. XV, 4, XVIII, 4; Polyaen., I, 21, 2; 22; Thuc., VI, 55, 3; 57, 1, 4; 58; ср. также Aristoph., Equit. 448).¹⁸ Впрочем, наемников Гиппия, очевидно, было недостаточно для того, чтобы он мог чувствовать себя безопасно в городе, о чем свидетельствует его неуверенность, проявлявшаяся в укреплении им Мунихии и намерении туда переселиться (Arist., Ath. pol. XIX, 2; Plut., Sol. 12). Его наемников было недостаточно и для серьезного военного столкновения. Гиппий, разбив силы изгнанников, возглавляемых Алкмеонидами, в конфликте со Спартой был вынужден воспользоваться помощью тысячи фессалийских всадников под началом тага Кинея (Herod., V, 62, 63; Arist., Ath. pol. XIX, 3—5). Аристотель говорит, что они пришли на помощь, у Геродота это — эпикурия, что можно понимать и как помощь наемниками, и

¹⁵ Busolt G. Griechische Geschichte. Bd. 2. S. 375.

¹⁶ Белох Ю. История Греции. Т. I. С. 263; Busolt G. Griechische Geschichte. Bd. 2. S. 374. Anm. 3.

¹⁷ Oliva P. Raná řecká tyrannis. S. 168—169.

¹⁸ О разоружении граждан см.: Parke H. Greek Mercenary Soldiers... P. 9, note 2.—Ср.: Arist. Ath. pol. XV, 4; Polyaen., I, 21, 2 с Thuc. VI, 58, а также: Arist. Ath. pol. XVIII, 4.—Впрочем, оружие, о котором говорят Фукидид и Аристотель в последнем пассаже, могло выдаваться участникам процессии временно, чтобы не нарушался ритуал.

как союзническую помощь, в данном случае наиболее вероятным является последнее.¹⁹ С их помощью Гиппарху удалось отразить первый поход спартанцев на Афины, но, когда они, верные своему правилу низвергать тиранические режимы, как следует подготовились, Гиппий, несмотря на помощь фессалийцев, в 510 г. был изгнан (Herod., V, 64, 65; Thuc., I, 18, 1; VI, 59; Arist., Ath. pol. XIX, 6). Определенную роль в свержении тирана сыграли Алкмеониды, которые, согласно Геродоту и Аристотелю, отстроили новый храм в Дельфах и благодаря этому с помощью пифии и денег побудили спартанцев освободить Афины (Herod., V, 62, 63; Arist., Ath. pol. XIX, 3, 4). В поздней же традиции содержатся намеки на то, что Алкмеониды, приобретя благодаря строительному подряду деньги, на вербовали на них наемников и совместно со спартанцами изгнали Гиппия (Dem., XXI, 144; Isocr., XV, 232; Philochor., fr. 70 Müller).²⁰

Из восточных греческих тиранов конца интересующей нас эпохи, про которого хорошо известно, что он пользовался наемниками, был Поликрат. Выше уже говорилось о том, как он в 30-е годы VI в. с помощью наемных воинов завладел Самосом. В дальнейшем силу тирана составляли иноземные наемники, а также тысяча местных лучников и флот из ста пентеконтер. Тирана также активно поддерживала часть граждан. Геродот сообщает о совместных действиях наемников и большого отряда граждан (III, 54). Из поговорки, которую мы находим у Дуриса Самосского (fr. 49 Müller), вытекает, что его как будто бы составляли неимущие граждане. После гибели Поликрата его наемники служили его преемнику Меандрю, а затем брату последнего, Харилаю, который был уже ставленником персов (Herod., III, 39—48, 54—60, 120—125, 139—147; Polyae., I, 23; Thuc., I, 136).

Наиболее известными тиранами полисов малоазиатского побережья были тираны Милета и Митилены (VII/VI вв.). Но никаких свидетельств о их наемниках не имеется, что касается тиранов из остальных полисов этого региона, то традиция сообщает только их имена, но в большинстве случаев и они отсутствуют. В конце VI в. при персах тирания была господствующей формой правления в полисах Малой Азии. Вероятно, что эти тираны имели, по меньшей мере, отряды телохранителей-наемников.

На Сицилии, которую называют матерью тиранов,²¹ порядки, существующие в метрополии в переходное от архаики к классике время, стали почти постоянными режимами. Самым

¹⁹ Парк считает, что это союзники: Parke H. Greek Mercenary Soldiers... P. 9, note 4.

²⁰ См. также: Parke H. Greek Mercenary Soldiers... P. 9, note 4; Busolt G. Griechische Geschichte. Bd. 2. S. 388. Anm. 5.

²¹ Курциус Э. История Греции. Т. I. М., 1878. С. 445.

первым сицилийским тираном, который к тому же продемонстрировал классические методы борьбы за власть, был Панетий из Леонтин (около 600 г.). Согласно Аристотелю, Панетий добился тиранической власти, действуя демагогическими методами (Pol. V, 8, 4, P. 1310 b 29—31; 10, 4 P. 1316 a 34—39). Полиэн рассказывает, что Панетий, будучи полемархом во время войны леонтинцев с мегарянами, натравливал «бедных и пехотинцев» на «богатых и всадников», а затем уничтожил последних с помощью 600 «пельтастов», которых держал наготове для восстания, и так называемых «конюхов», после чего был провозглашен сторонниками тираном (V, 47). Таким образом, у Полиэна мы видим две группы его сторонников. Употребление слова «пельтасты» является, скорее всего, терминологической небрежностью автора. Пельтастом примерно с V в. называли либо фракийского легковооруженного воина, который, как правило, был наемником, либо вообще наемника с легким вооружением в большинстве случаев фракийского типа. У Полиэна в этом пассаже пельтастами называются, очевидно, просто легковооруженные, но также может быть, что это слово у него является синонимом легковооруженного наемника. Впрочем, эти так называемые пельтасты могли быть просто наиболее преданной Панетию частью «бедных и пехотинцев».²² Что касается «конюхов», то бесспорным является то, что наемниками они не были. Это — неимущие граждане или рабы. Второй по времени сицилийский тиран, Фаларис Акрагантский (560 г.), прославлен традицией как жестокий и воинственный. У Полиэна мы находим сообщение о том, что он, вооружив чужеземцев и рабов, которых с разрешения демоса нанял для строительства храма Зевса, с их помощью стал тираном. В качестве такового он основал свою безопасность на дорифорах и разоружении граждан (V, 1). Его современник Ферон Селинунтский захватил власть, вооружив отряд из 300 рабов (Polyaen., I, 28).

Значительно подробнее освещена история сиракузских тиранов первой трети V в. и их наемников. В 505 г. тираном в Геле стал Клеандр (Herod., VII, 154; Arist., Pol. V, 10, 4 P. 1316 a 37—38). После его гибели (498 г.) ему наследовал его брат Гиппократ, который, на вербовав многочисленных наемников, провел ряд удачных войн. Гиппократ в особенности интересен тем, что был, пожалуй, первым греческим тираном, нанимавшим сикулов (Polyaen., V, 6). В этом он предвосхитил практику Дионисия Старшего. Гиппократ поставил своей целью завоевание Сицилии и благодаря своим наемникам добился в этом значительных успехов. В частности, в 492 г. он нанес по-

²² Парк допускает возможность того, что речь идет о легковооруженных наемниках: Parke H. Greek Mercenary Soldiers... P. 10, note 1. — Э. Д. Фролов предполагает, что это не наемники, а сторонники тирана: Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. С. 176.

ражение сиракузянам при р. Гелоре, но сам город не взял. В 491 г. гелойский тиран пал в битве с сикулами при Гибле. Во всех его походах выделялся Гелон, сын Дейномена. Геродот сообщает, что первоначально он был дорифором Гиппократа. Тут же он говорит и о другом его дорифоре, некоем Энесидеме, сыне Патека, которого пытаются идентифицировать с отцом тирана Ферона Акрагантского, будущего союзника Гелона и Гиерона.²³ Позднее Гелон дослужился до начальника конницы. После гибели Гиппократа граждане Гелы выступили против сыновей тирана, но Гелон со своими наемниками сломил сопротивление гелойцев, устранил затем сыновей Гиппократа и сам стал тираном. Опираясь на наемников, Гелон продолжил завоевательную политику предшественника и в 485 г. легко завладел Сиракузами. Став сиракузским тираном, Гелон решил опираться не только на наемников, но и на различные слои сиракузского общества,²⁴ численность которого он увеличил путем принудительного сиюнизма с жителями некоторых полисов (Herod., VII, 154—156; Arist., Pol. V, 2, 6 P. 1302 b 25—33). Сиракузы стали сильнейшим полисом греческого запада, что, очевидно, соответствовало и экспансионистским планам Гелона, и необходимости борьбы с Карфагеном. В то же время такое увеличение населения представляло потенциальную опасность для тирана (некоторые другие тираны, наоборот, даже старались избавиться от излишнего скопления населения в городе). Гелон же для собственной безопасности укрепил районы Сиракуз, называемые Ахрадина и Тихе. Возможно, что он соединил Ортигию с сушей, построил на ней арсенал и казармы для наемников.²⁵

Наемная армия Гелона по численности неизмеримо превосходила такие же формирования остальных тиранов этой эпохи. Согласно Геродоту, он обещал представителям Панэллинской лиги предоставить для отражения Ксеркса 200 триер, 20 тыс. гоплитов, 2 тыс. всадников и 6 тыс. разного рода легко вооруженных. Эфор говорит, что он обещал выставить 10 тыс. воинов (fr. I, 66 Jacoby), а Тимей доводит их число до 20 тыс. (fr. 87 Müller). Диодор сообщает, что при Гимере (480 г.) Гелон имел 50 тыс. пеших и 5 тыс. всадников (XI, 21,1). Соотношение количества граждан и наемников нигде не указывается, но тут можно согласиться с Парком, который предполагает, что число последних могло достигать у Гелона примерно 15 тыс.²⁶ Скорее всего, постоянно у тирана имелся достаточно сильный отряд телохранителей, а перед кампаниями дополнительно вербовались наемные воины, ибо постоянно содержать

²³ Parke H. Greek Mercenary Soldiers... P. 10, note 2; Busolt G. Griechische Geschichte. Bd. 2. S. 781. Anm. 1.

²⁴ См.: Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. С. 196, прим. 46.

²⁵ Busolt G. Griechische Geschichte. Bd. 2. S. 786. Anm. 1.

²⁶ Parke H. Greek Mercenary Soldiers... P. 11.

большое наемное войско для казны было бы слишком обременительно. Гелон обновлял состав своих наемников, а отслужившим ветеранам он предоставлял права сиракузского гражданства и, может быть, других полисов. Согласно Диодору, он поселил в Сиракузах 10 тыс. наемников в качестве граждан (XI, 72, 3). Это был один из способов упрочения его власти.²⁷ Простые наемники составляли главное орудие тирана, помимо них он опирался на привилегированную прослойку, состоявшую из родственников и друзей, которые занимали важные посты в управлении.²⁸ Из близких сторонников Гелона нам известны имена троих: Агесий из Стимфалы (Pind., Olymp. VI), Формид из Менала (Paus., V, 27, 2), Пракситель из Мантинеи, известный по одной надписи в Олимпии.²⁹ Интересно отметить, что все они происходили из Аркадии — типичного источника наемников в V в., и не исключено, что они могли командовать у Гелона подразделениями аркадских наемников. Помимо всего этого Гелон пользовался расположением граждан (Diod., XI, 26, 38, 67).

Внешняя политика Гелона заключалась не только в завоеваниях. Например, он заключил союз с тираном Акраганта, Фероном. Ферон в 488/7 г. захватил власть в Акраганте с помощью своих дорифоров, которым он, вероятно, весьма щедро заплатил, добыв средства благодаря заключению подряда на строительство храма Афины (Diod., XI, 53; Polyae., VI, 51). Подобно Гиппократу и Гелону, новоявленный тиран распространял свое владычество на другие полисы. В частности, он изгнал Терилла, тирана Гимеры, и присоединил ее к Акраганту. Это в конечном итоге привело к конфликту с Карфагеном (Herod., VII, 165).

В Карфагене еще во второй половине VI в. Магоном была осуществлена реорганизация армии, суть которой заключалась в замене гражданского ополчения наемниками, ядром же армии был отборный отряд из граждан Карфагена.³⁰ В 480 г. огромное карфагенское войско, состоявшее из граждан самого Карфагена, ливийцев, а также наемников, наемников, наемников из Италии, Лигурии, Галлии и Иберии, высадилось в Панорме. Однако это воинство не устояло при Гимере против сил Гелона и Ферона, представленных эллинскими наемниками и гражданами. Следствием победы было то, что вся греческая часть Сицилии оказалась во власти и под влиянием Гелона (Herod., VII, 165—167; Diod., XI, 1, 20—26; Polyae., I, 27, 2; 28).

После смерти Гелона в 478 г. ему наследовал Гиерон, об-

²⁷ Дионисий Старший тоже периодически менял состав наемников, но нет свидетельств, что он наделял их правами гражданства. См.: Фролов Э. Д. Сицилийская держава Дионисия. Л., 1979. С. 118, 123.

²⁸ Белох Ю. История Греции. Т. I. С. 353.

²⁹ Parke H. Greek Mercenary Soldiers. ... P. 11 note 3.

³⁰ Busolt G. Griechische Geschichte. Bd. 2. S. 787. Anm. 6.

новивший ряды наемников (Diod., XI, 48, 3). При нем внешняя экспансия Сиракуз обращается в сторону Италии. Итак, около 476 г. Гиерон вмешался в войну между Кротонем, с одной стороны, и Скидросом и Лаосом — с другой, на стороне последних (Herod., VI, 21; Diod., XI, 48; Tim., fr. 90 Müller). В рассказе Диодора можно заметить еще один аспект оказания такой помощи. Во главе наемников, направленных на помощь Скидросу и Лаосу, Гиерон поставил своего брата Полизела, популярности которого у сиракузян он завидовал, надеясь на его гибель в борьбе с Кротонем. Полизел бежал к своему тестю Ферону Акрагантскому. Чуть было не началась война, но дело все же на этот раз было решено миром. Разногласия между членами правящего клана усугублялись начинающимся проявлением недовольства демоса. (Об изменении характера режима после смерти Гелона см.: Diod., XI, 48, 67.) Поэтому важной опорой власти Гиерона послужило предпринятое в 476/5 г. превращение Катаны, жителей которой он переселил в Леонтины, в военную колонию для его сторонников, переселенцев из Пелопоннеса и самих Сиракуз. Колония эта получила название Этна. Все эти меры были предприняты на случай непредвиденной опасности (Diod., XI, 49, 2; 67, 7; Pind., Pyth. I, 31; 60—70; III, 69).³¹ Несмотря на внутренние трудности, Гиерон не забывал о внешней политике. В 474 г. он помог Кумам отразить нападение этрусков (Diod., XI, 51; Pind., Pyth. I, 72 sq.).³² Тем временем снова ухудшились отношения между Гиероном и Акрагантом, которым правил сын Ферона Фрасидей. Дело дошло до военного столкновения, и хотя Фрасидей и имел двадцать тысяч воинов, состоящих из большого количества наемников, а также граждан Акраганта и Гимеры, тем не менее он был разбит (Diod., XI, 53).

После смерти Гиерона в 467/6 г. к власти пришел Фрасибул, правивший около года. Он был уже совершенно непопулярен и поэтому, придя к власти, набрал множество новых наемников. Однако партия сторонников сына Гелона организовала против него выступление демоса, и Фрасибул был вынужден призвать на помощь союзников из Этны, а также на вербо-

³¹ Парк считает, что в число граждан Этны вошли некоторые из его наемников-ветеранов: Parke H. Greek Mercenary Soldiers... P. 12; о такой же практике Дионисия Старшего см.: Фролов Э. Д. Сицилийская держава... С. 123.

³² Еще в конце VI в. Кумы могли не только самостоятельно отражать италийских варваров, но даже вести наступательную войну против этрусков и нанести им поражение в Лациуме. Этим походом командовал Аристодем, который по возвращении в Кумы низверг аристократию и провозгласил себя тираном. Опорой ему служили, согласно Дионисию Галикарнасскому, три отряда: из неимущих граждан, рабов и наемников-варваров (VII, 2—14). Диодор же просто отмечает наличие у него наемников (VII, fr. 10). См. также: Миллиор Е. А. Античная традиция об Аристодеме Кумском // ВДИ. 1953. № 3. С. 208—212; Белох Ю. История Греции. Т. I. С. 311; Busolt G. Griechische Geschichte, Bd. 2. S. 804. Anm. 1.

вать дополнительных наемников, и у него собралось 15 тыс. воинов. Сиракузяне также призвали на помощь из Гелы, Акраганта, Селинунта, Гимеры и сиккульских городов. Этим объединенным силам тиран не мог противостоять. Разбитый на суше и на море, оставленный своими союзниками, он был блокирован с наемниками в Ахрадине и на Ортигии. В 466 г. Фрасибул, наконец, капитулировал и как частное лицо удалился в Локры Эпизефирские (Arist., Pol. V, 8, 19, P. 1312 b 11—16; 9, 23, P. 1315 b 38—39; Diod., XI, 67, 68).

После изгнания тирана смута в Сиракузах продолжалась, и ее причиной были наемники Гиерона, получившие от него права граждан. В 463 г. их было еще 7 тыс. Им запретили занимать важные полисные должности, и они попытались восстановить свои права силой, но в итоге были побеждены. Была разгромлена и Этна. Проблему же наемников, поселенных в Сиракузах и некоторых других полисах, решили, позволив им колонизовать Мессану (Diod., XI, 72—73. 76, 91; Arist., Pol. V, 2, 11 P. 1303 b 39—40) и, может быть, Камарину.³³

В 454 г. засвидетельствована последняя перед длительным перерывом попытка установления тирании в Сиракузах. Некий влиятельный гражданин Тиндарид, желая стать тираном, раздал толпе деньги, чтобы таким образом обзавестись дорифорами. Он был убит, и для предотвращения подобных казусов в Сиракузах был введен петализм (Diod., XI, 86). Следующая половина столетия прошла спокойно. Сицилию не беспокоили тираны и их наемники. Впрочем, последние стали столь известными, что даже вошли в поговорки.³⁴

В заключение нам хочется отметить некоторые основные моменты в истории наемников архаического периода. Для большинства тиранов этой эпохи наемники были одним из факторов, на котором зиждилась их власть и личная безопасность. Как правило, основатели тираний в Балканской Греции приходили к власти, расположив по отношению к себе демос в целом. При этом они опирались на ближайших сторонников и использовали авторитет высокой государственной должности, занимаемой ими, в большинстве случаев военной. Если у них и была какая-нибудь персональная охрана, то очевидно, что она состояла только из граждан (Кипсел, Орфагор, Писистрат во время своего первого пришествия к власти и, может быть, Феаген). При их преемниках отношения с демосом ухудшались и тираны стали обзаводиться телохранителями-дорифорами, которые, скорее всего, являлись наемниками (Периандр, Клисфен, Писистрат, которые начали с использования телохранителей из бедных граждан и кончили наемниками, а также Писистрати-

³³ P a r k e H. Greek Mercenary Soldiers... P. 13, note 1.

³⁴ Ibid. Note 2.

ды). Нет свидетельств, что они использовали наемников в войнах с внешними противниками.

Тиранам, которые появлялись на периферии греческого мира, с самого начала было свойственно опираться на силы, либо не имеющие особо прочных связей с полисом, либо не совсем чуждые ему. Так, Поликрат, судя по всему, захватил власть исключительно с помощью наемников. Весьма вероятно, что основной силой Панетия были наемники. при этом ему помогали то ли бедные граждане, то ли рабы. На чужеземцев и рабов опирался Фаларис Акрагантский, исключительно на рабов — Ферон Селинунтский, а Аристодем Кумский — сразу на граждан, рабов и наемников-варваров. Неизвестно, как пришли к власти гелойские тираны, но Дейномениды продемонстрировали большое сходство с представителями младшей тирании (особенно с Дионисием Старшим) тем, что использовали своих наемников, подобно последним, не только как телохранителей, но также в борьбе с внешней опасностью и для территориальной экспансии, набирая их в масштабах больших, чем остальные тираны интересующей нас эпохи.

Из каких областей Греции происходили наемники архаической эпохи, с точностью неизвестно. Согласно нашей традиции первыми наемниками там были карийцы (Strab., XIV, 2, 28, P. 662; Archiloch., fr. 24 (15) Bergk). Впрочем, политическая и экономическая ситуация побуждала часть мужского населения Греции рисковать своей жизнью в качестве наемника. Одним из источников наемничества, быть может, уже тогда являлись некоторые отдаленные области Пелопоннеса.

Содержание наемников вызывало потребность в более или менее постоянных источниках дохода. Наряду с такими известными, как, например, владение рудниками, где добывались драгоценные металлы, обложение граждан налогами, контрибуции и грабеж врагов, хочется отметить также и такой источник, как использование денег, полученных благодаря заключению строительного подряда (Фаларис Акрагантский, Ферон Акрагантский, а также, быть может, и враги афинских тиранов — Алкмеониды).

Тирании, как явления кризисные, были преходящими режимами. Со становлением классического демократического полиса тираны и их наемники исчезают, на Сицилии это происходит несколько позже, чем в Балканской Греции, и до Пелопоннесской войны об использовании в Греции наемных воинов практически нет сведений. Они появились там в годы Пелопоннесской войны, и после нее наемничество снова, в гораздо более широких масштабах, распространилось в метрополии и на Сицилии, и на сей раз оно стало одним из важнейших факторов, подготовивших рождение младшей тирании.

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА КИПСЕЛИДОВ ПРИ ПЕРИАНДРЕ

В ходе «архаической революции» VII—VI вв. до н. э. наряду с глубокими преобразованиями социально-экономической структуры эллинского общества произошли серьезные изменения и в политической системе греческих полисов. В большинстве развитых городов Греции вслед за свержением аристократического правления были установлены режимы тирании. Пришедшие к власти при поддержке демоса тираны вынуждены были под давлением рядовых граждан идти на определенные преобразования, однако по мере упрочения своих режимов они все чаще прибегали к методам подавления недовольных проводимой ими политики.

Мы остановимся на вопросах внутренней политики, осуществляемой вторым коринфским тираном Периандром.

Свержение в Коринфе в середине VII в. до н. э. олигархии Бакхиадов и приход к власти Кипсела, по-видимому, рассматривался современниками как реставрация старой «героической монархии».¹ Установление же подлинной тирании в Коринфе традиция приписывала его преемнику Периандру.

Так Николай Дамасский сообщает: Периаандр, сын Кипсела, царя коринфян, как старший в роде получил от отца царскую власть (τὴν βασιλείαν) и жестокостью и насилием превратил ее в тиранию (ἐξέτρψεον αὐτὴν εἰς τυραννίδα. fr. 58,1 Jacoby. — *Пер. наш*).

На это же указывает и Аристотель: Периаандр прежде всего изменил форму власти (μετέτρεε τὴν ἀρχήν. fr. 611, 20 Rose. — *Пер. наш*).²

Вероятно, к концу правления Кипсела уже возникла оппозиция против существующего режима единовластия,³ и его наследник вынужден был отстаивать свои права с помощью силы. Для борьбы с противниками и обеспечения личной безопасности Периаандр создал личную гвардию, состоявшую из трехсот копьеносцев (Arist., loc. cit; Nic. Dam., fr. 58,1; Diog. Laert., I, 98).

© С. М. Жестоканов, 1995

¹ Лурье С. Я. История античной общественной мысли. М.; Л., 1929. С. 74; Andrewes A. The Greek tyrants. London, 1956. P. 48; Mossé C. La tyrannie dans la Grèce antique. Paris, 1969. P. 30; Oost S. I. Cypselus the Bacchiad // Cl. Ph., 1972. V. 67. P. 21—22; Fine J. The ancient Greeks, a critical history. London, 1983. P. 110.

² Ure P. N. The origin of tyranny. Cambridge, 1922. P. 190; Andrewes A. The Greek tyrants. P. 47; Oost S. I. Cypselus the Bacchiad. P. 29.

³ Plass H. G. Die Tyrannis in ihren beiden Perioden bei den alten Griechen. Bremen, 1859. T. I. S. 157; O'Neill J. G. Ancient Corinth with a topographical sketch of the Corinthia. Baltimore, 1930. Part. I. P. 124; Oliva P. Rana řecka tyrannis. Praha, 1954. S. 229—231; Oost S. I. Cypselus the Bacchiad. P. 30.

О подавлении коринфским тираном оппозиции рассказывает Геродот: тогда-то тиран начал проявлять величайшую жестокость к своим гражданам. Всех уцелевших от казней и изгнаний Кипсела теперь прикончил Периандр (Hdt., V, 92. *Пер. Г. А. Стратановского*).

Кто составлял эту оппозицию, мы не знаем. Может быть, отстраненные от власти аристократы, воспользовавшиеся смертью Кипсела, пытались восстановить порядки, существовавшие в Коринфе до утверждения тирании. Но не исключено, что в движение пришли уже торгово-ремесленные слои, не видевшие после подавления тиранами их противников-аристократов необходимости в дальнейшем существовании твердой власти.

Поздняя традиция приписывает Периандру установление традиционных для тирании методов правления, которые, по мнению Аристотеля, включали ликвидацию выдающихся граждан, способных возглавить оппозицию, запрет собраний и создания сообществ, а также постоянный контроль за деятельностью сограждан (Pol., V, 9, 2, 1313 a).

Геродот (V, 92) и Плутарх (Conv. Sept. Sap., 2) называют наставником Периандра в проведении жесткой внутренней политики милетского тирана Фрасибула. Аристотель же считает создателем традиционной для тиранов системы управления Периандра, а Фрасибула — учеником коринфского тирана (Pol., III, 8, 3—4, 1284 a).⁴

Проведение жесткой политики, направленной на сохранение установленного Кипселом автократического режима, и послужило основанием для формирования представлений о Периандре как правителе, изменившем форму правления.⁵ В действительности же форма правления осталась прежней, изменились лишь методы ее функционирования.

Предшественником Периандра в широком использовании жестких методов управления для поддержания своей власти был, вероятно, Фейдон Аргосский, что позволило причислить последнего к ранним тиранам (Arist., Pol., V, 8, 4, 1310 b). Оба правителя опирались при этом на полученную ими от предшественников царскую власть. Однако путь Периандра к императивной автократии был облегчен тем, что коринфская аристократия в значительной степени была подавлена его предшественником (Hdt., V, 92), в то время как для установления абсо-

⁴ По мнению А. И. Доватура, данное противоречие в традиции объясняется тем, что Аристотель воспроизводил рассказ по памяти или использовал другие источники (Доватур А. И. Политика и Политики Аристотеля М.; Л., 1965. С. 317).

⁵ Plass H. G. Die Tyrannis... S. 157; Wade-Gery H. T. Tyrants // C.A.H. Vol. 3 1925. P. 552; O'Neill J. Ancient Corinth... P. 124—125; Berve H. Tyrannis bei den Griechen. München, 1967. Bd. 1. S. 22.

лютного единовластия Фейдону необходимо было сломить сопротивление аргосской знати.⁶

Наследник Кипсела, по-видимому, осознавал невозможность устранения оппозиции только при помощи репрессий. Согласно сообщениям Геродота, в начале своего правления он даже правил мягче, чем его отец (V, 92), но, вероятно, уступки тирана, как это часто случается, вызывали увеличение требований и порождали мысль о слабости правителя, после чего Периандр вернулся к жесткой линии управления.

Тем не менее Периандр не замкнулся только на негативных методах осуществления своей власти, но проводил и некоторые преобразования. Одно из таких преобразований было направлено на ограничение рабского труда. Об этом рассказывает Николай Дамасский: он (Периандр) препятствовал гражданам в приобретении рабов (*ἐκώλυε τὰ τοὺς πολῖτας δοῦλους κτάσθαι*. fr. 58,1 — *Пер. наш*). Аналогичное сообщение передает Аристотель (fr. 611, 20) и Свида (s. v. *Περικλῆρος*).

Дж. Сэлмон считает, что Периандр не запрещал использование рабов вообще, а лишь ограничивал их количество.⁷ П. Олива полагает, что эта мера была направлена на ослабление возросшего могущества торгово-ремесленной верхушки.⁸ Советский историк С. Я. Лурье считает, что коринфский тиран, ограничивая рабство, стремился предотвратить новое скопление большого количества наделов в одних руках.⁹

По мнению же подавляющего большинства исследователей, данное ограничение было призвано обеспечить работой разорившихся крестьян, утративших свои надель и вынужденных за определенное вознаграждение служить по найму. Применение же в производстве рабского труда создавало конкуренцию свободным работникам и лишало их средств к существованию.¹⁰

Однако в период архаики применение рабского труда было еще в целом ограниченным и основными производителями оставались свободные работники, феты и полузависимые арендаторы, подобные афинским гектеморам и пелатам. Рабы, как правило, использовались в непроизводственной сфере, в домашнем быту в качестве прислуги, в сфере же производства только как вспомогательная сила для неквалифицированной работы.¹¹

⁶ Andrewes A. The Greek tyrants. P. 41—42; Finley M. I. Early Greece. The bronze and archaic ages. London, 1970. P. 106.

⁷ Salmon J. B. Wealthy Corinth. A history of the city to 338 B. C. Oxford, 1984. P. 200.

⁸ Oliva P. Rana ĩecka tyrannis. S. 229—231.

⁹ Лурье С. Я. История античной общественной мысли. С. 76.

¹⁰ Ure P. N. The origin... P. 192, n. 1; Glotz G. Histoire grecque. Paris, 1938. V. I. P. 321; Haywood R. M. Ancient Greece and the Near East. New York, 1964. P. 227; Fine J. The ancient Greeks... P. 114.

¹¹ Лурье С. Я. История античной общественной мысли. С. 53; Nilsson M. P. The age of the early tyrants. Belfast, 1936. P. 11—13; Will Ed. Korinthiaka. Recherches sur l'histoire et la civilisation de Corinthe des origines aux guerres Médiques. Paris, 1955. P. 510.

Приток рабов-варваров, составлявших в последующие времена значительную часть производительных сил, еще не был стабильным. Источником их поступления были преимущественно пиратские рейды и перекупка на невольничьих рынках. Рабы-варвары в период архаики, по-видимому, стоили довольно дорого. Значительное количество рабов-чужеземцев в Греции появляется только в V в. до н. э., особенно со времени Греко-персидских войн, когда театр военных действий охватил практически все Восточное Средиземноморье. Но даже для V—IV вв. до н. э., когда количество рабов в Греции резко возрастает, возможность их конкуренции по отношению к свободным производителям ставится рядом историков под сомнение.¹²

В связи с этим нам представляется более вероятным, что под ограничением Периандра в приобретении рабов следует понимать установление определенных препятствий для превращения в рабов разорившихся крестьян-должников.¹³

О закабалении должников в Коринфе традиция не сообщает, но, по-видимому, известное порабощение мелких земледельцев в досолоновской Аттике (Arist. Ath. Pol., II, 2; Plut. Sol., 13, 4) не было исключительным явлением, и подобные процессы происходили в VII—VI вв. до н. э. и в других полисах Греции.

По крайней мере, о росте задолженности в Коринфе нам известно. Николай Дамасский сообщает о содержании несостоятельных должников под стражей до выплаты ими долга (fr. 57,5). Но значительная, если не подавляющая, часть должников определенно не могла выплатить долгов. В таком случае, какова была их дальнейшая судьба? Пожизненное содержание их под стражей сомнительно. Напрашивается логичный, на наш взгляд, вывод, что они так же, как и в досолоновской Аттике, по истечении определенного законом времени превращались в долговых рабов своих кредиторов.

Если наше предположение верно, то запрет или, по крайней мере, ограничение на превращение свободных земледельцев в долговых рабов, предвосхищавшее аналогичную реформу Солона, было еще одной мерой, направленной на сглаживание социальных противоречий. В ослаблении социальной напряженности в Коринфии Кипсел сделал первый шаг, наделив безземельных крестьян землей, частично из фонда конфискованных владений Бакхиадов и их сторонников (Nic. Dam. fr. 57,7),¹⁴

¹² Pöhlmann R. Geschichte der sozialen Frage und des Sozialismus in der antiken Welt. München, 1925. Bd. 1. S. 525sq.; Ehrenberg V. The people of Aristophanes. A. sociology of attic comedy. London, 1943. P. 97ff.; Will E. d. Korinthiaka... P. 510.

¹³ К данному выводу, по-видимому, склоняется Э. Вилль, утверждающий, что большинство рабов в Бакхиадском Коринфе составляли закабаленные крестьяне (Will Ed. Korinthiaka... P. 510—512).

¹⁴ Meyer Ed. Geschichte des Altertums. Stuttgart, 1928. Bd. 2. S. 620 sq.; O'Neill J. G. Ancient Corinth... P. 122; Will E. d. Korinthiaka... P. 477—481; Halliday W. R. The growth of city-state. Chicago,

частично выводом разорившихся земледельцев в колонии.¹⁵ Периандр, возможно, под давлением низов делает второй шаг, устанавливая определенные ограничения на закабаление должников. Эта мера была особенно актуальной в связи с ростом оппозиции в Коринфе, когда разорившиеся земледельцы могли стать орудием в руках противников тирании Кипселидов.

Поздняя традиция упрекает Периандра в том, что он не оставлял гражданам свободного времени, постоянно выискивая им работы. Те, кого тиран находил сидящими без дела на агоре, подвергались наказанию (Nic. Dam. fr. 58, 1; Suidas, s. v. Περικλῆς). Николай Дамасский объясняет такие действия коринфского тирана страхом его перед возможностью возникновения заговора. Определенно, в интерпретации Николая Дамасского заключена доля истины, но, нам кажется, на данное объяснение повлияло и предубеждение современников автора в отношении физического труда, достойного, по их мнению, скорее рабов, чем свободных граждан.

Такое негативное отношение к труду могло возникнуть вместе с широким использованием в производстве рабской силы. В период архаики, когда основным производителем оставался свободный работник, такого предубеждения еще не существовало.¹⁶

По-видимому, Периандр, подобно другим тиранам, широко проводил общественные работы для благоустройства Коринфа, цель которых заключалась не только в украшении города, но и в обеспечении неимущих горожан заработком.¹⁷

Позднее, когда Перикл осуществлял грандиозное строительство на акрополе, он также стремился не только к архитектурной славе Афин, но и к обеспечению средствами городской бедноты (Plut. Per., 12).

О широкой строительной деятельности Кипселидов в Коринфе свидетельствуют данные археологических исследований. Ко времени Периандра относят сооружение крупнейшего в Коринфе святилища, в современных работах называемого обычно храмом Аполлона.¹⁸ С именем Периандра связывают также

1967. P. 94; Drews R. The first tyrants in Greece // *Historia*. 1972. Bd. 21. Heft 2. P. 134; Jeffery L. H. *Archaic Greece. The City-States 700—500 B.C.* London, 1976. P. 148; Snodgrass A. *Archaic Greece. The age of experiment.* Berkeley, 1980. P. 96; Fine J. *The ancient Greeks...* P. 111, 132.

¹⁵ Will E. d. *Korinthiaka...* P. 511; Mossé C. *La tyrannie...* P. 32; Salmon J. B. *Wealthy Corinth...* P. 216.

¹⁶ Nilsson M. P. *The age of the early tyrants.* P. 12—13.

¹⁷ Ure P. N. *The origin...* P. 192; Berve H. *Tyrannis...* S. 23—24; Arnheim M. T. *Aristocracy in Greek society.* London, 1977. P. 125; Fine J. *The ancient Greeks...* P. 113—114; Salmon J. B. *Wealthy Corinth.* P. 201—202.

¹⁸ Burn A. R. *The Lyric age of Greece.* London, 1960. P. 187; Roebuck C. *Some aspects of urbanization in Corinth* // *Hesperia*. 1972. V. 41. P. 126; Salmon J. B. *Wealthy Corinth...* P. 202.

благоустройство источников Главка и Пейрены, при этом от последнего в центр города был проведен водопровод (Paus., II, 3, 2).¹⁹ По мнению Дж. Сэлмона, при наследнике Кипсела на Акрокоринфе было построено святилище Деметры и Персефоны, а также большинство мелких храмов в самом городе.²⁰

Кроме строительных работ в городе в правление Периандра коринфяне проложили через Истм диолк — мощеную дорогу для транспортировки кораблей из Саронического залива в Коринфский.²¹ что значительно облегчило путь из Эгеиды к западным колониям (подробнее на вопросе о сооружении диолка мы остановимся при рассмотрении экономической деятельности Периандра).

В одном из фрагментов Аристотеля сохранилось сообщение о запрете Периандра на переселение из сельской местности в Коринф (Arist., fr. 611, 20; ср. Diog. Laert., I, 98). Вероятно, земледельцы, утратившие свои надель, стекались в город, где с развитием торговли и ремесла появилась перспектива получить заработок, хоть и незначительный, но в меньшей степени зависевший от сезонных работ.

Об увеличении городского населения в Коринфе свидетельствуют раскопки американских археологов, открывших в старой части поселения остатки стены VII в. до н. э. Периметр стены, даже если предположить, что часть города оставалась незастроенной, показывает, что население Коринфа значительно превышало количество людей, способных прокормиться за счет земель, расположенных в окрестностях.²²

Скопление сельского населения в городе приводило к повышению социальной напряженности и могло быть использовано в своих целях противниками тирании. Обеспечить же работой всю массу разорившихся земледельцев даже в таком экономически развитом городе, как Коринф, по-видимому, было невозможно.²³

Понимая опасность сосредоточения в Коринфе безземельных крестьян, Периандр запрещает переселение из сельской округи и, очевидно, следуя политике отца, отправляет их в новые колонии.

На сглаживание социальной дифференциации, вероятно, были направлены распоряжения Периандра, запрещавшие из-

¹⁹ Berve H. Tyrannis... S. 23; Salmon J. B. Wealthy Corinth. P. 201.

²⁰ Salmon J. B. Wealthy Corinth... P. 201.

²¹ Jeffery L. H. Archaic Greece... P. 148—149; Sealey R. A. History of the Greek City-States 700—338 BC. Berkeley, 1976. P. 52; Fine J. The ancient Greeks... P. 113; Salmon J. B. Wealthy Corinth... P. 202.

²² Nilsson M. P. The age of the early tyrants. P. 14; ср.: Roebuck C. Some aspects... P. 121—124.

²³ Г. Берве (Tyrannis... S. 23), Дж. О'Нейлл (Ancient Corinth... P. 182) и Р. Хэйвуд (Ancient Greece... P. 227) предполагают, что запрет на переселение в город был вызван заботами Периандра о развитии земледелия. Дж. Сэлмон (Wealthy Corinth. P. 203—204) считает, что данный запрет распространялся только на политических противников тирании.

лишнюю роскошь. Для контроля за выполнением этого постановления тиран учредил специальную комиссию, следившую в частности, чтобы расходы коринфян не превышали получаемых ими доходов (Arist., loc. cit).²⁴ В Афинах, возможно, с этой же целью принял закон против роскоши тиран Писистрат (Plut. Sol., 31).

Сообщение Аристотеля об уничтожении, по приказу Периандра, всех коринфских сводниц (fr. 611, 20), возможно, свидетельствует о заботе тирана об укреплении нравственности граждан.²⁵

К. О. Мюллер утверждает, что политика Периандра во многом имела антидорийскую направленность.²⁶ Ссылаясь на Аристотеля (Pol., V, 9, 2, 1313 a), немецкий антиковед указывает на уничтожение коринфским тираном существовавших с древних времен традиционных дорийских институтов: совместных трапез граждан-сисситий и общественного воспитания в агедах.²⁷ Точку зрения К. О. Мюллера разделяет советская исследовательница Т. Ф. Новикова.²⁸

Однако обратившись к источнику, мы увидим, что антидорийская политика приписана Периандру безосновательно.

В отрывке, на который К. О. Мюллер ссылается для обоснования своего мнения, Аристотель лишь указывает, что Периандр был автором многих методов управления, составлявших систему традиционной политики тиранов. При этом Аристотель не конкретизирует, какие именно методы были изобретены коринфским тираном. Более того, автор сообщает, что многие приемы управления были заимствованы у варваров. А затем, уже безотносительно к какому-либо тирану, Аристотель перечисляет эти методы и приемы, в том числе уничтожение общественных трапез и общественного воспитания. Смысл же их упразднения, по мысли автора, заключается в стремлении тиранов воспрепятствовать созданию сообществ граждан, в среде которых могли возникнуть заговоры против существующих режимов единовластия.

Кроме того, упоминаний о сисситиях и общественном воспитании лаконского типа в других полисах Греции, помимо Спарты и Крита, насколько нам известно, в традиции нет.

Но даже если допустить, что эти институты некогда существовали в Коринфе, они вряд ли сохранились бы при олигархии Бакхиадов, в правлении которых в Коринфии (в отличие

²⁴ O'Neill J. G. *Ancient Corinth*... P. 128; Will E. d. *Korinthiaka*... P. 512—514; Berve H. *Tyrannis*... S. 22—23.

²⁵ Berve H. *Tyrannis*... S. 23.

²⁶ Müller K. O. *Die Dorier*. Breslau, 1824. Bd. 2. S. 180.

²⁷ Об антидорийской направленности истмийских тираний высказывается также Х. Вэйд-Джери (*Tyrants*. P. 549—550).

²⁸ Новикова Т. Ф. Раннегреческая тирания на Коринфском перешейке // ВДИ. 1962. № 4. С. 122.

от спартанской «общины равных») между правящей верхушкой и демосом существовало резкое различие. Трудно представить Бакхиада, пирующего за одним столом с рядовым коринфянином или воспитывающего своих наследников с детьми последнего в одних агелах.

Анализируя преобразования, проводимые Периандром, не следует переоценивать их значение и рассматривать как цель и сущность правления коринфских тиранов. Кипселиды пришли к власти при поддержке демоса и в стремлении сохранить свое положение вынуждены были идти на определенные уступки, не забывая при этом и о методах подавления недовольных.

Продолжая политику отца в области экономики, Периандр способствовал дальнейшему развитию в Коринфе торговли и ремесла.²⁹

Николай Дамасский сообщает, что он строил триеры и пользовался обоими заливами (fr. 58, 2), т. е. гаванью Лехей на Коринфском заливе и Кенхреи — на Сароническом, которые он, по-видимому, углубил и благоустроил.³⁰ В Лехее в результате раскопок в районе «Прибрежной базилики» была открыта каменная вымостка на косе, часть плит которой датируется временем правления Периандра.³¹

О развитии коринфской экономики при Периандре свидетельствует дальнейшее совершенствование коринфской керамики, по-прежнему превосходившей образцы гончарного производства других греческих полисов. На смену так называемому Позднему протокоринфскому стилю в росписи керамики, где преобладающими оставались геометрические фигуры, приходит Ранний коринфский или ориентализирующий стиль, богатая роспись которого напоминает восточные ковры.³² Вплоть до падения тирании Кипселидов (в начале VI в. до н. э.) коринфская керамика сохраняет господствующее положение в Западном Средиземноморье, почти полностью вытеснив импорт других эллинских полисов.³³

В отличие от отца, чьи интересы были сосредоточены преимущественно на Западе, Периандр, сохраняя отношения с Великой Грецией, обращает свои взоры и на Восток.³⁴

²⁹ Тюменев А. И. Очерки экономической и социальной истории древней Греции. Ч. 1. Пг., 1920. С. 78—79; Ure P. N. The origin... P. 190—192; Oliva P. Rana fecka tyrannis. S. 222; Berve H. Tyrannis... S. 23—24.

³⁰ Jeffery L. H. Archaic Greece... P. 148.

³¹ Salmon J. B. Wealthy Corinth... P. 133—134.

³² Weinberg S. D. Corinth VIII, 1: The geometric and orientalisising pottery. Cambridge (Mass.), 1943. P. 60ff.

³³ Ure P. N. The origin... P. 186—187; Blakewell A. 1) Prolegomena to the study of Greek commerce with Italy, Sicily and France in VIIIth and VIIth centuries B.C. // BSA. 1932/1933. V. 33. P. 203—204; 2) «Demaratus». A study in some aspects of the earliest hellenisation of Latium and Etruria // JRS. 1935. V. 25. P. 144—145.

³⁴ Wade-Gery H. T. Tyrants. P. 553; Ure P. N. The origin... P. 191; Berve H. Tyrannis... S. 20—21.

К установлению тесных связей с Востоком коринфского тирана, вероятно, подтолкнуло осознание выгод от использования восточных рынков. Возможно, западные колонии, развившие к концу VII в. до н. э. в какой-то мере собственное ремесленное производство, уже не могли полностью поглощать продукцию увеличившейся при покровительстве Кипселидов коринфской индустрии.

Для благоприятного развития экономических отношений с Востоком необходимо было установление дружеских связей с государствами, занимавшими в этом регионе ключевое положение на торговых путях, и прежде всего с Милетом.³⁵ Стремление коринфских торговцев к установлению связей с восточными рынками и послужило причиной сближения Коринфа с Милетом.

В своем сочинении Геродот упоминает о посольстве коринфского тирана в Милет, посредством которого был заключен союз между Периандром и милетским тираном Фрасибулом (V, 92).

Сближение Милета и Коринфа было выгодно для обеих сторон. Милетские торговцы получили доступ к колониям Италии, на что указывает распространение в конце VII в. до н. э. на Западе ионийской керамики.³⁶ Согласно сообщению Геродота, одним из основных торговых партнеров Милета становится Сибарис (VI, 21). Коринфский импорт, датируемый последней четвертью VII в. до н. э. проникает на побережье Черного моря,³⁷ в Египет³⁸ и в Лидию.³⁹ На связи Коринфа с Египтом, помимо археологических данных, указывает имя племянника и наследника Периандра, Псамметиха (Arist. Pol., V, 9, 22, 1315 b; Nic. Dam., fr. 59), являвшееся эллинизированной формой имени двух египетских фараонов: Псамтика I и Псамтика II.⁴⁰ Взаимоотношения Коринфа с Лидией также нашли отражение в античной традиции. Известно, что лидийские цари из династии Мермнадов хранили свои подношения Аполлону Пифийскому в сокровищнице коринфян (Hdt., I, 14; 50—51; Paus., X, 13, 5), а из сообщения Геродота мы узнаем, что Периандру были известны оракулы, передаваемые пифией правителям Лидии [I, 19].

Вероятно, лидийские цари, будучи чужеземцами, не имели

³⁵ Burn A. R. The so-called «Trade-leagues» in early Greek history and the Lelantine war // JHS. 1929. V. 49. P. 21—23; Salmon J. B. Wealthy Corinth... P. 225—226.

³⁶ Blakeway A. Prolegomena... P. 207.

³⁷ Шмидт Р. В. Греческая архаическая керамика Мирмекия и Тиритакис // МИА. 1952. № 25. С. 223 сл.; Boardman J. The Greeks Overseas. Harmondsworth, 1964. P. 252—266.

³⁸ Cook R. M. Ionia and Greece in the VIIIth and VIIth centuries B. C. // JHS. 1946. V. 66. P. 82; Boardman J. The Greeks... P. 138.

³⁹ Boardman J. The Greeks... P. 109—110.

⁴⁰ Berve H. Tyrannis... S. 21; Jeffery L. H. Archaic Greece. P. 149.

доступа в Дельфийское святилище и их посредником в отношениях с божеством были Кипселиды. На связь Перияндра с лидийским двором указывает и отправление коринфским тираном к царю Алиатту керкирских юношей, захваченных после подавления восстания на Керкире (Hdt., III, 48; Nic. Dam., fr. 59, 3).

Для облегчения связей западных рынков с восточными при Перияндре были проведены работы по улучшению путей через Истм.

Диоген Лаэций сообщает, что коринфский тиран намеревался прорыть через перешеек канал (I, 99), однако осуществление этого плана при тогдашнем уровне развития техники было невозможно и Перияндр ограничился сооружением в районе Схена, наиболее узком месте Истма, диолка.⁴¹ Диолк представлял собой мощеную камнем дорогу, по которой на специальных устройствах транспортировали корабли из Саронического залива в Коринфский и обратно (ср. Apistoph. Thesm., 647—649). Значение диолка усиливалось опасностью плавания вокруг Пелопоннеса, так как на южной оконечности полуострова у Малей мореплавателей подстерегали частые в этих местах штормы, вследствие чего уже в древности бытовала пословица: «Малей, обогнув, позабудь об обратном пути» (Strab., VIII, 6, 20; пер. Г. А. Стратановского). Кроме того, путь через Истм к западным колониям был значительно короче.

Археологические исследования на Истме показали, что основная часть диолка принадлежит V в. до н. э., но в более низких пластах были обнаружены остатки более раннего настила.⁴² Форма букв, выбитых на отдельных плитах настила, вероятно, для удобства при их укладке, указывает на принадлежность их времени Перияндра.⁴³

Согласно традиции, Перияндр, в отличие от своего отца, не вводил прямых налогов, довольствуясь доходами с городского рынка и гаваней (Arist., fr. 611, 20). Пошлины от перевозки кораблей через диолк, по-видимому, также шли в пользу тирана.⁴⁴ Сумма этих доходов могла быть значительной, поскольку Перияндр позволял себе при этом проводить широкое строительство и выведение колоний.

Подобно другим тиранам, Перияндр оказывал покровительство представителям науки и искусства. В Коринфе, по сообщениям традиции, часто собирались для своих бесед мудрецы (Plut. Conv. Sept. Sap., 1—2; Diog. Laert., 1, 99). Большую

⁴¹ Jeffery L. H. *Archaic Greece*. P. 148—149; Sealey R. A. *History...* P. 52; Fine J. *The ancient Greeks*. P. 113; Salmon J. B. *Wealthy Corinth*. P. 202.

⁴² Jeffery L. H. *Archaic Greece...* P. 148.

⁴³ Sealey R. A. *History...* P. 52.

⁴⁴ O'Neill J. G. *Ancient Corinth...* P. 128; Oost S. I. *Cypselus the Bacchiad*. P. 29; Salmon J. B. *Wealthy Corinth...* P. 202.

часть своей жизни при дворе коринфского тирана провел известный лесбосский поэт Арион (Hdt., I, 23—24; Pind., OI., XIII, 16; Plut. Conv. Sept. Sap., 18; Paus., III, 25, 7). С именем последнего связывают изобретение дифирамба, гимна в честь бога Диониса. В связи с этим ряд исследователей предполагает, что Периандр, подобно Писистрату, ввел в официальный культ почитание популярного в народе божества плодородия.⁴⁵

В правление Периандра Коринф достиг высшей точки своего расцвета, а репутация коринфского тирана как мудрого правителя распространилась по всей Греции.⁴⁶ На это указывает и выбор Периандра посредником в военном конфликте Афин с Митиленой (Hdt., V, 95; Strab., XIII, 1, 38—39), и включение его в состав «Семи мудрецов» (Arist., fr. 517; Paus., I, 23; Plut., Sol., 3—4; Diog. Laert., I, 41). И только более поздняя традиция, враждебная тирании, пытается пересмотреть традиционный список мудрецов и заменить коринфского тирана другой, более подходящей, с их точки зрения, фигурой (Plat. Protag., 343a; Paus., I, 23, 1; Diog. Laert., I, 98; Aelian., XII, 35).

Вместе с тем последние годы правления Периандра, были явно омрачены новым ростом оппозиции против его режима.⁴⁷ К оппозиции, возможно, примыкали и некоторые родственники тирана, тяготевшие к его власти. Отражение этого можно усмотреть в рассказе Геродота о ссоре Периандра со своим сыном Ликофроном (III, 50—53). Г. Берве даже полагает, что Ликофрон создал в окрестностях Коринфа собственную тиранию, независимую от отца.⁴⁸ Предположение немецкого историка основано на сообщении Николая Дамасского о гибели Ликофона при установлении тирании у периеков (fr. 59, 1). Из других источников мы знаем, что Ликофрон был назначен Периандром правителем на Керкиру и погиб во время восстания ее жителей (Hdt., III, 53; Diog. Laert., I, 95). Поэтому под периеками Николая Дамасского, скорее всего, следует понимать керкирян. Независимое от Коринфа правление Ликофона традицией не подтверждается.

Недовольство коринфян правлением Периандра, возможно, усиливалось негативными чертами его характера.⁴⁹ В традиции сохранились сведения о жестокости тирана даже по отношению к своим близким. Часть рассказов о жестокости Периандра,

⁴⁵ Лурье С. Я. История античной общественной мысли. С. 76; Oliva P. Rana fecka tyrannis. S. 389; Berve H. Tyrannis... S. 23; Salmon J. B. Wealthy Corinth... P. 201—202.

⁴⁶ Wade-Gery H. T. Tyrants. P. 552; O'Neill J. G. Ancient Corinth... P. 124; Burn A. R. The Lyric age... P. 191.

⁴⁷ Fine J. The ancient Greeks... P. 114; Salmon J. B. Wealthy Corinth... P. 198.

⁴⁸ Berve H. Tyrannis... S. 24.

⁴⁹ Andrewes A. The Greek tyrants. P. 52; Salmon J. B. Wealthy Corinth... P. 198—199.

вероятно, создана поздней традицией, враждебной тирании,⁵⁰ но определенная доля истины, по-видимому, в них отражена. Источники сообщают, что Периандр в гневе убил собственную жену Мелиссу и надругался над ее телом (Hdt., III, 50; Paus., II, 28, 8; Diog. Laert., I, 94), длительное время преследовал своего сына Ликофрона, оплакивавшего смерть матери (Hdt., III, 50—53; Diog. Laert. loc. cit.). Позже от рук Периандра погибла его невеста Радина (Strab., VIII, 3, 20). В. Форрест, сравнивая характеры коринфских тиранов и римских императоров, обращает внимание на определенное сходство между Кипселом и Августом, Периандром и Тиберием.⁵¹

Правление Периандра, согласно традиции, продолжалось более сорока лет (Arist. Pol., V, 9, 22; Diog. Laert., I, 98). После смерти тирана власть в Коринфе наследовал его племянник Псамметих, так как собственные дети Периандра погибли еще при жизни отца (Nic. Dam., fr. 59, 1; ср. Arist. loc. cit.). Однако Псамметиху не суждено было воспользоваться преимуществами своего положения: через три года после принятия им власти тирания Кипселидов была свергнута.

В данной статье мы попытались показать сложность, противоречивость и невозможность однозначной оценки внутренней политики, проводимой тиранами.

Захватив после свержения аристократии власть в полисе, тираны, безусловно, стремились к укреплению своего режима. Однако в отличие от восточной деспотии они не имели широкой социальной базы в лице разветвленного бюрократического аппарата или армии, стоящей вне общины. Поэтому для осуществления своих честолюбивых замыслов они не могли опираться только на репрессивные методы и вынуждены были проводить более гибкую политику, часто идя на значительные уступки требованиям своих сограждан.

⁵⁰ Скржинская М. В. Образ коринфского тирана Периандра в устной традиции и древней литературе // Античность и современность. М., 1972. С. 112.

⁵¹ Forrest W. G. The emergence of Greek democracy. London, 1966. P. 115—116.

М. Ю. ЛАПТЕВА

ТИРАНИЯ В АРХАИЧЕСКИХ ЭРИФРАХ

Среди проблемных сюжетов по истории архаической Греции особым вниманием как в зарубежном, так и в отечественном антиковедении отмечена тема старшей тирании. В течение последних ста лет представления о тиранических формах правле-

ния в архаический период складывались на материале преимущественно Балканской Греции и Сицилии. Тирании же в полисах Малой Азии, в особенности Ионии, гораздо реже попадали в поле зрения исследователей. Показательно, что из более чем двух десятков старших ионийских тираний обстоятельно изучена лишь тирания Поликрата на Самосе.¹

Эта ситуация объясняется во многом фрагментарностью и недостаточной информативностью источников: о большинстве ионийских тиранов нам не известно ничего, кроме имен и способа завоевания власти. Впрочем, о правлении некоторых из них сохранились рассказы, главным образом позднеантичных авторов, повествования, в которых через полуполегендарную завесу проступают некоторые реальные подробности облика тиранов и их правления.

Одним из таких ценных свидетельств представляется рассказ уроженца Эрифр Гиппия² относительно установления в этом ионийском городе тиранической формы власти. Фрагмент из первой книги истории Эрифр Гиппия сохранился в переложении Афиней (VI, 74—75, р. 258 f—259f).

Гиппий рассказывает, что против басилея Эрифр Кнопа составили заговор трое его приближенных, Ортиг, Ир и Эсхар. Однажды, когда Кноп поехал в Дельфы, они, находясь на корабле в его свите, связали басилея и бросили его в море. Затем направились на Хиос, взяли отряд у хиосских тиранов Амфила и Политекна и тайно вернулись в Эрифры. Во время всенародного праздника в честь Артемиды Строфеи по сигналу трубы крепость Эрифр была захвачена Ортигом и его сторонниками, многие из друзей Кнопа были убиты, а жена басилея, Клеоника, бежала в Колофон. Ортиг, Ир и Эсхар утвердили в Эрифрах свою тиранию. С помощью хиосского отряда они уничтожили всех противящихся им, отменили действующие законы и стали управлять Эрифрами по своему произволу.

Тираны, как пишет Гиппий, не допускали граждан в верхний город, за стенами же его, перед воротами, они построили дикастерий и вершили суд, надев пурпурные плащи и хитоны, окаймленные пурпуром. Тираны носили роскошные одежды, вычурную обувь, золотые украшения, подобные женским, отпускали длинные волосы, укладывая их локонами и перехватывая

¹ В советской историографии самосская тирания детально исследована в статье Т. Ф. Пиленковой: Раннегреческая тирания на Самосе // Проблемы социально-политической истории античности и средневековья. Уфа. 1975. С. 3—25. Из работ зарубежных авторов см.: Barron J. The Sixth-Century Tyranny at Samos // *ClQu.* Vol. 14. 1964. P. 210—229; White M. The Duration of the Samian Tyranny // *JHS.* Vol. 74. 1954. P. 36—43. Там же литература по самосской тирании.

² Как считает Якоби, жил он в эллинистический период. Труд Гиппия по истории Эрифр состоял из двух книг, первая из которых излагала историю города от основания до Ионийского восстания. — Jacoby F. *Hippias von Erythrai* // *RE.* Bd. VIII. 1913. Sp. 1711.

диадемами. Ортиг и его соправители заставляли одних эрифрян носить их носилки, других — сопровождать, третьих — идти впереди, расчищая путь. В своих бесчинствах тираны дошли до того, что приказывали гражданам приводить к ним своих жен и дочерей, принуждали к сожительству юношей, неповинующихся же наказывали смертью. Когда кто-нибудь из приближенных тиранов умирал, эрифрян, истязая бичами, заставляли с громкими воплями их оплакивать.

Так продолжалось, заканчивает свой рассказ Гиппий, до тех пор, пока не вернулся с отрядом брат убитого басилея Кнопа, Гиппот. Гиппот, поддержанный эрифрянами, истребил тиранов и их приверженцев, после чего восстановил прежние порядки.

В истории эрифрской тирании, рассказанной Гиппием, прежде всего обращают на себя внимание те характерные особенности власти тиранов и их правления, которые хорошо известны по классическим образцам старших тираний Балканской Греции и Ионии, перекликаются с ними и порой совпадают даже в подробностях установления власти и политики тиранов.

Отметим, во-первых, что тирания Ортига, Ира и Эсхара устанавливается в результате заговора и насильственного захвата власти. Аналогичную ситуацию мы видим в Афинах (попытка установления тирании Килоном. — *Her.*, V, 71; *Thuc.*, I, 126; приход к власти Писистрата. — *Arist. Ath. pol.*, 14,1), на Самосе (узурпация власти Поликратом и его братьями. — *Polyaen.*, I, 23).³ Сходным образом, вследствие заговора и свержения правящего царского рода Василидов, утверждается тирания Пифагора в Эфесе (*Baton Sinop.*, *FgrHist* 268 F 3).

Далее, эрифрские узурпаторы опираются на военную помощь аристократии других государств подобно Писистрату (*Arist. Ath. pol.*, 15, 2; *Her.*, I, 61) и Поликрату (*Her.*, III, 45; *Polyaen.*, I, 23).

Опираясь на силы извне, тираны уничтожают своих политических противников. Параллельные факты мы встречаем в истории правления ионийских тиранов Фрасибула (*Her.*, V, 92) и Пифагора (*Baton Sinop.*, *FgrHist* 268 F 3) соответственно в Милете и в Эфесе.

Ортиг и его соправители притесняют сограждан, подвергают их всевозможным унижениям. Аналогичные примеры можно найти в политике афинских Писистратидов (*Thuc.*, VI, 54—56; *Arist. Ath. pol.*, 18—19), коринфского тирана Периандра (*Her.*, V, 92), Поликрата на Самосе (*Her.*, III, 44—45).

И, наконец, роскошь быта эрифрских тиранов находит па-

³ Поликрат, так же как эрифрские тираны, а позднее — Килон в Афинах, захватывает акрополь, воспользовавшись всенародным праздником.

раллель в рассказах античных авторов о богатстве и пышности двора самосского тирана Поликрата (Her., III, 40—41, 123, 131, 142; Aelian., IX, 4; XII, 25; Athen., XII, 57, p. 540 d—f).

Вместе с тем в изложении Гиппия эрифрская тирания отмечена особым колоритом, который придают ей суровость тиранического режима, откровенный произвол, чинимый Ортигом и его соправителями: тираны пренебрегают существовавшими общинными установлениями, вершат суд по собственному произволу, творят беззакония.

Подчеркнем также, что в истории эрифрской тирании определенно выступает недемократичность социальной опоры тиранов и их политики, проникнутой не только грубым произволом и насилиями, но и страхом перед согражданами, стремлением удержать свою власть. В этой связи показательно, что тираны не допускают эрифрян в верхний город, фактически изолируют себя от народа. Недемократическую природу власти эрифрских тиранов подчеркивает и то обстоятельство, что Ортиг и его сторонники захватывают власть, обманув граждан, помимо воли и желания народа, а свержение тирании Гиппотом, братом убитого базилея Кнопа, совершается при поддержке эрифрян (Athen., VI, 75, p. 259 e).

Таким образом, рассказанная Гиппием история эрифрской тирании вновь убеждает в невозможности связать старшую тиранию с интересами и задачами демократического движения, представить ранних тиранов выразителями народных интересов, как это не раз предпринималось в зарубежной и особенно в советской историографии.⁴

Остается открытой проблема датировки эрифрской тирании. Одни исследователи отождествляют базилея Кнопа с Кнопом, сыном афинского базилея Кодра, ойкистом Эрифр времени ионийской миграции, то есть датируют историю, рассказанную Гиппием Эрифрским, серединой XI в. до н. э.⁵ Другие, в том числе Г. Хаксли, относят эрифрскую тиранию к концу VIII в. до н. э., связывая эти события с упоминанием Аристотеля об уничтожении монархии Басилидов в Эрифрах (Arist. Pol., V, 5, 4, p. 1305 b).⁶ Однако согласиться с первой датой не позволяет явное несоответствие характера эрифрских событий духу времени, социально-политической ситуации XI в. до н. э.: период массовых миграций сопровождался не борьбой аристократических кланов за власть в общине, как это мы видим в Эрифрах, а временным усилением власти басилеев, ойкистов ионийских

⁴ Обзор основной литературы по старшей тирании, а также оценку подхода к тирании как демократической диктатуре см. в работе: Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. Л., 1988. С. 158—162.

⁵ Philippon. Erythrai // RE. Bd. VI. Hbbd. II. 1907. Sp. 584.

⁶ Huxley G. The Early Ionians. London, 1966. P. 48.

поселений, консолидировавших общины ионийцев — переселенцев на новых землях.⁷

Что же касается более поздней датировки, связываемой с сообщением Аристотеля, то следует отметить, что у Аристотеля речь идет об окончательном упразднении монархии, в эрифрской же истории Гиппот восстанавливает существовавшие до тиранов порядки, т. е. монархию. Правда, Гиппий упоминает имена хиосских тиранов Амфикла и Политекна, которые предоставляют заговорщикам военный отряд, но время их правления тоже неизвестно. Таким образом, следует признать ненадежность всех доводов для определения точного времени эрифрской тирании.

Впрочем, история басилея Кнопа, его убийства заговорщиками и установления жестокой тирании отмечена многими деталями древнего быта: откровенно насильственные методы господства тиранов, попрание ими интересов и достоинства сограждан уводят в глубокую древность, к началу архаического периода, ко временам всесилья аристократических группировок и бесправия, безгласности народной массы, в тот период, когда рядовые граждане греческих общин не поднялись еще на борьбу против экономического гнета знати за политические права и гражданские свободы. Подобные же мысли относительно глубокой древности эрифрской истории рождает и описание пурпурных царских одежд тиранов, их уложенных локонами длинных причесок, вычурной обуви и украшений. Невольно возникают ассоциации с раннеархаическим бытом колофонской аристократии, описанной Ксенофаном (fr. 3 Diehl).⁸

В заключение — несколько слов относительно места эрифрской тирании среди других известных нам тиранических режимов архаической Ионии. Эрифрская тирания в сопоставлении с тиранией Пифагора в Эфесе, Фрасибула в Милете, Поликрата на Самосе представляет, по нашему мнению, начальную ступень, ранний тип в развитии этой формы правления в условиях архаической Ионии. Если эрифрские тираны управляют методами ничем не прикрытого, откровенного насилия, грубо попирают права граждан, то Пифагор в Эфесе конца VII в. до н. э. уже вынужден считаться с народной массой. Как рассказывает Батон Синопский, Пифагор демагогически заигрывал с народом, «обнадеживая его обещаниями и подкармливая частью награбленной добычи» (Baton Sinop., FgrHist 268 F 3).

Правление же Поликрата Самосского, проводившего работы по украшению и благоустройству города, привлекавшего к

⁷ Андреев Ю. В. Раннегреческий полис. Л., 1976. С. 66.

⁸ Относительно эволюции форм одежды и причесок греков к концу архаического периода см. замечание Фукидида (I, 6, 3). См. также: Gomme A. W. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. I. Oxford, 1945. P. 101—103.

своему двору знаменитых архитекторов, скульпторов, поэтов, ученых, приобретает уже облик «просвещенной тирании», тяготеющей к эллинистическим образцам.

М. КЫЙВ

**ТРИ «ПАРТИИ» В АТТИКЕ В VI в. до н. э.
В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
АРХАИЧЕСКИХ АФИН**

При изучении истории архаических Афин волей-неволей приходится сталкиваться с проблемой трех партий (στάσεις), которые соперничали перед началом тирании Писистрата. Как сообщает Геродот, в Аттике тогда шли распри между афинянами из паралии (побережья) и из педиона (равнины): *στάσις ζοντων τῶν παράλων καὶ τῶ ἐκ τοῦ πεδίου Ἀθηναίων*. Писистрат создал третью партию гиперакриев (*ἡγεῖρε τρίτην στάσιν . . . τῷ λόγῳ τῶν ὑπερακρίων προστάς*, Hdt. I, 59). Аристотель в «Афинской политике» тоже говорит об этих партиях, но наряду с паралиями (τῶν παράλιων) и педиеями (τῶν πεδιακῶν) он упоминает о соперничестве не гиперакриев, а диакриев (τῶν διακριῶν, Ath. Pol. 13, 4).¹ Оба источника называют лидером паралиев Мегакла, сына Алкмеона, лидером педиеев — Ликурга (по Геродоту — сына Аристолаида), а вождем третьей партии — Писистрата, сына Гиппократа. Относительно характера этих партий Аристотель добавляет, что педиеи стремились к олигархии, паралии добивались среднего образа правления, (τὴν μέσην πολιτείαν), а лидер диакриев казался величайшим приверженцем демократии (δημοτικώτατος). Аристотель пишет, что все партии получили свои названия по тем местам, где они обрабатывали землю: (εἶχον δ' ἕκαστοι τὰς ἐπωνυμίας ἀπὸ τῶν τόπων ἐν αἷς ἐγεώργουν Ath. Pol. 13, 5). В современной исторической науке выдвигалось много точек зрения о характере внутренней борьбы и соперничающих групп в Аттике. Не рассматривая их здесь подробно, отметим, что большинство историков, исходя из данных «Афинской политики» о стремлении партий к противоположным формам правления, считают, что между ними сущест-

© М. Кыйв, 1995

¹ Подобно Аристотелю, третья партия названа у Плутарха (Plut. Sol. 13). Можно полагать, что изложение Плутарха во многом исходит из текста Аристотеля.

вовали значительные социальные различия и пытаются их связать с региональными названиями партий.²

Однако в последние десятилетия неоднократно утверждалось, что все эти три партии являлись аристократическими фракциями без каких-либо социальных отличий.³ Такая точка зрения исходит по крайней мере из двух справедливых предположений. Во-первых, для Аристотеля политическая борьба всегда являлась борьбой за разные формы конституции, а те три типа государственного устройства, к которым, по его данным, стремились партии в Афинах, точно совпадают с тремя главными формами правления, разрабатываемыми в «Политике», — олигархией, политией и демократией. Поэтому иногда считают, что связь трех партий с тремя видами конституции является лишь теоретической конструкцией Аристотеля и не основывается на конкретных данных об архаических Афинах.⁴ Во-вторых, лидеры всех партий были, по всей вероятности, эвпатри-

² Beloch K. J. *Griechische Geschichte*. 2. Aufl. Bd. 1. Abt. 1. Strassburg, 1912. S. 368—369; Busolt G. *Griechische Staatskunde*. Bd. II. München, 1926. S. 260—261; Meyer Ed. *Geschichte des Altertums*. Bd. III. Stuttgart, 1937. S. 614—615; Ure N. P. *Ursprung der Tyrannis* (1906) // *Die ältere Tyrannis bis zu den Perserkriegen*. Darmstadt, 1979. S. 10—11; Glotz G. *La cité grecque*. Paris, 1928. P. 142; Schachermeyr Fr. *Peisistratos* // *RE*. Bd. XXVII. 1937. Sp. 170—171; Hignett C. *A History of the Athenian Constitution*. Oxford, 1952. P. 103—104; Andrewes A. *The Greek Tyrants*. London, 1956. P. 104—106; French A. *The Party of Pisistratus* // *Greece and Rome*. Vol. 6. 1959. P. 49—54; Forrest W. G. *The Emergence of Greek Democracy*. London, 1966. P. 176; Kienast D. *Die innere politische Entwicklung Athens im 6. Jahrhunderte und Reformen von 508* // *Historische Zeitschrift*. Bd. 200. 1965. S. 268; Berve H. *Die Tyrannis bei den Griechen*. München, 1967. S. 47; Ehrenberg V. *From Solon to Socrates*. London, 1968. P. 77; Mossé C. *La tyrannie dans la Grèce ancienne*. Paris, 1969. P. 62—63; Leveque P. *Formes des contradictions et voies de développement de Solon à Clisthène* // *Historia*. Bd. 27. 1978. S. 527—528; Jeffery L. H. *Archaic Greece: The City-States ca. 700—500 B.C.* London, 1978. P. 94—95; Rhodes P. J. *A Commentary on the Aristotelean «Athenaion Politeia»*. Oxford, 1981. P. 185—186; Oliva P. *The Early Tyranny* // *Dialogues d'histoire ancienne*. 8. 1982. P. 370—372; Лурье С. Я. *История Греции*. Т. 1. М.; Л., 1940. С. 148; Яйленко В. П. *Архаическая Греция* // *Античная Греция*. Т. 1. М., 1983. С. 193.

³ Sealey R. *Regionalism in Archaic Athens* // *Historia*. Bd. 9. 1960. S. 163—168; Hopper R. J. «Plain», «Shore» and «Hill» in Early Athens // *The Annual of British School at Athens*. Vol. 56. 1961. P. 205—206; Ellis J. R., Stanton G. R. *Factional conflicts and Solon's Reforms* // *Phoenix*. Vol. 22. 1968. P. 97—98; Kluwe E. *Bemerkungen zu den Diskussion über die drei «Parteien» in Attika zur Zeit der Machtergreifung des Peisistratos* // *Klio*. Bd. 54. 1972. S. 118—124; Stahl M. *Aristokraten und Tyrannen im archaischen Athen*. Stuttgart, 1987. S. 69—105; Зельин К. К. *Борьба политических группировок в Аттике в VI веке до н. э.* М., 1964. С. 135—157.

⁴ Sealey R. *Regionalism*... S. 164; Berve H. *Die Tyrannis*... S. 46—47; Ehrenberg V. *From Solon to Socrates*. P. 76; Kluwe E. *Bemerkungen*... S. 120; Rhodes P. J. *A Commentary*... P. 185; Stahl M. *Aristokraten und Tyrannen*... S. 66—67; Day J., Chambers M. *Aristoteles' History of Athenian Democracy*. Berkeley; Los Angeles, 1962. P. 174.

дами,⁵ т. е. представителями афинской знати. А целью аристократов во внутренней борьбе было достижение личного влияния, иногда даже тиранической власти, а не забота о правах и благополучии остальных не аристократических слоев населения.⁶

Но приверженцы такой трактовки не учитывают, что, независимо от своих личных мотивов, аристократы, если они добились успехов, должны были обеспечить себе поддержку влиятельных сил в обществе и для этого выдвигать программу, соответствующую их стремлениям.

Что касается архаических Афин, то «Афинская полиция» свидетельствует о наличии серьезных классовых конфликтов перед реформами Солон (Ath. Pol. 2, 1—2; 5, 1—2). Солон в своих стихах также неоднократно противопоставляет богатых (или знатных и влиятельных) и народ (Sol. 6, 9; 7, 1—3; 31, 1, 4)⁷ и указывает на частые столкновения между ними (Sol. 5, 4—5; 30, 22; 31, 6). Таким образом, аристократические лидеры были вынуждены принимать позицию либо одной, либо другой стороны. Деление на два лагеря с различными социальными интересами, но с аристократическими лидерами во главе было, следовательно, вполне закономерным явлением.⁸

По всей вероятности, в досолоновских Афинах это так и было. Стихи Солон указывают, что он, хотя сам по происхождению являлся эвпатридом, стоял тогда на позиции народа (Sol. 5, 1—5; см. также комментарии Аристотеля: Ath. Pol. 5, 3) и, по всей видимости, был в этом не одинок. Ведь власть была тогда в руках эвпатридов, и перемены в социально-политическом устройстве государства законным путем были бы немислимы без содействия влиятельной части правящей аристократии. Поэтому можно говорить о том, что определенная часть эвпатридов во главе с Солоном по каким-то причинам решилась на переустройство государства и земельных отношений.

После реформ Солон был подвергнут критике с двух сторон (Sol. 7; 31). К оппозиции со стороны большинства знати при-

⁵ Лидер педиеев Ликург является тезкой известного политического деятеля IV в. из рода Этеобутадов, который в архаические времена назывался родом Бутадов. Поэтому весьма вероятно, что лидер педиеев также был членом этого эвпатридского рода. О принадлежности Алкмеонидов к эвпатридам свидетельствует архонтство Мегакла Алкмеонида во время смуты Килона (Plut. Sol. 12), а архонт Писистрат из VII столетия (Paus. II. 24, 7) указывает на эвпатридский статус Писистратидов.

⁶ Особенно это подчеркивает Г. Берве (Die Tyrannis... S. IX—X) и М. Шталь (Aristokraten und Tyrannen... S. 86—89).

⁷ Указано по изданию: Poetarum elegicorum testimonia et fragmenta // Ed. B. Gentili, C. Prato. Vol. I. Leipzig, 1979.

⁸ См.: Berve H. Fürstliche Herren zur Zeit der Perserkriegen (1936) // Die ältere Tyrannis bis zu den Perserkriegen. Darmstadt, 1979. S. 51—52; Фролов Э. Д. Политические лидеры афинской демократии // Политические деятели античности, средневековья и нового времени. Л., 1983. С. 14—15.

бавилось недовольство тех, которые желали передела земли (Sol. 29^b; Ath. Pol. 12, 3).⁹ Обширная коалиция простого народа и части эвпатридов, которая стояла за Солоном перед реформами, распалась вследствие разочарования части его прежних сторонников из среды бедных людей. Таким образом, социальные устремления разных слоев общества можно разделить на три группы: 1) консервативная (олигархическая) оппозиция новому порядку; 2) позиция Солона;¹⁰ 3) желание более радикальным образом изменить существующее положение.

При такой картине, рисуемой стихами Солона о периоде непосредственно после реформ, было бы весьма странно, если бы к 560-м годам эти противоречия настолько потеряли свою актуальность, что тогдашние три партии являлись бы чисто аристократическими фракциями, не имевшими дела с классовыми столкновениями. Три позиции у Солона хорошо совместимы с данными Аристотеля о стремлении партий к различным формам правления и, таким образом, значительно повышают доверие к ним.¹¹

Но и некоторые другие обстоятельства указывают на различия в социальном характере трех партий. Хорошо известно, что Педион был самой развитой частью Аттики уже в Темные века. Аристократия была богатой уже в VIII столетии и, безусловно, играла самую видную роль в управлении ранним афинским государством. Этому, вероятно, сопутствовали традиционные, локальные, религиозно-культовые и судебские связи педионской знати в политическом центре Аттики, т. е. в Афинах. Также можно полагать, что концентрация гектеморов на

⁹ Надо полагать, что перед реформами простой народ довольно единодушно поддерживал Солона. Это видно из его слов о том, что он «поднял народ» (ἐννέησεν δῆμον) для проведения своих законов (Sol. 30, 1—2). Общий тон его стихов, утверждающих, что он, не изменив своих принципов, сделал всё, что обещал, и никогда не имел намерений принимать незаконные меры (особенно Sol. 29, 6), также указывает, что критика с «левой» стороны началась позже, когда стало ясным, что его реформы не соответствуют надеждам части народа.

¹⁰ Нельзя считать, что Солон потерял всех своих прежних сторонников и остался без значительной поддержки. Ведь уже во время его назначения посредником, принципы его будущих законов должны были быть в общих чертах известны. Поэтому кажется маловероятным разочарование всех его приверженцев. Также было бы невозможно провести его законы в жизнь без влиятельной опоры в обществе. Вспомним, что архонт после Солона, Дронид (Cadoix T. J. *Athenian Archons from Kreon to Hupsichides* // JHS. Vol. 68. 1948. P. 99), был его другом (Plat. Tim. 20 E).

¹¹ Тройное подразделение общественного мнения, видимое из стихов Солона, учитывается многими историками при интерпретации трех партий перед началом тирании Писистрата (Busolt G. *Griechische Staatskunde*, Bd. II. S. 860—861; Meyer Ed. *GdA*. Bd. III. S. 614—615; Hignett C. A. *History*... P. 109—110; Andrewes A. *The Greek Tyrants*. P. 103; Jeffery L. H. *Archaic Greece*. P. 94—95). Это игнорируется, однако, теми, кто не видит между партиями социальных различий (см. особенно: Horrer R. J. «Plain», «Shore» and «Hill» in Early Athens. P. 207—208).

педионе была самой высокой.¹² Возможно, именно поэтому реформы Солона, ослабив традиционные механизмы превосходства, вызвали у педионских эвпатридов самый сильный протест.

Важным кажется также обстоятельство, что в «Политике» Аристотель приводит вражду Писистрата и педиев в качестве примера того, как в древние времена полководцы пользовались доверием народа (и становились тиранами) вследствие враждебности к богатым (Arist. Pol. V, 4, 4). Это указывает, что богатство педиев в IV столетии было общепринятым и оно не могло быть плодом теоретических размышлений Аристотеля.

О характере действий Писистрата можно судить по рассказу Геродота. Историк подчеркивает легкость, с которой Писистрат сумел установить свою власть, и объясняет это наивностью афинян.¹³ Первый раз народ поддался на его хитрость (δῆμος... ἐξαπατηθεῖς) и дал ему телохранителей (Hdt. I, 59), при втором захвате власти он обманул афинян, инсценируя въезд в город вместе с богиней (Hdt. I, 60), а в третий раз ему удалось у Паллены одержать верх без борьбы, после чего народ спокойно разошелся по домам (Hdt. I, 63—64). Если верить общей картине, созданной Геродотом,¹⁴ то надо признать, что Писистрат должен был пользоваться доверием довольно широких кругов гражданства, обеспечивавшим ему по крайней мере нейтральность сограждан.

Об активной поддержке Писистрата со стороны народа имеются и другие данные. Так, телохранителей он получил постановлением народного собрания (δῆμος... ἐδωκέ) (Hdt. I, 59). При возвращении после второго изгнания в Аттику из Эретрии, с ним соединились «сторонники из среды горожан (οἱ τὲ ἐκ τοῦ ἄστεος στασιῶται), и другие из деревень (ἄλλοι τὲ ἐκ τῶν δῆμων), которым тирания была больше по душе, чем свобода» (Hdt. I, 62) Эта строка явно указывает на активное содействие Писистрату относительно широких слоев.¹⁵

Таким образом, рассказ Геродота показывает Писистрата как популярного деятеля и искусного демагога. Заметим еще, что стихи Солона, увещевавшие афинян не верить «речи лукавого мужа» (ἐπη αἰμόλου ἄνδρός, Sol. 15, 7), могут тоже указывать на демагогическую агитацию Писистрата.

Неоднозначным является характер и направление этой де-

¹² См.: Rhodes P. J. Commentary... P. 184.

¹³ См.: Stahl M. Aristokraten und Tyrannen... P. 58—59.

¹⁴ О доверии устной традиции, изложенной в рассказе Геродота см.: Murgay O. Early Greece. London, 1980. P. 27—31; Stahl M. Aristokraten und Tyrannen... S. 33—42; Скржинская М. В. Устная традиция о Писистрате // ВДИ. 1986. № 4. С. 83—95.

¹⁵ Сторонники из среды «горожан», в принципе, могли быть немногочисленной группой (Зельин К. К. Борьба... С. 150), хотя поддержка народного собрания (собравшегося в городе), делает эту возможность маловероятной. Но выражение «другие из деревень» явно указывает на довольно широкую поддержку со стороны сельского населения.

магогии. Неверно было бы интерпретировать власть Писистрата как диктатуру простого народа против знатных.¹⁶ Он улучшал материальное и правовое положение простого народа,¹⁷ но при этом пытался учесть интересы и высших слоев общества. Источники ничего не сообщают о конфискации имущества знатных и хотя бы частичном переделе земли. То обстоятельство, что видные, оппозиционно настроенные аристократы пользовались в Афинах во время тирании почетным положением,¹⁸ а также высокая оценка, данная Писистратидам со стороны аристократии IV в. (Plat. Hipparch. 229 B, 3—7), показывают, что Писистратиды весьма успешно сумели наладить свои отношения со знатью. Вполне возможно, что во время борьбы за власть Писистрат пользовался поддержкой со стороны недовольных бедняков (сочувствие со стороны народного собрания делает это даже вероятным), но надо признать, что серьезных социальных перемен в их пользу он не провел. Скорее, он пытался стабилизировать внутривластную обстановку и примирить со своей властью широкие слои в обществе.

Мы имеем данные о патристической, панафинской направленности тирании Писистратидов. Это выражалось в соответствующих постройках на Акрополе и на агоре,¹⁹ в покровительстве панафинских празднеств (Thuc. VI, 56—58), а также во внешней политике Писистрата — Сигей и Делос, которые тиран взял под свой контроль, были местности важные в идеологическом смысле (Сигей находился вблизи легендарного Илиона,²⁰ а Делос являлся важнейшим ионийским святилищем) и их взятие должно было подчеркивать славу Афин.

Такая направленность афинской внешней политики прослеживается уже начиная с конца VII столетия. Отметим начало колонизации Сигея, участие в Священной войне и учреждение панафинских празднеств (в 566/65 г.). Факты, что Солон назвал Афины «древнейшей страной Ионии» (Sol. 4. 2), а в спорах с мегарцами за остров Саламин успешно использовал гомеровские поэмы для политической пропаганды (Plut. Sol. 10), указывают на попытки прославить свое прошлое и использовать его в политических целях.²¹ Создается впечатление, что в

¹⁶ См.: Kl u w e E. Bemerkungen... S. 122.

¹⁷ Снабжение деньгами крестьян и учреждение «судей по демам» (Ath. Pol. 16, 5).

¹⁸ Архонтство Клисфена Алкмеонида и младшего Мильтиада — См.: Cadoux T. J. Athenian Archons... P. 109—110. — О возможности пользоваться почетным положением см.: Andoc. II, 26.

¹⁹ Schachermeyr Fr. Peisistratos. Sp. 188; Berve H. Die Tyrannis... S. 552; Stahl M. Aristokraten und Tyrannen... S. 233—245; Колосова К. М. Древний город Афины и его памятники. Л., 1961. С. 49—62.

²⁰ Идеологическое значение местоположения Сигея подчеркивал М. Шталь (Stahl M. Aristokraten und Tyrannen... S. 204—228).

²¹ См.: Nilsson M. R. Cults, Myths and Politics in Ancient Greece. Lund, 1951. P. 27—28; Stahl M. Aristokraten und Tyrannen... S. 231.

это время афиняне стали все сильнее чувствовать свое государственное единство, искать подтверждения этому в прошлом и добиваться соответствующего внешнего престижа.

Наличие явных патриотических настроений позволило Писистрату уже в борьбе за власть использовать патриотическую пропаганду. Известно, что отряд его телохранителей назывался «дубиноносцами» (Hdt. I, 59). Мы знаем также, что, по сказанию, Тесей, убив Перифета, взял себе его дубину, которая стала важным признаком героя (Plut. Thes. 8). По данным вазописи, роль Тесея возросла в афинском искусстве во время тирании,²² что указывает на важное место этого героя в афинской идеологии и его вероятную связь с тиранами. Поэтому кажется правдоподобным, что отрядом дубиноносцев Писистрат связывал себя с легендарным объединителем Аттики.²³

История с инсценировкой Писистратом своего въезда в город вместе с богиней Афиной (Hdt. I, 60) показывает, что он пытался показать себя как представителя богини, а следовательно, и как покровителя афинского государства.²⁴

Кажется, что Писистрат выдавал себя за человека, способного покончить с постоянными ссорами и недовольством, обеспечить внутреннее благосостояние и внешнее могущество Афин. Такая пропаганда, наряду со славой полководца, обеспечила ему поддержку разных групп населения, как это указывается источниками (см. уже вышеупомянутые «сторонники из среды горожан» и «другие из деревень» у Геродота, а также: Ath. Pol. 13, 4). Все его приверженцы были недовольны настоящим положением и ожидали от своего лидера перемен к лучшему. Таким образом, наши данные подтверждают мнение Аристотеля о том, что Писистрат из демагога сделался тираном (Arist. Pol. V, 4, 5; 8, 4; Ath. Pol. 13, 4; 14, 1).

Что касается паралиев, то их промежуточное положение кажется вероятным в свете того факта, что их лидер Мегакл присоединялся то к Писистрату, то к Ликургу, в то время как ничего неизвестно о связи между этими двумя деятелями.²⁵

Следовательно, и помимо «Афинской политики» источники позволяют утверждать, что педиеи были самыми олигархическими, что Писистрат с искусной демагогией опирался на широкие круги гражданства и что паралии занимали какую-то

²² Nilsson M. R. Cults, Myths and Politics... P. 53—54.

²³ Маловероятно, что дубины указывают на бедность телохранителей (Mossé C. La tyrannie... P. 63—64)—ведь Писистрат сумел бы обеспечить их нужным вооружением за свой счет. Иногда считают, что дубины должны были намекать на Геракла (см.: Rhodes P. J. A Commentary... P. 201; Stahl M. Aristokraten und Tyrannen... S. 82, 245).

²⁴ Schachermeyr Fr. Peisistratos. Sp. 186; Stahl M. Aristokraten und Tyrannen... S. 252—253; Лурье С. Я. История Греции. Т. I. С. 152; Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. Л., 1988. С. 161.

²⁵ См.: Andrewes A. The Greek Tyrants. P. 185; Rhodes P. J. A Commentary... P. 103.

промежуточную позицию. Это, конечно, не значит, что они должны были иметь четкие конституционные программы в духе IV столетия. Но различия в социальном характере, а также разное отношение к законам Солона не приходится отрицать.

Проблемой является то обстоятельство, что, в свете данных о социально-политических конфликтах в течение всей истории архаических Афин, три партии перед возникновением тирании Писистрата кажутся явлением исключительным. Во всех других случаях источники сообщают о соперничестве двух сторон.²⁶ При смуте Килона ему противостоял народ во главе с Алкмеонидами (Hdt. V, 71; Thuc. I, 126; Plut. Sol. 12). После Килона враждовали оставшиеся в живых сторонники Килона и Алкмеониды (Plut. Sol. 12). Перед реформами Солона были конфликты между знатными и народом. После низвержения Писистратидов за превосходство в государстве боролись Клизфен Алкмеонид и Исагор (Hdt. V, 66; Ath. Pol. 20, 1).

При этом Геродот в своем рассказе о начале деятельности Писистрата изображает приблизительно такую же картину: «Когда соперничали между собой афиняне из паралии и из педиона... (Писистрат) помышлявший о тирании, создал третью партию... открыто став вождем гиперакриев» (ὁς στασιαζόντων τῶν παράλων καὶ τῶν ἐκ τοῦ πεδίου Ἀθηναίων ... καταφρονήσας τῇν τυραννίδα ἤγειρε τρίτην στάσιν ... τῷ λόγῳ τῶν ὑπερακρίων προτάς, Hdt. I. 59). Отсюда ясно видно, что первоначально борьба шла между педиеями и паралиями, а партия Писистрата была более поздним и довольно искусственным образованием.

Таким образом, деление на два лагеря было нормальным явлением и, следовательно, можно предполагать существование определенной последовательности в деятельности обеих сторон. И, вероятно, что установление последовательности лидеров и политики, по крайней мере одной стороны, является полностью возможным.

Алкмеониды, убийцы Килона, были изгнаны через некоторое время (Plut. Sol. 12), но в Священной войне в 591/90 г. их глава Алкмеон руководил афинским войском (Plut. Sol. 11). Можно считать вероятным, что возвращение Алкмеонидов стало возможным вследствие закона Солона об амнистии (Plut. Sol. 19).²⁷ Во всяком случае, они появлялись в Афинах во время архонства Солона и проведения его законов. По традиции, Солон также был связан со Священной войной,²⁸ где Алкмеон командовал афинянами. Все это указывает на связи между Алкмеонидами и Солоном, и можно предположить, что данные «Афинской политики» о Мегакле Алкмеониде как протагонисте солоновской умеренной конституции не являются пустой спеку-

²⁶ На это указывает К. К. Зельин (Борьба... С. 7)..

²⁷ См.: Rhodes P. J. Commentary... P. 179.

²⁸ Солон подстрекал афинян к войне (Plut. Sol. 11) или принимал даже непосредственное участие в ней (Paus. X, 37, 6; Polyaeen, 3, 5).

лацией Аристотеля, а опираются в какой-то мере на аутентичную традицию.

Как сообщают источники, Писистрат тоже был связан с Солоном. Существовала традиция о родственных и даже интимных связях между ними (Plut. Sol. 1). И, наконец, события политической борьбы показывают, что Писистрат, вступив в брак с дочерью Мегакла (Hdt. I, 60—61), имел, хотя и периодически, тесные отношения с Алкмеонидами. Таким образом, определенная связь между Алкмеонидами, Солоном и Писистратом в первой половине VI столетия относительно хорошо прослеживается источниками.

Но совпадает также и внешнеполитическая ориентация Солон, Алкмеонидов и Писистрата. Если Килон пытался захватить власть с помощью войск мегарского тирана Феагена (Thuc. I, 126, 3—4), то Алкмеониды, выступая против него, проводили тем самым антимегарскую политику. Когда сторонники убитого Килона одержали верх и изгнали Алкмеонидов, тогда, по данным Плутарха, афиняне уступили Нисею и остров Саламин мегарцам (Plut. Sol. 12).

Возможно, конечно, что вследствие внутренних распрей афиняне просто не сумели противостоять внешнему врагу, который использовал беспорядки в соседнем государстве в своих интересах. Но, учитывая союз Килона с мегарцами, совпадение победы его сторонников внутри государства и уступка мегарцам во внешней политике кажутся не случайным явлением. Таким образом, Алкмеониды и в данном случае выступали, хотя на этот раз безуспешно, как антимегарские деятели.

Что касается Солон и Писистрата, то их враждебность к мегарцам кажется несомненной. Первый из них написал элегию «Саламин», побуждающую афинян возобновить войну против Мегары, и руководил ими в походе на Саламин.²⁹ Второй прославился в качестве полководца в войне с мегарцами и завоевал у них Нисею (Hdt. I, 59; Aht. Pol. 14, 1).³⁰

Относительно внутриполитической позиции данных деятелей можно утверждать, что Солон и Писистрат, несмотря на значительное различие, например, в отношении к установлению тирании, оба были популярными лидерами, сумевшими объеди-

²⁹ Трудно согласиться с утверждением некоторых исследователей (Wilamowitz U. Aristoteles und Athens. Bd. I. Berlin, 1893. S. 267—268; Beloch K. J. GG². Bd. I. Abt. 2. S. 309—314; Berve H. Die Tyrannis... S. 543—544), будто Солон только сочинил подстрекательную элегию, не принимая сам участия в войне. Ведь участие Солон в ней было хорошо известно не только для поздних источников (Polyaen. 20, 1—2; Aelian. VII, 19; Paus. I, 40, 5), но и в IV столетии до н. э. (Aht. Pol. 17, 2; Demosth. XIX, 253). Всю обширную традицию по этому поводу изложил Плутарх (Plut. Sol. 8—10).

³⁰ Одинаковую внешнюю политику Алкмеонидов, Солон и Писистрата подчеркивал Р. И. Хоппер («Plain», «Shore» and «Hill» in Early Athens. P. 211—214).

нить широкие слои граждан. В этой связи их хорошо характеризует оппозиционное отношение к тем кругам аристократии, которые не соглашались с переменами в афинском обществе.

Социально-политическую позицию Алкмеонидов определить труднее. В конце VI столетия Клизфен явно добивался народной поддержки (Hdt. V, 66; Ath. Pol. 20, 1). (это, конечно, не говорит ничего о его предках). Но известно, что Килон в свое время не получил поддержки от народа, который проявил симпатию, скорее, к его соперникам — Алкмеонидам. Фукидид сообщает, что афиняне сначала «всею народом» (πανδημίᾳ) поднялись против Килона, а впоследствии девять архонтов (во главе их был, по-видимому, Алкмеонид Мегакл. — Plut. Sol. 12) получили от народа неограниченные полномочия для улаживания дела наилучшим образом (Thuc. I, 126, 7). Данные сведения, конечно, не могут служить доказательством «демократичной» направленности Алкмеонидов, но указывают все-таки на определенное доверие народа к ним в эти беспокойные времена.³¹

О позиции следующих поколений Алкмеонидов говорят их вероятные связи с Солоном и, возможно, с его умеренным устройством государства.

Приведенные данные, не всегда убедительные по отдельности, вместе создают, на наш взгляд, немалую вероятность политического взаимодействия названных деятелей — Алкмеонидов, Солона и Писистрата. Между ними существовали личные связи, во внешней политике они все добивались активных действий против Мегары, а внутри государства, по всей вероятности, поддержки простого народа и в связи с этим сокращения чрезвычайных привилегий эвпатридов.

Что касается другой стороны, то Килон и его сторонники, соперничавшие с Алкмеонидами, были, как выше указано, променарскими. Об их социальных целях можно лишь догадываться. Если наш вывод о политических связях между Алкмеонидами и Солоном является правильным, то вполне вероятен и тот факт, что и их соперники во время смуты Килона и последующего поражения Алкмеонидов, а также перед реформами Солона были в своих стремлениях не только во внешнеполитическом, но и в социальном смысле в значительной мере близки. В таком случае создается впечатление, что в Афинах второй половины VII и начала VI в. ссоры шли между двумя аристократическими фракциями, между сторонниками Килона, с одной стороны, и Алкмеонидами-Солоном со своими приверженцами — с другой. А поскольку в это же время существовали

³¹ На своего рода «демократичность» Алкмеонидов указывали некоторые исследователи Veloch K. J. GG². Bd. I. Abt. 1. S. 368—395; Meyer Ed. GdA. S. 592. — См. также: Радциг С. И. Килонова смута в Афинах // ВДИ. 1964. № 3. С. 3—14, — где подчеркивается отсутствие широкой народной поддержки Килону.

также серьезные социальные разногласия, то ссоры разных групп эвпатридов из-за личной власти в государстве и внешне-политической ориентации могли быть связаны с социальными противоречиями. И ввиду того, что Солон и, по-видимому, также Алкмеониды стояли за изменения тогдашнего социального положения, можно предположить, что их соперники противостояли им, в том числе, и в этой области (отсутствие широкой поддержки Килону может также указывать на это обстоятельство).

Педиен, как мы выше пытались показать, стояли на консервативной олигархической позиции. Об их отношении к войне против Мегары ничего не известно. Но некоторые характеристики их лидера Ликурга совпадают с данными об единственном нам известном «стороннике Килона». Обвинителем Алкмеонидов при их изгнании выступил некто Мирон из Флии (Plut. Sol. 12). Флия находилась в северо-восточной части педиона. Эта местность была «домом» знатного рода Ликомидов, к составу которого можно причислить и Мирона.³² Ликург, по всей вероятности, был Бутадом. Общим для этих родов — Ликомидов и Бутадов — являлась их автохтонность. Они вели свое происхождение из древнейшей царской династии Афин — их предки Бут и Лик считались сыновьями царя Пандиона (Apol. III, 14, 8; 15, 5).³³ Они также имели древние связи со старинными культами Аттики: Буты были жрецами Посейдона Эрихтонского на афинском акрополе, а Ликомиды управляли многочисленными культами Флии.³⁴ Таким образом, эти роды не только происходили из педиона, но имели здесь также традиционные культовые связи, которые должны были обеспечить им определенное влияние в центре афинского государства не только в религиозном, но и в социально-политическом смысле.³⁵

Любопытным является факт, что род Солона Медонтиды (Plut. Sol. 1), Алкмеониды и Писистратиды также имели «общее» происхождение. По преданию, их предки были иммигран-

³² Toepffler J. Attische Genealogie. Berlin. 1889. S. 223 ff; Lewis D. M. Cleisthenes and Attica // Historia. Bd. 12. 1963. S. 23; Радциг С. И. Килонова смута... С. 10—11.

³³ Обстоятельство, что Бут считался сыном первого Пандиона (Apol. III, 14, 8), а Лик — второго (Apol. III, 15, 5), кажется маловероятным, особенно если учитывать, что первоначально, по-видимому, знали только об одном Пандионе (См.: Schachermeyr Fr. Die griechische Rückerinnerungen im Lichte neuer Forschungen. Wien, 1983. S. 127).

³⁴ Toepffler J. Attische Genealogie. S. 219—221.

³⁵ Старые филы и фратрии, которые сохранили свое религиозное значение и после реформ Клисфена (Ath. Pol. 21, 6), соединяли в то время как религиозные, так и административно-политические функции. Нет также сомнения, что руководящую роль в фратриях играла местная знать (о значении фратрии в греческом обществе см.: Forrest W. G. The Emergence of Greek Democracy. P. 51—52; Andrewes A. Greek Society. London, 1986. P. 87—89). Таким образом, религиозное превосходство определенных аристократов должно было повлечь за собой и политическое.

тами из мессенского Пилоса, пришедшими в Аттику под руководством Меланфа во время «возвращения Гераклидов» в Пелопоннес (Paus. II, 18, 8—9). Мы, конечно, не можем быть уверены в аутентичности этого предания,³⁶ но сам факт его существования указывает на относительную «молодость» данных родов в Аттике по сравнению с прежде упоминавшимися родами аристократов.³⁷

Нельзя, конечно, переоценивать разницу происхождения Ликомидов — Бутадов, с одной стороны, и Медонтидов, Алкмеонидов, Писистратидов — с другой. Они все были эвпатриды и делили, таким образом, руководство над Афинами. Медонтиды, в частности, были даже царским родом, что показывает их относительно давнее влияние. Но роды «пилосского» происхождения, по-видимому, не имели культовых связей вблизи Афин. Писистрат, например, был связан с Артемидой Бравронской, но этот культ восточной Аттики вряд ли был полезным для достижения влияния в Афинах, которые в данный период, несомненно, были центром политической жизни Аттики. Это обстоятельство должно было дать определенное преимущество «старым» автохтонным родам и могло служить одной из причин их консервативности — желания оставить нетронутым положение, более благоприятное для них, чем для остальных аристократов.

Деятельность Алкмеонидов, Солона и Писистрата явно свидетельствует о стремлении уменьшить роль традиционных локальных связей в политической жизни Афин. Законы Солона, расширив доступ к должности архонта, сократили возможность немногих эвпатридских семейств использовать свои традиционные связи для влияния на решение общеафинских дел. Писистрат, учредив «суды по демам», уменьшил старую судебную власть знатных на местах. А Клисфен своими реформами сделал роль локальных связей в политической жизни совсем ничтожной. Разумеется, эти мероприятия сократили политические привилегии всех эвпатридов, но сильнее они должны были затронуть тех, кто, благодаря традиционным локальным связям в политическом центре, больше других выигрывали в прежней ситуации.

Надо заметить также, что эти деятели были инициаторами активной внешней политики (ведь из них происходили лидеры

³⁶ Обыкновенно к «пилосскому» происхождению этих родов относятся скептически (См.: Rhodes P. J. A Commentary... P. 186—187). Однако в последнее время высказывались и в пользу аутентичности этой традиции (Schachermeyr Fr. Die griechische Rückerinnerungen... S. 146—147). Но независимо от решения этой проблемы, можно считать, что уже само существование такой традиции указывает на определенную однородность упомянутых родов (или фамилий) и их относительную «молодость» в сравнении со многими другими (См.: Wade-Gery H. T. Essays in Greek History. Oxford, 1958. P. 108).

³⁷ Rhodes P. J. A Commentary... P. 187.

афинян в Священной войне и в борьбе за Сигей³⁸) и панафинских тенденций. Эти мероприятия, поднимающие престиж как Афинского государства, так и самих инициаторов таких шагов, в то же время уменьшали значение локальных культов по сравнению с новыми панафинскими празднествами и святилищами и, таким образом, сумели компенсировать отсутствие важных культовых связей вблизи Афин. Наряду с этим превращение Писистратом прежних локальных святилищ в панафинские³⁹ создало определенный «общегосударственный» контроль над ними, сокращая, таким образом, частное влияние родов, управляющих ими.

Кроме того, Писистрат пытался обеспечить общегосударственное значение «своему» локальному культу — Артемиде Бравронской тем, что он воздвиг ее святилище в Афинах (Paus. I, 23.7). А его поход на остров Делос должен был служить, помимо увеличения славы афинского государства, также способом поддержки со стороны этого важного ионийского святилища. Алкмеониды, в свою очередь, тоже пытались найти религиозную опору вне Аттики. Во время Священной войны они установили, по-видимому, тесные контакты с Дельфийским оракулом Аполлона.⁴⁰ Эти связи они укрепили восстановлением Дельфийского храма после пожара 548 г. (Paus. X, 5,13; Hdt. V, 62; Ath. Pol. 19,4) и успешно их использовали при низвержении тирании Писистратидов в Афинах. Ввиду этого можно полагать, что между Писистратидами и Алкмеонидами была конкуренция из-за полезных религиозных контактов на чужбине и что Писистрат своими связями с Аполлоном Делосским пытался ликвидировать наряду с древними афинскими культами педионской аристократии влияние Алкмеонидов в Дельфах.

Таким образом, культовые связи сыграли немаловажную роль в политике афинских аристократов. Разумеется, было бы крайне односторонним объяснять всю патриотическую направленность, а также склонность к изменению настоящего положения в Афинах, которую проявили Солон, Писистрат и Алкмеониды, только отсутствием полезных культовых связей на родине. Но очень вероятно, что именно это обстоятельство влияло на их политику и могло в какой-то мере определить их неконсервативную направленность.

³⁸ Традиция связывает Солона не только с Первой Священной войной, но и с колонизацией Сигея. По преданию, он посоветовал афинянам учредить колонию в Элеунте, чтобы таким образом укрепить позицию Сигея (Jeffery L. H. *Archaic Greece*... P. 89).

³⁹ Schachermeyr Fr. *Peisistratos*, Sp. 186.

⁴⁰ К. К. Зельин (Борьба... С. 139—141) связывает Алкмеонидов со старым культом Аполлона Пифийского в паралии. Однако этот культ в паралии (в Торики) был под контролем автохтонного рода Кефалидов (см.: Тоерффер J. *Attische Genealogie*, S. 260—261; Gruppe O. *Griechische Mythologie und Religionsgeschichte*, Bd. I. München, 1906. S. 41—42). Связи Алкмеонидов с этим божеством были, следовательно, новые.

По-видимому, можно определенно констатировать двойное деление аристократов архаических Афин, причем, с одной стороны, наблюдается автохтонное происхождение, консервативность и промегарские симпатии, а с другой — неафинское происхождение (по преданию), готовность к изменению социально-политической ситуации и активная «патриотическая», в том числе антимегарская, внешняя политика.⁴¹ Мы пытались объяснить, каким образом может быть связано происхождение и социальная направленность этих двух сторон. Неясной остается, однако, причина связи внутривнутриполитической направленности с анти- и промегарской ориентацией.

Легче дело обстоит с враждебностью против Мегары. Желание захватить Саламин кажется весьма естественным ввиду географического расположения этого острова непосредственно у берегов Аттики. Внешние успехи принесли бы добычу и славу не только своему государству, но и конкретным лидерам военных предприятий и должны были привлечь как простых граждан, так и аристократов. Надо также иметь в виду аграрный кризис в Аттике в конце VII столетия, который, как и во всей Греции, должен был служить причиной поиска новых земельных ресурсов в колониях. Афинская колонизация в районе Геллеспонта началась именно в это время, и можно считать, что она, как и постоянные попытки укрепить свою власть над Саламином, имела своей целью в том числе и смягчение аграрного кризиса. Поэтому не может быть случайным тот факт, что во главе этих мероприятий стояли деятели, добившиеся поддержки народа.

Значительно труднее объяснить симпатию к Мегаре другой части афинской аристократии. Иногда исследователи выдвигали в качестве причины торговые интересы, либо считали, что педионская аристократия, получавшая свои доходы от продажи зерна на родине, пыталась препятствовать завоеванию Саламина, чтобы импорт зерна морским путем (вокруг Саламина) не снижал бы цен на хлеб в Афинах,⁴² или связывали часть афинских крупных землевладельцев с мегарским рынком, и тогда причиной их симпатии к Мегаре была заинтересованность в продаже своей продукции там.⁴³

Первая из этих концепций, на наш взгляд, явно переоценивает роль торгово-денежных отношений в политической жизни архаического общества, предполагая невероятно высокий уро-

⁴¹ Двойное деление среди афинской аристократии, затронувшее как внешнюю, так и внутреннюю политику, было уже отмечено в современной литературе (См.: French A. Solon and the Megarian Question // JHS. Vol. 77. 1957. P. 238—242; Hopper R. J. «Plain», «Shore» and «Hill» in Early Athens. P. 211—214; Rhodes P. J. A Commentary... P. 83).

⁴² French A. 1) Solon and the Megarian Question. P. 240; 2) The Party of Pisistratus. P. 56.

⁴³ Hopper R. J. «Plain», «Shore» and «Hill» in Early Athens. P. 214—215.

вень торговых операций. Относительно второй точки зрения надо признать, что хлеботорговля в районе Саронического залива существовала в каком-то объеме уже в VII в.⁴⁴ Закон Солона о запрещении экспорта продовольственных продуктов, кроме олив (Plut. Sol. 24), показывает, что зерно, по всей вероятности, до этого вывозилось из Аттики.⁴⁵ Но мы не знаем ни объема, ни места назначения этого экспорта. И даже если хлеб педионских или элевсинских аристократов продавался в Мегаре, невозможно определить, влияло ли это обстоятельство на отношения афинской знати с правящими кругами Мегары.⁴⁶

Поэтому нельзя утверждать, что симпатия к Мегаре была вызвана торговыми интересами определенных аристократов, и нам кажется необходимым оставить пока этот вопрос открытым. Надо, однако, отметить, что не исключено, что связи с Мегарой, дававшие части афинской знати возможность получить оттуда поддержку в борьбе за власть в Афинах, были чисто личными.⁴⁷ В таком случае промегарская ориентация этих аристократов, с точки зрения их социально-политической позиции на родине, является чисто случайной и не требует вообще особого объяснения. В пользу такого варианта может свидетельствовать тот факт, что в VI в. мы уже не имеем данных о промегарских стремлениях в Афинах.

К вышеуказанному делению аристократии на две части надо, конечно, относиться с определенной осторожностью. Мы уже указали, что целью аристократов во внутренней борьбе было достижение личного влияния и всякие социально-политические программы, если такие имелись, вытекали из этой установки. Будучи в определенном смысле второстепенной, социально-политическая позиция аристократических лидеров точно так же, как и взаимоотношения между ними, могла довольно легко измениться, если этого требовала личная выгода конкретных деятелей. Так, например, изгнание преуспевающих ранее Алкмеонидов где-то в конце VII столетия может указывать на возникновение сильной, направленной против них эвпатридской коалиции,⁴⁸ которая впоследствии опять распалась, что позволило Алкмеонидам вновь играть первостепенную роль на родине. Та-

⁴⁴ Муггау О. Early Greece. P. 211—218.

⁴⁵ Это обстоятельство обыкновенно игнорируется при трактовке социально-политической ситуации в Афинах в VII в. Исключением являются работы Р. И. Хоппера (См.: Hopper R. J. 1) The Solonian Crisis // Ancient Society and Institutions: Studies presented to V. Ehrenberg. Oxford, 1966. P. 143; 2) «Plain», «Shore» and «Hill» in Early Athens. P. 214—215).

⁴⁶ В последние десятилетия выдвигалось много возражений против «торговых мотивов» во внешней политике греческих полисов. См. особенно: Ste Croix G. E. M. de. The Origins of Peloponnesian War. London, 1972. P. 216. — В последнее время О. Марри опять-таки защищает концепцию о важности торговых интересов в политике архаических государств (Murray O. Early Greece. P. 69—70, 77).

⁴⁷ Килон, как известно, был зятем Феагена Мегарского (Thuc. I. 126. 3).

⁴⁸ Ellis J. R., Stanton G. R. Factional Conflicts... P. 97.

ким же образом Мегакл Алкмеонид соединялся то с педиеями, то с Писистратом. Мы также не в состоянии определить возможную связь либо с одной, либо с другой стороной многих малоизвестных аристократов. Это в особенности относится к Филаидам и Кимонидам, роль которых в политической жизни VI в. была, по-видимому, весьма важной.⁴⁹ Поэтому невозможно установить размеры и сущность двух аристократических фракций. Но сам факт существования двух противостоящих сторон среди афинской знати кажется в свете сообщений источников очень вероятным.

Как уже было указано, деление на два лагеря с противоположными социальными интересами, но возглавляемые аристократическими лидерами можно считать закономерным явлением в афинском обществе. Однако при выборе стороны, к которой можно было примкнуть, играли свою роль субъективные факторы. Победа в политической борьбе в интересах простого народа привела к ограничению привилегий знати в пользу неаристократических слоев. Вряд ли это было само по себе целью знатных. Но надо полагать, что одна часть аристократии была более склонна к этому, чем другая. Аристократия состояла из различных групп, с разными, иногда противоречивыми интересами. Кажется вполне естественным, что те группы, которые были каким-то образом оттеснены от власти, были больше, чем их соперники, склонны к руководству народом.

В частности, в Афинах сложилось так, что объективные обстоятельства — в особенности лишение некоторых «молодых»

⁴⁹ Их иногда считают сторонниками Писистрата, ссылаясь главным образом на обстоятельство, что дем Филаидов, где по преданию поселился основатель этого рода, находился у Браврона, откуда происходили и Писистратиды (Plut. Sol. 10; Wilamowitz U. Aristoteles und Athens. Bd. II. S. 73—74; Schachermeyr Fr. Peisistratos. Sp. 174—175; Wade-Gery H. T. Essays in Greek History. P. 166—167; Hignett C. A. History...). Однако, рассказ Геродота (Hdt. VI, 35) и владения Кимона в деме Лакиаде (Ath. Pol. 27, 2) указывают на их происхождение скорее с педиона (там локализируют их Г. Глотц и Д. М. Левис (Glötz G. La cité grecque. P. 142; Lewis D. M. Cleisthenes and Attica. P. 25—26). Основание колонии в Херсонесе Мильтиадом Филадом в начале тирании Писистрата (Hdt. VI, 35—36) не может служить в качестве аргумента, поскольку мы не знаем, как относился к этому Писистрат. Ничего не доказывают также хорошие связи Мильтиада Младшего с Писистратидами (Hdt. VI, 103). Некоторые обстоятельства могут указывать на враждебность Филаидов-Кимонидов к Алкмеонидам: 1) Филаид Гиппоклид был главным соперником Мегакла Алкмеонида на руку дочери сикионского тирана Клисфена, Агаристы (Hdt. VI, 128—129); 2) Мильтиад Младший не возвратился на родину, когда после низвержения тиранов там получил власть Клисфен, а вернулся позднее; 3) во время Марафонской битвы, где афинянами руководил Мильтиад, Алкмеониды пытались, возможно, содействовать персам (Hdt. VI, 115). Эти факты, однако, тоже неоднозначны. О происхождении Кимонидов мы ничего не знаем. Происхождение Филаидов было в определенном смысле «промежуточным» — они не были автохтонными, но их предки по преданию переселились в Аттику уже в героические времена, намного раньше, чем «пилосские» роды (см.: Schachermeyr Fr. Philaidai. RE. Bd. XXXVIII, 1938. Sp. 244).

аристократических родов выгодных культовых связей вблизи политического центра — создали ситуацию, когда часть знати стала постоянно добиваться каких-то изменений социально-политического характера, чтобы таким путем обеспечить себе популярную поддержку и ослабить традиционные привилегии своих соперников. Проведение реформ Солона можно считать победой не только простого народа, но и этой группы аристократов.

Из стихов Солона следует, что после его реформ выступали уже не две, а три группы граждан, с разными, ярко выраженными стремлениями. Две прежние группировки — консервативная часть аристократии, добивавшаяся теперь реставрации старой системы, и сторонники Солона, удовлетворенные в общих чертах его законами, — не исчезли, а вследствие распада прежнего широкого фронта, поддерживавшего Солона, и выделения из него людей с более радикальными требованиями, эти группы не включали в себя уже всех социально-политических сил. Однако, как указывают соотношение 5:5 эвпатридов и неэвпатридов среди архонтов после Дамасия (Ath. Pol. 13,2) и обстоятельство, отмеченное Геродотом, что в Афинах тогда соперничали две партии, — первое время после реформ политическая борьба шла между двумя уже раньше образованными группировками «за» и «против» солоновских законов. Партии педиеев и паралиев, хотя мы не знаем, когда они приобрели свои названия, были, по-видимому, частью этого, уже долго существовавшего двойного деления в политической жизни Афин и отделились, следовательно, по-разному к новой социально-политической системе, установленной Солоном, педиеи — отрицая, а паралии — одобряя ее.

Когда Писистрат, ранее, по-видимому, связанный с Солоном, замышляя тиранию, создал третью партию, как об этом свидетельствует Геродот, он смог возглавить прежде всего тех, которые, считая законы Солона слишком умеренными, требовали самых радикальных шагов. Учитывая, что требования передела земли в это время в Афинах существовали, можно полагать, что такие надежды связывали с Писистратом как с популярным деятелем, и он мог рассчитывать на поддержку со стороны бедняков.

Однако, выдвигая программу таких социальных перемен, Писистрат вряд ли сумел бы захватить власть. Такая возможность существовала, вероятно, до реформ Солона, когда большинство граждан было объединено желанием сократить чрезмерную политическую власть эвпатридов. Но после того как законы Солона решили эту проблему, стремления разных групп граждан стали более дифференцированными и не позволяли объединить большинство афинян во имя единых социальных целей. В частности, группа, требующая передела земли, не могла быть очень многочисленной и влиятельной — поскольку земельные участки

после сисахфии были, по всей вероятности, во владении крестьян⁵⁰ и количество безземельных могло быть лишь весьма ограниченным. Поэтому Писистрат сделал упор на патриотическую агитацию, для чего он как удачливый полководец являлся превосходной фигурой, что и обеспечило ему поддержку весьма разных слоев, на что указывают Геродот и Аристотель. Нельзя, однако, забывать, что эта поддержка была все-таки недостаточной, и укрепить свою тиранию Писистрат сумел только с помощью наемных солдат.

Таким образом, мы можем утверждать, что классовые столкновения играли первостепенную роль в политической борьбе архаических Афин. Среди афинской знати выделились две относительно постоянные группы с разными корнями и исполняющие разные функции в социальных конфликтах. Одна из них стояла во главе демоса, другая — защищала привилегии знати. Тройное деление политических сил перед тиранией Писистрата было исключительным явлением, вызванным законодательной деятельностью Солона. Хотя Писистрат добился успеха прежде всего благодаря своей славе полководца, патриотической пропаганде и наемникам, все-таки можно утверждать, что все три партии имели разный социальный характер и что различия между ними были хорошо известны в V и IV столетиях. Аристотель, разумеется, переосмысливал эту информацию в духе своего политического учения, но самой традиции, которую он использовал, можно доверять.

⁵⁰ Не занимаясь здесь подробнее проблемой сисахфии, отметим, что отсутствие в Аттике крупного землевладения в течение последующей истории, а также молчание источников о каком-либо переделе земли после Солона не позволяют другой трактовки (См.: Rhodes P. J. Commentary... P. 125—127).

Л. А. ПАЛЬЦЕВА

ДРЕВНЯЯ МЕГАРИДА: ТЕРРИТОРИЯ И НАСЕЛЕНИЕ

Исследование одной из кардинальных проблем истории античного общества — проблемы полиса, — интерес к которой чрезвычайно высок как в зарубежной, так и в отечественной историографии,¹ заставляет ученых внимательно вглядываться в неясные очертания той эпохи, когда в недрах греческого общества вызревали предпосылки полисного строя. Общая картина становления греческого города — государства была бы неполной без тех штрихов, которыми дополняют ее материалы по исто-

© Л. А. Пальцева, 1995

¹ Обзор историографии вопроса см. в книге: Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. М., 1938. С. 5—54.

рии «малых» полисов, не занимавших ведущего положения в системе греческих государств классического периода. К числу таких полисов можно отнести Мегары — город, переживший свой расцвет в эпоху архаики и уже к концу этого периода потерявший значение одного из наиболее развитых полисов архаической Греции.

Процесс становления мегарского государства протекал в довольно специфических условиях Мегариды, занимавшей в Греции особое положение. На протяжении всей истории страны через ее территорию осуществлялись разнообразны́е контакты (от торговых связей до военных вторжений) населения Средней Греции и Пелопоннеса. Это не могло не отразиться на исторических судьбах самой Мегариды, жители которой постоянно подвергались различным влияниям со стороны соседей. Данное обстоятельство, а также сложное взаимодействие пришлого (дорийского) и ранее здесь обосновавшегося (ионийского) населения обусловило многие особенные черты мегарской истории и мегарской государственности.

Ближайшими соседями Мегариды были Беотия, Аттика и Коринфия. На севере и северо-востоке Мегариды возвышается гора Киферон с многочисленными отрогами, отделявшая Мегариду от Беотии. Граница Мегариды и Аттики имела в значительной степени условный характер, поскольку труднопреодолимых естественных преград в восточной части перешейка не было. В историческое время эта граница проходила вдоль небольшой речки Иапис, протекавшей по восточному склону горы Керата.²

Юго-западная граница Мегариды, отделявшая ее от соседней Коринфии, в начале I тыс. до н. э. проходила в непосредственной близости от Коринфа. Позднее, в результате частых пограничных конфликтов, она была сдвинута в сторону Мегар. В исторический период граница Мегариды с Коринфией проходила к востоку от селения Кроммион, которое, как и полуостров Перахора, принадлежало в это время Коринфу (Thuc., IV, 45; Strabo., VIII, 6,22, p. 380; IX, 1,1, p. 390). По занимаемой территории (470 км²) Мегарида уступала всем областям Греции, кроме Дориды.

С востока на запад через всю Мегариду тянется горная цепь Герания (Журавлиные горы),³ образуя водораздел, разделяю-

² Вдоль р. Иапис простиралась узкая полоса необработанной земли, посвященной Деметре и Персефоне. Эта нейтральная территория, разделявшая Аттику и Мегариду, известна в связи с событиями, предшествовавшими Пелопоннесской войне (Thuc., I, 139,2; Plut. Perg. XXX, 2). Позднее, в 409 г. до н. э., здесь произошло сражение между Афинами и Мегарами (Diod., XIII, 65).

³ Павсаний со ссылкой на мегарские источники передает местную легенду, объясняющую происхождение этого названия. Согласно легенде Мегар, сын Зевса и одной из Сифнидских нимф, спасся во время Девкалионова потопа на вершине Герании, к которой он плыл, ориентируясь на крик журавлей (Paus., I, 40,1).

щий северную и южную части Мегариды. Северный склон Герании, обращенный к Коринфскому заливу, образует узкие глубокие ущелья, которые тянутся до побережья. Здесь во многих местах выходят на поверхность слои красноватой глины, мощность которых достигает ста и более метров.

Обращенный к югу склон Герании имеет иной характер. Лишь в юго-западной части Мегариды горы тянутся до моря и круто обрываются в воды Саронического залива (Скироновы скалы). На всем остальном протяжении южный склон, отступая на несколько километров от моря, плавно спускается от верхнего плато вниз, к обширной равнине, на которой расположен город Мегары. В северной части Мегарской равнины, у подножия Геранийских гор, есть залежи красной глины, пригодной для керамического производства, а также запасы бурого угля. Почва на равнине достаточно плодородна, а многочисленные родники служат источниками питьевой воды и хорошо орошают землю.⁴ К центральной равнине примыкает несколько небольших долин, отделенных друг от друга горными отрогами и холмами. В целом, однако, фонд земель, пригодных для земледелия, невелик. Значительная часть поверхности Мегариды имеет гористый характер, камениста и неплодородна.⁵ К этому следует добавить, что некоторые районы Мегариды (на южном побережье — близ Нисеи и на северном — около Эгосфен) были заболочены.⁶

Одной из особенностей географического положения Мегариды было то, что, подобно Коринфии, она имела выход в два моря — Эгейское и Ионическое. Южное побережье Мегариды, омываемое водами Саронического залива, имеет сильно изрезанную береговую линию. Здесь на берегу небольшой бухты находилась главная гавань Мегар — Нисея, напротив которой в море возвышался небольшой островок Миноя.⁷ Узкий пролив отделяет Мегариду от северо-западного берега острова Саламин. Остров был издавна тесно связан с Мегаридой и некоторое

⁴ Остатки пресноводных и морских рыб, находимых на Мегарской равнине, показывают, что некогда она была дном морского залива. Е. Гайбаргер соотносит эти данные с местной традицией о Девкалионовом потопе, которую передает мегарский историк Диевхид (Müller, FHG, IV, p. 338; ср. Paus., I, 40, 1). См.: Highbarger E. L. The history and civilization of ancient Megara. Baltimore, 1927. P. 3. Note 6.

⁵ Страбон, говоря о скудости почв Мегариды, сравнивает последнюю с Аттикой (Strabo., IX, 1, 8, p. 393; ср. VIII, 1, 2, p. 333). Характерно также высказывание Исократ о том, что мегаряне «возделывают камни» (Isocr. De Pace, 117). Ср.: Theophr. Hist. Plant., II, 8, 1; Steph. Byz., s. v. Μέγαρα.

⁶ Заболоченность была причиной не очень здорового климата Мегариды. Не случайно мегарский поэт Феогнид в числе бедствий, подстерегающих человека, наряду с бедностью и старостью упоминает малярию (Theogn., 173—174).

⁷ В настоящее время в результате наносов остров превратился в холм, возвышающийся на морском берегу в окрестностях древней Нисеи.

время (в период ранней архаики) входил в состав Мегарского государства.

Северо-западное побережье Мегариды обращено в Коринфский залив, через который мегаряне получали выход в Ионическое море и далее к побережью Италии и Сицилии. В двух самых обширных долинах этого побережья были расположены мегарские порты Паги и Эгосфены.

Через Мегариду проходило несколько дорог, имевших не только местное, но и общегреческое значение. Эти дороги с древнейших времен использовались как торговые пути, связывавшие Пелопоннес со Средней и Северной Грецией, по ним проходила спартанская армия, отправляясь в военные походы за пределы Пелопоннеса, их не могли миновать паломники, шедшие из городов Средней Греции в Олимпию или из Пелопоннеса в Дельфы.

Одна из этих дорог, проходившая вдоль северного побережья Мегариды, связывала беотийский порт Кревсиду (Креусу) с Коринфом. Узкая каменная тропа вдоль гористого побережья Коринфского залива вела из Кревсиды в Эгосфены, затем в Паги и далее через Перахору в Коринф. Этот путь был одним из самых трудных и длинных.

Вторая дорога, соединявшая Коринф, Мегары, Элевсин и Афины, проходила вдоль побережья Саронического залива. Здесь также были труднопроходимые и опасные участки, особенно в районе так называемых Скироновых скал в юго-западной части Мегариды.

Самой удобной и сравнительно безопасной была дорога, проходившая по водоразделу в северной гористой части Мегариды. Н. Дж. Хэммонд, обследовавший древние дороги Мегариды, считает ее главным военным и торговым путем, связывавшим Беотию с Пелопоннесом.⁸ Дорога, ширина которой колебалась от трех до четырех метров, шла из беотийских Эрифр на юг, к мегарскому поселению Триподиск и далее на запад к Коринфу. По утверждению Н. Дж. Хэммонда, весь путь от Эрифр до Коринфа занимал одиннадцать часов ходьбы.⁹

Кроме этой дороги, ведущей в Беотию, была еще узкая тропа, соединявшая Мегары с Платеями, откуда открывался путь на Фивы и другие беотийские города.

Важную роль в жизни Мегариды играла также дорога, соединявшая побережья Коринфского и Саронического заливов. Эта дорога шла из Мегар на северо-запад по равнине, затем пересекала горный хребет в наиболее низких, пологих местах и,

⁸ Hammond N. G. L. The Main Road from Boeotia to the Peloponnese through the Northern Megarid //BSA. N 49. 1954. P. 103, 115.

⁹ Ibid. P. 107.

спускаясь к побережью Коринфского залива, заканчивалась в Пагах. Путь от Мегар до Паг занимал четыре часа ходьбы.¹⁰

Природные условия Мегариды во многом обусловили ее экономическое развитие, быт и занятия ее населения. Ограниченность земельных ресурсов, скудость и каменистость почвы не позволяли развивать земледелие в широких масштабах. Мегаряне довольно рано встали перед необходимостью расширять свой земельный фонд за счет аннексии соседних территорий и выведения колоний в отдаленные районы Средиземноморья и Причерноморья. Вместе с тем в предгорьях мегаряне имели хорошие пастбища, что способствовало развитию овцеводства и связанного с ним производства шерстяных тканей. Значительные запасы хорошей керамической глины позволяли развивать гончарное производство. Большое значение имела для мегарской экономики добыча соли из соляной котловины близ Нисей.

Географическое положение Мегариды как нельзя лучше способствовало развитию посреднической торговли — как сухопутной, так и морской. С развитием мореплавания и морской торговли особое значение приобрело то обстоятельство, что Мегарида имела выход на запад и на восток. Развитие ремесла и торговли до известной степени компенсировало отсутствие условий для широкого развития сельского хозяйства.

Истмийский перешеек был заселен уже в древнейшие времена. Здесь известны памятники эпохи палеолита¹¹ и неолита.¹² Население Мегариды II тыс. до н. э. было, видимо, более многочисленным, хотя и о нем мы имеем довольно скудные сведения. До нас дошли лишь незначительные фрагменты древних преданий и легенд, которые дополняются данными языка, топонимики и немногочисленными археологическими находками. Взятые в совокупности, эти материалы позволяют представить лишь самые общие, не слишком отчетливые контуры ранней мегарской истории. При этом, используя данные традиции, мы должны ясно сознавать, что получаем представление не столько о самой этой истории, сколько о том, как ее изображали мегаряне архаического и классического времени. Вместе с тем следует признать, что представления древних авторов о древнейшем прошлом Мегариды не были основаны сплошь на вымысле и фантазии, в них ощущается вполне реальная историческая основа.

Итак, каковы же были представления мегарян о древнейших обитателях Мегариды? Об этом дает представление сохранившаяся у Павсания генеалогия древних мегарских царей (Paus., I, 39,5—6). Первым мегарским царем согласно традиции был

¹⁰ Ibid. P. 105. — О дорогах Мегариды см. также Highbarger E. L. The history and civilization... P. 7; Meyer E. Megara (2) // RE. Bd. XV. Hbhd. 29. 1931. Sp. 156 ff.

¹¹ Megara (2) // Der kleine Pauly. Lexikon der Antike. Bd. III. Stuttgart, 1969. Sp. 1144.

¹² Титов В. С. Неолит Греции. М., 1969. С. 18 (карта).

Кар, сын Фороней, именем которого был назван восточный мегарский акрополь Кария. Вторым в списке царей упоминается Лелег, во время правления которого жители Мегариды назывались лелегами. В такой форме мегарская традиция сохранила воспоминание о карийцах и лелегах, которых многие древние авторы упоминают в числе древнейших обитателей Эгеиды.¹³ Страбон, перечисляя варварские народы, населявшие в древности Пелопоннес и Истм (дриопы, кавконы, пеласги и др.), называет в их числе и лелегов (Strabo., VII, 7,1, p. 321). Ниже, ссылаясь на «Политии» Аристотеля, Страбон говорит о лелегах как о древнейших жителях многих областей Средней Греции (Strabo., VII, 7,2, p. 322) и о карийцах, заселявших Эпидавр и Гермийон в Арголиде (Strabo., VIII, 6, 15, p. 374). Овидий связывает лелегов непосредственно с побережьем Мегариды (Ovid., Metamorph., VII, 443; VIII, 6). Здесь их помещает также Павсаний. У Павсания мы находим рассказ о том, что в правление Пилоса, третьего царя лелегской династии, лелеги переселились из Мегариды в Мессению, где основали город, названный по имени их предводителя (Paus., IV, 36,1).

В античной традиции четко запечатлелось представление о лелегах, карийцах, пеласагах, дриопах как о догреческом, варварском населении Эллады. Гомер подчеркивает, что карийцы говорят на варварском наречии (Homer., J., II, 867). О том, что древнейшие жители страны были негреческого происхождения, говорят Страбон (Strabo., VII, 7, 1, p. 321) и Павсаний (Paus., I, 41,8). Однако по более конкретным вопросам — об отношениях карийцев и лелегов, о местах их первоначального расселения — у древних авторов не было полного единодушия.¹⁴

Итак, предание относило Мегариду к районам расселения карийцев и лелегов, персонифицированных в образах мегарских царей Кара и Лелега.¹⁵ Данные топонимики также свидетельствуют о наличии в Мегариде догреческого языкового слоя.

¹³ Томсон Дж. Исследования по истории древнегреческого общества. М., 1958. С. 164 сл.

¹⁴ Геродот, ссылаясь на критскую традицию, высказывает мнение о том, что карийцы и лелеги — один и тот же народ, населявший некогда острова Эгейского моря и подчиненный владыке Кносса Миносу (Herod., I. 171). Карийцы, пишет он далее, оспаривают эту версию, считая себя исконными жителями Малой Азии и отвергая отождествление с лелегами. Страбон в одном случае принимает точку зрения Геродота (Strabo., XIV, 2, 27, P. 661), в другом — противопоставляет ей мнение, согласно которому карийцы и лелеги были только соседями и союзниками (Strabo., VII, 7, 2, p. 321). Ср.: Thuc., I, 4, 8; Paus., VII, 2, 8. — Версия Геродота об островном происхождении карийцев и лелегов заставляет вспомнить об основанной на археологическом материале теории «кикладского набега» Ф. Шахермайра (См.: Schachermeyr F. Die ältesten Kulturen Griechenlands. Stuttgart, 1955, S. 146. — Ср.: Титов В. С. Неолит Греции. С. 166 сл.).

¹⁵ Лелегом звался также родоначальник спартанских царей (Paus., III, 1,1; III, 12,5). Поликаон, сын Лелега, основал в Мессении город Анданию (Paus., IV, 1,1—3), а селение Фераппа названо именем дочери Лелега (Paus., III, 19, 9). Лелегия — одно из древних названий Лаконики.

Негреческое происхождение имеют топонимы: Нисея, Миноя, Кария. Некоторые ученые усматривают негреческий корень в названии Мегар.¹⁶

Период, последовавший за вторжением на юг Балканского полуострова греческих племен, отражен в традиции столь же неясно и схематично. Дополнительную сложность представляет то, что дошедшие до нас свидетельства зачастую бывают искажены в угоду политическим соображениям более позднего времени. Это обстоятельство нельзя не учитывать при рассмотрении традиции о древнейшем прошлом Мегариды.

В мегарской традиции появление новой этнической группы представлено как приход к власти новой царской династии. На смену лелегской династии, последним представителем которой был Пилас,¹⁷ пришла династия, основателем которой явился Пандион (Apollocl., III, 15, 5—6; Paus., I, 39,6).¹⁸ Поскольку Пандион признавался в то же время одним из древних царей Афин, его появление в мегарской генеалогии можно рассматривать как следствие признания мегарянами этнической близости населения Мегариды и Аттики в додорийское время. Действительно, источники сообщают о том, что в период до дорийского завоевания некоторые области Средней Греции (Аттика, Беотия), Истмийский перешеек и Северный Пелопоннес (Ахайя, некоторые районы Арголиды) были заселены ионийцами. Согласно Геродоту, ионийцы жили на севере Пелопоннеса в области Ахайя (Herod., I, 145; VII, 94)¹⁹ и в Кинурии (Herod., VIII, 73). Есть данные об ионийцах в Коринфии (Сопон, frg. 26, FGtH, I, 198). Павсаний (Paus., II, 26,1; VII, 4,2) и Страбон (Strabo., VIII, 6, 15, p. 374 — со ссылкой на Аристотеля) говорят об ионийском населении одного из центров Арголиды — Эпидавра.²⁰ Страбон упоминает также ионийцев, живших в окрестностях Сикиона (Strabo., VIII, 7, 1, p. 383).²¹ В другом месте, обращаясь к истории Мегар, Страбон пишет: «В древности, когда Мегары еще не были основаны, эту страну занимали ионийцы, те же, которые занимали и Аттику» (Strabo., IX, 1, 5, p. 392).

Одной из областей, с которыми традиция связывает ионий-

¹⁶ О происхождении названия города см.: Highbarger E. L. The history and civilization... P. 88—94; Meyer E. Megara, Sp. 154—155.

¹⁷ Источники дают две формы имени царя — Пилас и Пилос (вторая форма встречается относительно редко).

¹⁸ Highbarger E. L. The history and civilization... P. 72.

¹⁹ Позднее ионийцев здесь сменили ахейцы, вытесненные дорийцами из Арголиды и Лаконики (См.: Anderson J. K., A Topographical and historical study of Achaea // BSA. N 49. 1954. P. 72).

²⁰ Есть косвенное свидетельство и для Аргоса. Павсаний пишет, что до «возвращения Гераклидов» в Пелопоннес аргосцы говорили на том же языке, что и афиняне (Paus., II, 37, 3).

²¹ Согласно Страбону, область г. Сикиона, называвшаяся прежде Эгналий, после переселения сюда ионийцев из Аттики стала называться Ионией (Strabo., VIII, 6, 25; p. 382; VIII, 7, 1, p. 383).

цев, была Беотия (Herod., V, 58), граничившая с Мегаридой на северо-востоке. Отсюда культ Посейдона Геликонского, бога горы Геликон в западной Беотии, был перенесен ионийцами на их новую родину в малоазийскую Ионию (Herod., I, 148). И наконец, многие древние авторы сообщают об ионийском населении Аттики, претендовавшей впоследствии на звание прародины всех ионийцев (Homer., II., XIII, 685; Herod., I, 147; Arist. Athen. Polit., 5; Strabo., VIII, 7, 1, p. 383).²²

Таким образом, согласно данным литературной традиции Мегарида находилась в центре довольно компактной территории, заселенной ионийцами.²³ Этот период истории Мегариды нашел отражение и в памятниках материальной культуры. Греческое население мегарской равнины облюбовало для своих поселений места, наиболее подходящие с точки зрения безопасности и удобства проживания. На территории будущих Мегар первым местом поселения был высокий холм Кария, ставший впоследствии одним из двух мегарских акрополей. Здесь сохранились остатки циклопических стен микенской эпохи. Функционировало поселение на акрополе Нисей, о чем свидетельствует большое количество найденной здесь характерной серой («минийской») керамики среднеэлладского периода.²⁴

Выбор мест для поселения с очевидностью показывает, что ионийцев привлекала плодородная мегарская равнина, для зем-

²² Для античной традиции в целом характерно представление о том, что ионийцы Малой Азии первоначально обитали в Балканской Греции. Относительно прародины ионийцев у древних авторов не было единой точки зрения. Господствующей была так называемая афинская теория, связывающая происхождение ионийцев с Атикой. Параллельно с ней выдвигалась ахейская теория, признающая прародиной ионийцев область Ахайю в Пелопоннесе. Обе теории вполне сформировались уже к V в. до н. э., ко времени Геродота, который излагает их, используя, очевидно, различные источники информации (Herod., I, 145—147; VII, 94). Позднее была предпринята попытка объединить обе теории (Paus., VII, 1, 7—9; 2, 1—3). О происхождении и миграциях ионийцев см.: Томсон Дж. Исследования... С. 389 сл.; Meyer Ed. Geschichte des Altertums. Bd. II, 1. Aufl. 2. Stuttgart; Berlin, 1928. S. 282f; Hanell K. Megarische Studien. Lund, 1934. S. 55ff.

²³ Целью нашей работы не является всестороннее рассмотрение вопроса об этническом составе населения Греции во II тыс. до н. э., и в частности о расселении и миграциях ионийцев. Поэтому мы ограничиваемся обзором традиции, относящейся к интересующему нас региону. За рамки нашей работы выходит также вопрос о соотношении ионийского и ахейского этнических элементов. Как известно, часть исследователей полагает (следуя при этом античной традиции), что ионийцы и ахейцы представляли разные ветви греческого народа (Meyer Ed. Geschichte des Altertums. Bd. II, 1. S. 279 f; Hanell K. Megarische Studien. S. 55 i), в то время как другие склонны полностью отождествлять их (см., напр.: Томсон Дж. Исследования... С. 389 сл.).

²⁴ В спорном вопросе об идентификации Нисей и Минои мы придерживаемся точки зрения Ф. Бёлте и Г. Вейкера, поддержанной позднее А. Лэрдом (См.: Bölte F., Weicker G. Nisaea und Minoa // Ath. Mitt., XXIX, 1904. S. 79 ff.; Laird A. G. Nisaea and Minoa // Class. Philol., XXIX. N 2. 1934. P. 89 ff.—Ср.: Highbarger E. L. The history and civilization... P. 20 ff.).

ледельческого населения которой могло служить убежищем укрепленное поселение на Карию. Вместе с тем важную роль играл контроль над побережьем. Эту функцию должно было выполнять поселение в Нисее.

Традиция свидетельствует, что ионийское население сохранило свои позиции в Мегариде и после того, как Пелопоннес был занят дорийцами. Как сообщает Страбон, изгнанные из Пелопоннеса ионийцы обосновались в Мегариде и Аттике (Strabó., III, 5, 5, p. 171). Между ионийцами и пелопоннесцами (т. е. дорийцами) часто возникали пограничные конфликты, для разрешения которых было заключено соглашение об установлении границы (Strabo., IX, 1, 6, p. 392). На Истме близ Кроммиона была установлена пограничная стела, на одной стороне которой надпись гласила: «Здесь Пелопоннес, а не Иония», а на другой, обращенной к Мегарам: «Здесь не Пелопоннес, а Иония» (Strabo., III, 5, 5, p. 171; IX, 1, 6, p. 392).

Тот же рассказ о стеле, но в несколько иной трактовке, передает Плутарх в биографии Тезея: «Присоединив к Аттике Мегариду, он установил на Истме знаменитую стелу, написав двумя шестистопными ямбами надпись, обозначающую границы страны. На восточной стороне было написано: „Здесь не Пелопоннес, а Иония“, на западной: „Здесь Пелопоннес, а не Иония“» (Plut. Thes., 25). Позднее, когда дорийцы заняли Мегариду, пограничная стела была уничтожена (Strabo., IX, 1, 7, p. 393).

Рассказ об истмийской стеле показывает, что между вторжением дорийцев в Пелопоннес и доризацией Мегариды, по представлениям древних, существовал определенный хронологический разрыв. Это является дополнительным аргументом в пользу мнения тех исследователей, которые полагают, что дорийцы вторглись в Пелопоннес не через Истм, а каким-то иным путем.²⁵ Этот хронологический разрыв, если судить о его про-

²⁵ Вопрос о путях продвижения дорийцев не имеет в настоящее время однозначного решения. Единства в этом вопросе не было и в античной традиции. Вопреки традиционному представлению о постепенном продвижении дорийцев по суше с севера на юг некоторые источники дают основание предполагать, что вторжение в Пелопоннес было осуществлено морским путем. По свидетельству Павсания, дорийцы строили в Навпакте корабли для переправы через Коринфский залив (Paus., X, 38, 10; ср. Polyb., XII, 12). Фукидид сообщает, что дорийцы захватили в Коринфии прибрежный холм Солигей, откуда затем велось наступление на Коринф (Thuc., IV, 42). В Арголиде был захвачен прибрежный городок Темений, из которого дорийцы наступали на Аргос (Paus., II, 38, 1). Это показывает, что продвижение из Средней Греции в Пелопоннес могло осуществляться не только через Коринфский залив, но и со стороны Эгейского моря. О путях движения дорийцев см.: Шмидт Р. В. Античное предание о дорийском переселении // ВДИ. 1938. № 2. С. 55; Колобова К. М. К вопросу о минойско-микенском Родосе и проблема «переходного» периода в Эгеиде (1100—900 гг. до н. э.) // Учен. зап. Ленингр. ун-та, № 192. Сер. истор. наук. Вып. 21. Л., 1956. С. 29; Ботвинник М. Н. Из древнейшей истории Мегар // Там же. № 251. Сер. истор. наук. Вып. 28. Л., 1958. С. 36 сл.; Поляко-

должительности по данным литературной традиции, был не слишком длительным: с конца XII в. до н. э. (1104 г. до н. э. — вторжение дорийцев в Пелопоннес по хронологии Эратосфена)²⁶ до гибели афинского царя Кодра в 1069 г. до н. э. (Euseb. Chron., II, p. 175, Karst). При этом следует, однако, помнить, что данные традиционной хронологии, основанные на позднейших расчетах греческих ученых, можно рассматривать лишь как очень приблизительные хронологические ориентиры.

К сожалению, и археология не может внести полной ясности в этот вопрос. Северные пришельцы практически не оставили следов, которые позволили бы определить пути их продвижения и время появления в Пелопоннесе.²⁷ Соотнося данные традиции с археологическим материалом, следует, скорее всего, говорить о длительном периоде миграций, в ходе которых различные племена, среди которых были и дорийцы, постепенно перемещаясь и вытесняя друг друга, заняли ряд районов Средней Греции и Пелопоннеса.²⁸

Появление дорийцев в Мегариде традиция связывает с походом пелопоннесцев против Аттики в правление афинского царя Кодра, который, по преданию, погиб в сражении при реке Иллисе (Paus., I, 19,5). Не добившись успеха в Аттике, дорийцы на обратном пути захватили Мегариду.²⁹

Геродот, сообщая о вторжении спартанцев в Аттику в конце VI в. до н. э., замечает: «Это был четвертый поход дорийцев в Аттику. Дважды они приходили с войной, дважды — на защиту афинского народа. Впервые это произошло тогда, когда они основали Мегары. Этот поход, состоявшийся при афинском царе Кодре, действительно можно было бы назвать первым» (Herod., V, 76). В этом свидетельстве, самом раннем из дошедших до нас, не указывается, какие дорийские центры Пелопоннеса принимали участие в доризации Мегариды. Такие указания появляются в более поздних источниках, которые, воспро-

ва Г. Ф. От микенских дворцов к полису // Античная Греция. Т. I. М., 1983. С. 100 сл.; Highbarger E. L. The history and civilization... P. 95; Miltner F. Die dorische Wanderung // Klio. 1934. 27. S. 54 ff.

²⁶ Томсон Дж. Исследования... С. 369 сл.

²⁷ Полякова Г. Ф. От микенских дворцов к полису. С. 99.

²⁸ Там же. С. 102.

²⁹ Традиция вполне определенно говорит о вторжении дорийцев в Мегариду с юга, из Пелопоннеса. Вместе с тем в источниках есть упоминания о неудачной попытке дорийцев вторгнуться в Пелопоннес с севера через Мегариду. Павсаний сообщает, что при ахейском царе Эхемоне, правившем в Аркадия до Троянской войны, дорийцы под предводительством Гилла, сына Геракла, пытались проникнуть в Пелопоннес, но были разбиты в сражении на Истмийском перешейке (на границе Мегариды и Коринфии — Paus., I, 44, 9). Гилл был убит в единоборстве с Эхемоном (Paus., VIII, 5, 1) и похоронен в Мегарах (Paus., I, 41, 2). Этот поход состоялся за три поколения до вторжения дорийцев в Пелопоннес морским путем (Paus., VIII, 5, 6; ср.: Polyb., XII, 12).

изводя все ту же легенду о дорийском походе в Аттику во времена Кодра, вместе с тем несколько расходятся в деталях.

Страбон, дважды обращаясь к вопросу о заселении Мегариды дорийцами, дает две разные версии. Первая из них представляет канонический вариант предания, отголоски которого можно встретить у разных авторов. Сообщив о разделе захваченной земли Гераклидами и пришедшими вместе с ними дорийцами, а также о наполнивших Аттику беглецах из Пелопоннеса, в числе которых был царь Мессении Меланф, Страбон далее пишет: «Когда Аттика, благодаря беглецам, стала многонаселенной, Гераклиды, испугавшись, пошли на нее войной. Особенно побуждали их к этому жители Коринфа и Мессении, первые по причине соседства, вторые — потому, что в Аттике тогда царствовал Кодр, сын Меланфа. Потерпев поражение в битве, они, оставив другую землю, захватили Мегариду, основали полис Мегары и население, прежде ионийское, сделали дорийским. Они уничтожили стелу, обозначавшую границу ионийцев и пелопоннесцев» (Strabo., IX, 1, 7, p. 393).

Рассказ Страбона, подчеркивающего активную роль Коринфа и Мессении в организации похода на Аттику, можно трактовать как указание на участие этих центров в доризации Мегариды. Более определенно об участии коринфян в основании Мегар говорит Павсаний: «Позднее, при царе Кодре, пелопоннесцы пошли войной на Афины, и когда они возвращались, не совершив ничего славного, они захватили принадлежавшие афинянам Мегары и отдали их на поселение желающим из числа коринфян и других союзников. Так мегаряне, изменив свои обычаи и язык, стали дорийцами» (Paus., I, 39, 4).

При нынешнем состоянии источников вряд ли можно определенно сказать, когда возникла версия об участии коринфян в доризации Мегариды и основании Мегар. Если судить по высказываниям Страбона, предшествующим приведенному выше пассажи, сведения о древнейшем прошлом Мегариды почерпнуты им из трудов аттидографов Филохора и Андрона. От них же, по всей видимости, была заимствована версия об участии коринфских и мессенских дорийцев в основании Мегар. Еще до Страбона, в конце II в. до н. э., эту же версию заимствовал Псевдоскимн: «Мегары — город дорийский. Построили его все дорийцы, особенно коринфяне и мессеняне» (Ps-Scymn., 502). Несомненно, однако, что интересующая нас тема разрабатывалась афинской школой уже до Филохора. Возможно, как полагает К. Ганель,³⁰ рассматриваемая версия восходит к Эфору или Аполлодору. Как вариант этой версии встречаются утверждения о том, что Мегары были коринфской колонией (Suid. s. v. *Διὸς Κόρινθος*; Schol. ad Pind. Nem., VII, 155 — со ссылкой на афинского историка Демона).

³⁰ H anell K. Megarische Studien. S. 69.

Оценивая эти свидетельства источников, нельзя не учесть следующее обстоятельство. Доризация Мегариды не привела к прекращению трений и пограничных споров с Коринфом — они продолжались до VIII в. до н. э. и завершились в конце концов в пользу последнего. В этих условиях ссылки на особую роль Коринфа в основании Мегар могли в какой-то степени служить оправданием территориальных притязаний коринфян и, во всяком случае, ставили мегарян в неравноправное положение.³¹ Вместе с тем вряд ли правомерно было бы полностью отрицать наличие в этих свидетельствах рационального зерна. Допуская, что доризация Мегариды шла с юга, из Пелопоннеса, мы должны признать естественным участие в этом процессе жителей ближайшей к Мегариде дорийской области.³² Однако, учитывая высказанные выше соображения, следует все же осторожно отнестись к традиции, подчеркивающей ведущую роль Коринфа в основании Мегар.

Тот же Страбон, который, как было показано выше, передает усвоенную афинской школой коринфско-мессенскую версию доризации Мегариды, знает другую традицию, согласно которой в числе дорийцев, осевших в Мегариде, были аргосцы: «Дорийцы, основавшие Мегары после смерти Кодра, частью остались здесь, частью, под предводительством Алтемена Аргосского, приняли участие в выведении колонии на Крит; еще одна часть их, разделившись, отправилась на Родос и в названные выше города» (Галикарнасс, Книд, Кос. — Strabo., XIV, 2, 6, p. 653).

Прежде всего встает вопрос об источнике, использованном Страбоном в этом пассаже. Как не без основания замечает К. Ганель, источником в данном случае является Эфор.³³ Именно на него Страбон ссылается в другом месте, говоря об основании на Крите городов дорийцами, пришедшими с Алтеменом Аргосским (Strabo., X, 4, 15, p. 479). Если принять во внимание, что Эфор, возможно, был источником ранее приведенного пассажа Страбона (Strabo., IX, 1, 7, p. 393), можно предположить, что уже у Эфора рассматривалось несколько вариантов предания о вторжении дорийцев в Мегариду.

³¹ По мнению К. Ганеля, традиция, подчеркивающая роль коринфян в процессе доризации Мегариды, является отражением коринфской политики накануне Пелопоннесской войны (Hanell K. Megarische Studien. S. 70). Можно, однако, полагать, что эта традиция имеет более древнее происхождение, а именно — восходит к раннеархаическому периоду, когда Коринф вел наступление на пограничные районы Мегариды. Именно в это время формировались основы колониальной политики Коринфа, отличавшейся стремлением последнего установить контроль над своими колониями (в этом смысле характерны его отношения с Керкирой и Потидеей). В этих условиях наиболее вероятно появление традиции, представляющей Мегары в качестве древнейшей колонии Коринфа.

³² Ср.: Meyer E. Megara. Sp. 182.

³³ Hanell K. Megarische Studien. S. 72.

Сохраненная Страбоном версия об участии аргосцев в доризации Мегар заслуживает особого внимания. До нас дошло немало свидетельств, подтверждающих наличие особых связей Мегар с Арголидой в период, последовавший за дорийским вторжением. Прежде всего обращают на себя внимание культовые связи. Получивший в Аргосе особенное развитие культ Геры был перенесен отсюда во многие места, в том числе и в Мегары.³⁴ В раннеархаическое время Мегарам принадлежало святилище Геры Акреи на полуострове Перахора, между селениями Лехей и Паги на побережье Коринфского залива (Strabo., VIII, 6, 22, p. 380). Культ Геры Акреи известен в Аргосе (Paus., II, 24, 1) и в Коринфе (Eur. Med. 1379 cum. Schol.), откуда он, по-видимому, был перенесен в колонию Коринфа Керкиру (IG, IX, 1, 698).³⁵ Раскопки святилища на Перахоре, проводившиеся в 30-х годах XX в., показали, что Аргос поддерживал достаточно активные связи с Мегаридой.³⁶ Следует отметить также близость восточноаргосского диалекта к говорам Мегар и Коринфа,³⁷ что дает основание говорить об определенном культурно-языковом единстве северо-восточных районов Пелопоннеса и Истма после вторжения дорийцев.

Косвенным свидетельством признания мегарянами своих аргосских корней может служить местная традиция, связывающая с Арголидой происхождение некоторых мифологических персонажей. Согласно преданию, первый мегарский царь Кар был сыном Форонея, родоначальника аргосской царской династии (Paus., I, 39, 5—6; ср. Paus., II, 15, 5; II, 16, 1). Одна из двух дошедших до нас генеалогий Скирона (Plut. Thes., 10; 25) называет его внуком Питфея, царя города Трезена в во-

³⁴ Культ Геры был перенесен из Аргоса на Самос (Paus., VII, 4, 4; Athen., XV, 672 A), Кос (Syll.³, 1026), в Спарту (Paus., III, 13, 8) и в Сикион (Paus., II, 11, 2). На распространение этого культа в Мегарах указывают, в частности, многочисленные теофорные имена, встречающиеся в надписях (см. указатель к IG, VII).

³⁵ Появление культа Геры Акреи в Коринфе можно связать, с одной стороны, с влиянием святилища богини на Перахоре, поскольку оно находилось в непосредственной близости от Коринфа и к концу VIII в. перешло под его контроль. С другой стороны, можно предположить, что это — следствие более древних связей дорийцев Аргоса с дорийским населением Коринфа, восходящих, возможно, ко времени дорийского переселения в Пелопоннес. На эти связи, как кажется, указывает Ксенофонт (Xen. Hell. IV, 5, 1).

³⁶ Hanell K. *Megarische Studien*, S. 79; Payne H. (a. o.) *Perachora*. Vol. I. Oxford, 1940; Vol. II. Oxford, 1962; Hammond N. G. L. *The Heraeum at Perachora and Corinthian Encroachment* // BSA. 49. 1954. P. 93 ff. — Ср.: Salmon J. *The Heraeum at Perachora and the Early History of Korinth and Megara* // BSA. 67. 1972. P. 159 ff.

³⁷ Bartonek A. *Classification of the West Greek Dialects at the Time about 350 B. C.* Amsterdam; Prague, 1972. P. 178 f. — В Коринфе наряду с местным вариантом дорийского диалекта сохранялись элементы эолийского говора, восходящего к додорийскому периоду. Согласно Фукидиду, дорийцы, высадившиеся у Солигея близ Коринфа, столкнулись здесь с древним эолийским населением (Thuc., IV, 42, 4).

сточной Арголиде. Корэб, основатель селения Триподиск в центральной Мегариде, был аргосцем по происхождению (Paus., I, 43, 7—8).

Наконец, еще одним свидетельством тесных контактов Аргоса и Мегар является сообщение Павсания о военной помощи, оказанной аргосцами мегарянам во время войны с Коринфом (Paus., VI, 19, 14). Точное время этого события неизвестно, но можно полагать, что оно имело место в период «темных веков» (не позднее середины VIII в. до н. э.).³⁸

Взятые в совокупности приведенные выше факты дают все основания для утверждения о том, что в период, последовавший за вторжением дорийцев, мегарско-аргосские связи были весьма активными и многообразными. Это заставляет нас с доверием отнести к сохраненному Страбоном свидетельству Эфора об участии аргосских дорийцев в заселении Мегариды.³⁹ Может быть, учитывая вышесказанное, правомерно будет говорить о том, что аргосцы составляли большинство если не среди всей массы дорийцев, участвовавших в походе на Аттику, то, по крайней мере, среди той их части, что осела в Мегариде.

Рассматривая данные литературной традиции о появлении дорийцев в Мегариде, мы вплотную подошли к вопросу о времени основания Мегар. Вопрос этот может быть сформулирован следующим образом: были ли Мегары основаны дорийцами, или город уже существовал ко времени их появления в Мегариде?

Литературные источники не дают на этот вопрос однозначного ответа. Некоторые древние авторы, основываясь на явно не мегарской традиции, говорят об основании города дорийцами, т. е. относят возникновение Мегар к довольно позднему времени (Herod., V, 76; Ps-Scymn., 502; Strabo., IX, 1, 7, p. 393; XIV, 2, 6, p. 653). Несколько особняком стоит свидетельство Павсания, который в своем обзоре ранней истории Мегар использует по меньшей мере три традиции: афинскую, мегарскую и беотийскую (Paus., I, 39, 4—5). Разделяя свойственное афинской традиции представление о том, что в древности (до прихода дорийцев) Мегары с окружающей областью принадлежали афинянам, Павсаний говорит о том, что город во время похода пелопоннесцев на Аттику был захвачен и отдан на поселение желающим из числа коринфян и других союзников. Затем, ссылаясь на мегарские источники, он сообщает, что город получил свое название при царе Каре, сыне Форонея, когда впервые были сооружены святилища Деметры, называвшиеся «мегара-

³⁸ Павсаний относит победу мегарян над коринфянами к тому периоду, когда в Афинах еще существовало пожизненное архонтство, а в Элиде еще не вели счет лет по олимпиадам (Paus., VI, 19, 13).

³⁹ К. Ганель, уделяя аргосской версии особое внимание, вместе с тем не вполне правомерно отвергает возможность участия коринфян в доризации Мегариды (См.: Hanel K. Megarische Studien. S. 69 ff.—Ср.: Ботвинник М. Н. Из древнейшей истории Мегар... С. 39 сл.).

ми». Коснувшись вопроса о происхождении названия города, Павсаний далее в противовес мегарской приводит беотийскую версию, согласно которой город, прежде называвшийся Нисой, получил свое новое название по имени беотийца Мегарея.

Таким образом, мы имеем две противоположные версии об основании Мегар. Местная традиция возводила начало города к древнейшим временам, связывая его с Каром — первым в ряду мифических мегарских царей. Представления мегарских хронистов — составителей и редакторов списка древних царей — о древности их города станут более понятными, если мы вспомним, что время правления царей (от Кара, сына Форонея, до Гипериона, сына Агамемнона) исчислялось двадцать одним поколением.

С другой стороны, довольно рано (не позднее V в. до н. э.) получает распространение версия об основании Мегар дорийскими переселенцами. Мы не знаем, на чем основывался Геродот, передающий эту версию, но относительно источников Страбона можно говорить с уверенностью, поскольку он сам их называет. В одном случае это аттидографическая традиция, представленная Филохором и Андроном (Strabo., IX, 1, 6, p. 392—1, 7, p. 393), в другом — Эфор (Strabo., XIV, 2, 6, p. 653; ср. X, 4, 15, p. 479).

Внимание представителей афинской исторической школы к ранней истории Мегар имело весьма специфическую направленность. И в этом, и во многих других случаях афинская традиция давала собственную интерпретацию мегарской истории, соответствующую политическим интересам Афин.⁴⁰ Вместе с тем в афинской версии основания Мегар нельзя не заметить явных противоречий. С одной стороны, утверждается, что Мегары были основаны дорийцами, т. е. являлись довольно молодым — в сравнении с Афинами — городом, с другой стороны, та же афинская традиция говорит о правлении в додорийских Мегарах афинского царя — Пандиона и его сына Ниса, обосновывая тем самым версию о принадлежности Мегар к афинскому государству.

Очевидно, решающее значение в этом споре должны были бы иметь археологические данные. Однако в силу того, что древний город исследован довольно слабо и неравномерно, они не вносят полной ясности в решение вопроса. Как уже указывалось, строительные остатки микенской эпохи, датруемые

⁴⁰ Например, афинская традиция дает отличную от мегарской версию легенды о Пандионе и его сыновьях (Ср.: Apollod., III, 15, 5—6; Schol. in Aristoph. Lysistr., 58; Schol. in Aristoph. Vespes, 1223; Strabo., IX, 1, 6, p. 392; Paus., I, 5, 3; I, 39, 6). Весьма характерны расхождения мегарской и афинской традиций в трактовке образа Скирона (Diod., IV, 59, 4; Plut. Thes., 10; Paus., I, 39, 6; I, 44, 6; I, 44, 8). Интересна в этой связи и полемика мегарян с афинянами по поводу якобы сфальсифицированных строк «Каталога кораблей» (Homer. Jl., II, 557—558; Strabo., IX, 1, 10, p. 394; Plut. Sol., 10; Diog. Laert., I, 48).

среднеэлладским периодом, были обнаружены на холме Кария, ставшем одним из двух мегарских акрополей. Эти находки дают основание полагать, что мегарское предание, связывающее с этим холмом строительную деятельность первого мегарского царя Кара, основано на верном, в принципе, представлении о том, что именно здесь находилась древнейшая часть города. По всей видимости, учитывая незначительную площадь холма, можно говорить о существовании сначала лишь небольшого укрепления. О дальнейшем его росте в микенское и субмикенское время археология не дает представления, так что мы не можем сказать, было ли на месте Мегар к моменту появления дорийцев значительное поселение, или оно обязано своим ростом новым переселенцам. В любом случае, однако, можно утверждать, что дорийцы пришли не на пустое место — основа будущего города была заложена в предшествующие столетия.

Источники позволяют говорить о дорийском завоевании как о значительном событии, предопределившем начало качественно нового этапа в истории Мегариды. С приходом дорийцев Мегары становятся резиденцией дорийских царей и, спустя некоторое время, центром объединения ранее самостоятельных общин северо-западной части Истмийского перешейка. Именно в это время (в начале I тыс. до н. э.) происходит формирование территории будущего мегарского полиса.

Л. Г. ПЕЧАТНОВА

СПАРТАНСКИЕ МОФАКИ

Каждое общество стремится к восстановлению числа своих граждан. Для Спарты, по крайней мере в IV в. до н. э., эта проблема приобрела особую актуальность. Но разрешить ее радикальным образом, т. е. уничтожить архаическую цензовую систему¹ при определении гражданского статуса своих граждан, Спарта не смогла. Она выбрала иной, механический путь. Появление на рубеже V—IV вв. новых социальных групп наводит на мысль о наличии в Спарте нескольких ступеней гражданства.² На первой ступени, бесспорно, находились те, кто являлся членом общины равных и мог называть себя спартиатом.

Термин «спартиат» неоднозначен. В своем более широком значении он используется для отличия спартанских граждан от

© Л. Г. Печаткова, 1995

¹ Взнос в сисситии и был фактически тем цензом, который при прочих равных условиях определял гражданский статус спартиата.

² К. Краймс, опираясь на материалы, относящиеся к спартанским мофакам, высказала предположение о существовавшей в Спарте многоступенчатой гражданской шкале (Chrimes K. M. T. *Ancient Sparta*. Manchester. 1952. P. 221).

перизков и илотов. В трудах античных авторов, которые по большей части являются историями войн, довольно трудно и редко можно выделить спартиатов как отдельную социальную группу. Это объясняется тем, что спартанское войско, обязательно включавшее в себя и перизков, обозначалось, как правило, общим для этих двух категорий этниконом — лакедемоняне. Однако если по ходу изложения надо было выделить спартиатов из общей массы лакедемонян, источники легко это делали (об этом свидетельствует ряд мест у Геродота, Исократ и других греческих авторов). Так, например, Демарат у Геродота, рассказывая персидскому царю о спартанском войске, делит его на две части — на 8 тыс. спартиатов, составлявших ядро спартанской армии, и остальных лакедемонян (VII, 234). То же самое деление очевидно и у Исократ в «Панафинейской речи» (XII, 178—181; ср.: IV, 131). Спартианцы здесь предстают как корпорация, осуществляющая коллективную эксплуатацию народа. Под «народом» Исократ имеет в виду как илотов, так и перизков (XII, 178—181; см. также: Diod., XI, 64; XV, 90).

Однако слово «спартиат» имеет и другое, отличное от обыденного, значение. В своем узкотехническом смысле оно означает граждан с более высоким гражданским статусом, чем все остальные. В таком значении термин «*σπαρτιάται*» выступает как эквивалент к *ἴσμοι* («равные») и впервые появляется у Ксенофонта в «Греческой истории» (III, 3, 5). Конечно, слово «*ἴσμοι*» вряд ли могло быть вполне официальным обозначением полноправных спартанских граждан. Скорее всего, оно возникло в среде самих спартиатов в еще достаточно раннее время.³ Оно использовалось членами гражданской корпорации для горделивого подчеркивания своего особого аристократического равенства и никакой другой нагрузки вплоть до начала IV в. в себе не несло. Только в тот момент, когда спартиатам потребовалось отделить себя от другой, уже неполноправной, группы своих сограждан и подчеркнуть свое особое по сравнению с «опустившимися» качество, вновь возникло, но уже с несколько другим оттенком, слово «*ἴσμοι*». Это произошло, скорее всего, на рубеже V—IV вв., когда для Спарты зафиксирован рост неполноправной гражданской прослойки, так называемых гипомейонов. Судя по немногочисленным и относительно поздним ссылкам на гомеев и гипомейонов, оба эти термина зафиксировали факт естественного размывания гражданского коллектива и поставили точку на любимом социальном лозунге

³ Шульцес в своей очень интересной статье о гомеях в «Реальной энциклопедии» полагает, что термин *ἴσμοι* возник довольно поздно и одновременно с термином *ὑπομειωνες*, т. е. где-то в начале IV в. (Schulthess. *Νομοιοί* // RE. Bd. VIII. 1913. Sp. 2257). В этом случае довольно трудно будет объяснить некоторые места в источниках, где зафиксированы «гомей» для времени Ликурга (Xen. Lac. pol., 13, 1 и 7) и основания Тарента ((Arist. Pol., 1306 b 30).

спартанцев о полном равенстве своих членов. Сам факт существования таких терминологических понятий, несущих на себе большую социальную нагрузку, как «равные» и «опустившиеся», говорит о том, что в Спарте уже не осталось даже фикции прежнего декларативного равенства.

Так, в «Греческой истории», описывая заговор Кинадона, Ксенофонт подчеркивает, что глава заговора не принадлежал к сословию «равных» (III, 3, 5), подразумевая под «равными» политическую элиту спартанского общества. Этот пример показывает, что с возникновением гипомейонов термин «спартиаты» уже стал нуждаться в некотором уточнении и пояснении. По словам Шультесса, «самосознание полноправных граждан, которые были в состоянии исполнять свои обязанности, стало столь высоким, что они более не довольствовались общим названием „спартиаты“, но стали называть себя „гомейями“».⁴

Спартиаты, с одной стороны, гипомейоны и неодамоды — с другой, занимали разные ступени одной и той же социальной лестницы. Гражданские права последних двух групп ограничивались, по-видимому, только участием в народном собрании, но даже этого вполне достаточно, чтобы отнести их к разряду граждан. Эти три социальные группы внутри одного и того же класса не были абсолютно изолированы друг от друга. Мы точно знаем, что спартиат, потерявший свой клер, «опускался» в разряд гипомейонов. Но мог ли существовать обратный механизм? Не могло ли государство при той катастрофической убыли гражданства, которая наблюдалась в Спарте, прибегать к своего рода паллиативной мере и кооптировать себе «полных» граждан из низших слоев гражданского населения? Детлеф Лотце в статье, посвященной мофакам, убедительно доказывает возможность именно такого решения проблемы.⁵

Мофаки, или мофоны,⁶ судя по источникам, представляли особую категорию лиц, получивших спартанское воспитание (ἀγῶγῆ) вместе с сыновьями спартиатов. Происхождение термина «мофак» или «мофон» не ясно. К. Краймс возводит его к слову «μόθος» (битва) и полагает, что первоначально мофаки

⁴ Schulthess. Homoioi. Sp. 2258.

⁵ Lotze D. Μόθαις // Historia. Bd. XI. 1962. Hf. 4. S. 427—435

⁶ Μόθαις и μόφονες, по всей видимости, два варианта одного и того же понятия. О том, что это — синонимы, свидетельствуют толкования лексикографов, которые в обе глоссы вкладывают приблизительно один и тот же смысл (ср., напр.: Hesych. s. v. μόθαις и Hapocp. s. v. μόφονι). За адекватные понятия они принимаются и в новейшей традиции (См.: например: Busolt G. — Swoboda H. Griechische Staatskunde. 3. Aufl. Bd. II, München, 1926. S. 657; Ehrenberg V. Μόθαις // RE. Bd. XVI. 1933. Hbbd. 31. Sp. 382; Oliva P. Sparta and her social problems. Prague, 1971. P. 174, n. 1). Правда, Л. Кантарелли сделал попытку дифференцировать эти понятия, однако его разделение мофаков и мофонов на две различные социальные группы следует признать чисто искусственной и абсолютно бездоказательной гипотезой (См.: Cantarelli L. I μόθαις Spartani // RFIC. 18. 1890. P. 465—483).

были военной свитой знатных спартиатов.⁷ Но вряд ли этот так. Ведь слово «μόθος», которое употребляется только в эпической поэзии у Гомера и Гесиода, уже в период классики стало архаизмом и было забыто. А производные от этого слова в V—IV вв. до н. э. приобрели уже далекое от первоначального значение. Так у Аристофана «μόθων» — это наглый, дерзкий человек, выскочка и простолудин (Schol. Aristoph. Plut., 279; Eq., 634; Suid s. v.: μόθωνες παρὰ Ἀριστοφάνει οἱ εὐτελεῖς).

Поскольку «мофак» как технический термин впервые зафиксирован только у Филарха (Phyl. ap. Athen., VI, 271 e-f), а Ксенофонт, наш основной авторитет в подобного рода спартанских реалиях, его еще не знал, то можно думать, что и сам этот термин возник не ранее середины IV в., превратившись из первоначального полупрезрительного и полунасмешливого обращения в устойчивое социальное понятие. Такой путь от слова, несущего в себе элементы социальной и моральной ущербности, к новому техническому термину был вполне возможен там, где необходимо было подчеркнуть двусмысленность и неопределенность положения той или иной социальной группы.⁸

Действительно, у Гарпократиона, Гезихия, Свида, а также в схолиях к Аристофану даются подчас текстуально совпадающие толкования к слову «мофак» или «мофон». Приведем отдельные тексты и переводы к ним. Согласно Гарпократиону, «мофонами лаконцы называют мальчиков, воспитываемых вместе со свободными» (Harposcr. s. v. μόθων).⁹ Абсолютно идентичный текст встречается в схолиях к Аристофану (Schol. Aristoph. Plut., 279). У Гезихия мофаки — это «мальчики-рабы, воспитываемые вместе с сыновьями» (Hesych. s. v. μόθωνες).¹⁰ В «Etymologicum Magnum» мофон толкуется как домашний раб (Etym. M. s. v. μόθων).¹¹ В «Лексиконе» Свида читаем: «Мофонами называли лаконцы мальчиков, следовавших за свободными» (Suid. s. v. μόθωνες).¹²

Как мы видим, во всех этих текстах подчеркивается несвободное происхождение мофаков, хотя прямо не сказано, что это были сыновья именно илотов (ср. у Гезихия: δοῦλοι παῖδες; в Etym. M. — τὸν οἰκογενῆ δοῦλον). Однако самое раннее по времени и самое важное свидетельство Филарха не согласуется с представлением о несвободном происхождении мофаков. Фи-

⁷ Chrimes K. M. T. Ancient Sparta. P. 223.

⁸ Спартанская социальная терминология, возникшая в V—IV вв. до н. э. для обозначения вновь образовавшихся групп полугражданского населения, вся состоит из обыденных слов, приобретших по необходимости техническое значение (например, гипомейоны, неодамоды).

⁹ Μόθωνες δὲ καλοῦσι Λάκωνες τοὺς παρatreφόμενους τοῖς ἐλευθέροις παῖδας.

¹⁰ Οἱ ἅμα τρεφόμενοι τοῖς υἱοῖς δοῦλοι παῖδες.

¹¹ Οὕτω καλοῦσι Λακεδαιμόνιοι τὸν οἰκογενῆ δοῦλον, ὃν οἱ Ἀθηναῖοι οἰκότριβα φασί.

¹² Μόθωνες γὰρ ἐκάλεον τοὺς παρatreφόμενους τοῖς ἐλευθέροις παῖδας οἱ Λάκωνες.

ларх определенно говорит, что мофаки были свободными людьми, хотя и не спартиатами.¹³ Вместе с сыновьями спартанских граждан они проходили полный курс агогэ (Phyl. ap. Athen., VI, 271e-f = FgrHist 81 F 43: εἰσὶν οὖν οἱ μόβακες ἐλεύθεροι μὲν, οὐ μὴν Λακεδαιμόνιοι γὰρ, μετέχουσιν δὲ τῆς παιδείας πάντες).

Д. Лотце, который считает это свидетельство Филарха самым важным для суждения о статусе мофаков, полагает, что к мофакам могли относиться сыновья обедневших спартиатов, т. е. гипомейонов. «Для сыновей опустившегося большинства имелся лишь один шанс для того, чтобы занять свое место в привилегированном классе», и этот шанс был связан с получением равноценного с прочими детьми граждан воспитания. Основываясь на данных Филарха, а также на Плутарховой биографии Клеомена (8, 1), Лотце приходит к выводу, что по крайней мере в III в. богатые спартиаты широко использовали мофаков для воспитания собственных сыновей. Так вместе с царем Клеоменом воспитывалось два мофака (Plut. Cleom., 8, 1: δύο τῶν συντρόφων τοῦ Κλεομένηους, οὗς μόβακες καλοῦσιν), которые, по всей видимости, были незаконными детьми царственных отцов. «В любом случае, — по словам Д. Лотце, — это была очень высокая честь — быть *συντρόφῳ* царя, и соответственно на мофаков Клеомена падала важная государственная задача».¹⁴

По-видимому, к III в. каждый знатный спартанский юноша имел сотоварищей из числа мофаков.

Не исключено, что такая практика была своеобразным налогом на богатых, который они платили своим неимущим согражданам. Система литургий, широко развитая в античности, вполне могла принять в Спарте подобную форму. Именно такое истолкование дает вполне удовлетворительный смысл тому месту у Филарха, где он говорит, что при спартанском мальчике, в зависимости от имущественного положения его отца, мог находиться один или даже несколько воспитанников-мофаков (Phyl. ap. Athen., VI, 271 e).¹⁵

Таким образом, мофаки для Спарты являлись как бы резервом общества. По мнению Д. Лотце, в эту социальную группу входили гетерогенные элементы, состав которых на протяжении IV—III вв. менялся.¹⁶

По-видимому, основную группу мофаков составляли дети гипомейонов и неодамодов. Обе эти социальные группы были

¹³ Филарх вместо Σπαρτιάται употребляет Λακεδαιμόνιοι. Эта неточность для писателя, который не знал Спарту изнутри так же хорошо, как, например, Ксенофонт, вполне объяснима и простительна. Буквальное же следование тексту приведет нас к абсурдному выводу, что все мофаки были детьми иностранцев.

¹⁴ Lotze D. Μόβακες // Historia. Bd. XI. 1962. Hf. 4. S. 430—431.

¹⁵ Εκάστῳ γάρ τῶν πολιτικῶν παίδων, ὥς ἂν κατὰ τὰ ἴδια ἐκπαιδεύσιν, οἱ μὲν ἓνα, οἱ δὲ δύο, τινὲς δὲ πλείους ποιοῦνται συντρόφους αὐτῶν.

¹⁶ Lotze D. Μόβακες. S. 435.

близки по своему статусу и различны по своему социальному происхождению. Первые — это бывшие спартиаты, члены общины «равных», потерявшие из-за бедности часть своих гражданских прав, вторые — это бывшие илоты, «поднявшиеся» благодаря военной службе в разряд спартанских граждан с ограниченным набором политических прав. Институт мофаков для этих людей был единственным шансом дать своим детям спартанское воспитание, которое являлось неперенным, хотя и не единственным условием социальной и политической полноправности. Спартанская община же с помощью этого механизма хоть в малой степени могла восполнить резко возросшую именно в IV—III вв. убыль своего гражданского коллектива.¹⁷

Однако точка зрения на мофаков как детей неодамодов может быть верна только для IV в. Для более позднего времени неодамоды в наших источниках не засвидетельствованы.¹⁸ Думать же, будто в приведенных выше глоссах из Лексиконов и Схолий произошла подмена понятий (слово «*δούλοι*» употреблено вместо термина «*νεοδαμώδεις*»), у нас нет никаких оснований. Это было бы слишком большой натяжкой. Скорее, дабы найти логическое объяснение взаимоисключающим свидетельствам Филарха и лексикографов, нам придется допустить, что мофаки могли кооптироваться из самых разных слоев лаконского населения, вплоть до илотов. Принципы же выбора во многом зависели от конкретных исторических обстоятельств. Так, например, в III в. существовала практика освобождения илотов за определенный денежный выкуп (Plut. Cleom., 23, 1). Дети таких зажиточных илотов вполне могли оказаться среди мофаков.

О весьма смешанном и неоднородном происхождении мофаков свидетельствует также Стобей. По его словам, среди них могли быть и сыновья иностранцев, и сыновья илотов (Stob. Flor., XXXX, 8: *καὶν ἑνὸς καὶ ἐξ ἑλλήνων*). Еще одну группу мофаков могли составлять бастарды (*νόθοι*), незаконные сыновья отцов-спартиатов и матерей-илотов. К сожалению, мы не обладаем прямыми и бесспорными свидетельствами античной традиции по этому поводу. Однако кое-какие косвенные данные и соображения общего порядка свидетельствуют в пользу такого предположения. По словам Д. Лотце, «если и была какая-нибудь возможность наделить детей негражданского происхождения полными правами, то, естественно, эта возможность ис-

¹⁷ О причинах и тенденциях спартанской олигантропии см.: Печатнова Л. Г. Социально-экономическая ситуация в Спарте на рубеже V—IV вв. до н. э. (Закон Эпитадея) // Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества. Л., 1984. С. 32—48; Hodgkinson St. Inheritance, Marriage and Demography: Perspectives upon the Success and Decline of Classical Sparta, techniques behind her success // Classical Sparta / Ed. by A. Powell. Routledge, 1989. P. 79—122, особенно 100—105.

¹⁸ О времени существования неодамодов см.: Печатнова Л. Г. Неодамоды в Спарте // ВДИ. 1988. № 3. С. 21—22.

пользовалась в интересах незаконных сыновей».¹⁹ По-видимому, незаконные сыновья спартиатов были самой привилегированной частью мофаков, которые по окончании обучения имели реальный шанс стать полноправными гражданами. Среди них, конечно, могли быть и побочные сыновья царей. Так в биографии Клеомена Плутарх сообщает о том, что вместе с этим царем воспитывалось двое мофаков, которые позже входили в его свиту (Plut. Cleom., VIII, 1: *ὁὗο τῶν συντροφῶν τοῦ Κλεομένηους, οὗς μόβακας καλοῦσιν*). По этому поводу Д. Лотце замечает: «С большой степенью вероятности мы можем утверждать, что они были незаконными детьми царственных отцов и илотов. В любом случае это была очень большая честь — быть *σύντροφοι* царей».²⁰

Еще одно очень важное место, где говорится, вероятно, о мофаках, мы находим в «Греческой истории» Ксенофонта. Рассказывая о походе царя Агесиполида в Малую Азию, Ксенофонт замечает, что «в его войске было также много добровольцев, очень почтенных людей, из числа периеков, были и иностранцы из числа так называемых «воспитанников» (*ξένοι τῶν τροφίμων καλουμένων*), а также дети от брака спартиатов с не-спартиатами (*υἱοὶ τῶν Σπαρτιατῶν*)» (V, 3, 9).²¹ Кто же эти «иностранцы» и «побочные сыновья спартиатов»? У Ксенофонта сказано, что это так называемые «воспитанники» (*τρόφιμοι*).²² То же самое выражение, но уже определенно по отношению к мофакам мы встречаем и у Филарха (ар. Athen., VI, 271 e: *εἰσὶ δ' οἱ μόβακας σύντροφοι τῶν Λακεδαιμονίων*), и у ряда лексикографов и схолиастов (Нагроср. s. v. *μόβων*; Schol. Arist. Plut., 279; Hesych. s. v. *μόβακας*). Такой сравнительный ряд вряд ли может быть случаен. Ксенофонтовы *τρόφιμοι* это те, кого позднее стали называть мофаками. Сам Ксенофонт, по-видимому, термина «мофак» еще не знал. Напрашивается только одно объяснение — в его время институт мофаков еще не сложился в окончательном виде и не получил точного словесного оформления. В противном случае трудно было бы объяснить молчание Ксенофонта: ведь его собственные сыновья были в Спарте среди *ξένοι τῶν τροφίμων* (Plut. Ages., 20, 2; Diog. L., II, 54). Однако путь развития этого института благодаря свидетельству Ксенофонта становится более ясным. Вероятно, первоначально число детей-неспартиатов, которым разрешалось проходить полный курс общественного воспитания (агогэ), было очень невелико. Это право даровалось только двум категориям детей: сыновьям знатных иностранцев,

¹⁹ Lotze D. *μόβακας* S. 432.

²⁰ Ibid. S. 431.

²¹ Перевод С. Я. Лурье представляет собой уже толкование текста. Ксенофонт говорит только о «побочных сыновьях спартиатов».

²² Мы согласны с мнением комментатора Ксенофонта, Л. Брайтенбаха, что *τρόφιμοι* относятся также и к *υἱοὶ τῶν Σπαρτιατῶν* (Breitenbach L. Comm. ad Xen. Hell., V, 3, 9// Xenophons Hellenika. 2. Aufl. Bd. II. Berlin, 1874. S. 48).

оказавших большие услуги Спарте,²³ и побочным сыновьям самих спартиатов. Таким образом, последние получали единственный шанс для полной социальной реабилитации своих рожденных вне брака сыновей. Во времена Ксенофонта подобные случаи, по-видимому, были редки и носили исключительный характер. *Nóthoi* при этом вполне могли идентифицироваться с мофаками, так как они и составляли основную, хотя и не единственную, их часть. Позже, когда в мофаки стали рекрутироваться дети из разных слоев лаконского населения, *νόθοι* стали их высшей и самой привилегированной частью. Таким образом, говоря о времени появления института мофаков, надо подчеркнуть два момента: как единичное, «штучное», явление этот институт мог возникнуть довольно рано, во всяком случае во второй половине V в. до н. э. он уже существовал; в своем же окончательном виде он оформился не ранее 2-й половины IV в. до н. э.²⁴ Более точная датировка вряд ли возможна, поскольку можно оперировать только двумя опорными датами: временем Ксенофонта, когда эта форма только зарождалась, и временем Филарха, когда институт мофаков принял характер давно устоявшегося массового явления. По словам Д. Лотце, около 400 г. «еще не установились те отношения, с помощью которых мы можем объяснить наличие множества мофаков во время Филарха... — феномен, который является позднейшим результатом весьма длительного развития».²⁵

Мы уже говорили, что первоначально в число мофаков входили сыновья иностранцев и побочные сыновья спартиатов. Первая категория — дети иностранцев, — конечно, не могла быть многочисленной. Речь идет об исключительных, единичных случаях, которые являлись формой благодарности спартанского государства за оказанные ему услуги. Такое право, как мы знаем, было даровано Ксенофонту. Как полагал С. Я. Лурье, «если они (сыновья иностранцев) и получали гражданские права, то это было только почетным званием и не давало реальных прав».²⁶

Кроме мофаков-иностранцев и мофаков-бастардов на рубеже V—IV вв., по-видимому, появилась и стала расти еще одна группа мофаков, чьи отцы по какой-либо причине были ущем-

²³ Вот как объясняет С. Я. Лурье желание некоторых знатных особ дать своим детям спартанское воспитание: «Ввиду того, что воспитание во многих греческих государствах приняло демократический и софистический характер, многие богатые и аристократически настроенные родители отправляли своих детей для воспитания в Спарту... Число их было, вероятно, крайне незначительно» (Лурье С. Я. Комментарий к Ксенофонту. Греческая история. V, 3, 9 // Ксенофонт. Греческая история. Л., 1935. С. 309).

²⁴ В большинстве исследований, где речь идет о мофаках, вопросы хронологии вообще не рассматриваются или об этом говорится *ad hoc*, как, например, в статье В. Эренберга в «Реальной Энциклопедии» (Ehrenberg V. *Móthakes* // RE. Bd. XVI. 1933. Hbhd. 31. Sp. 382).

²⁵ Lotze D. *Móthakes*. S. 432.

²⁶ Лурье С. Я. Комм. к Xen. Hell., V, 3, 9; С. 309.

лены в своих правах и не могли дать своим детям подобное образование. К такого рода мофакам, если доверять нашей традиции, относились Лисандр, Калликратид и Гилипп (Phylarch. ap. Athen., VI, 102, 271e-f = FgrHist 81 F 43; Ael. V. h., XII, 43). На мофакское происхождение Лисандра впервые указал Филарх. Элиан добавил к нему еще Калликратида и Гилиппа. Хотя в случае с Лисандром позволительно усомниться в достоверности традиции,²⁷ однако, с другой стороны, указание Плутарха на бедность отца Лисандра (Lys., 2,2) наводит на мысль, не был ли Аристокрит гипомейоном.²⁸ Возможно, именно сомнительное происхождение Лисандра и бедность его рода были причинами того, что путь его к политической карьере был столь долог. Ведь в 407 г., когда он впервые появляется на политической арене, ему было уже больше 45 лет.²⁹

О происхождении Калликратида мы не знаем решительно ничего. Зато неплохо осведомлены о происхождении Гилиппа. Его отец, Клеандрид, сопровождал в качестве эфора царя Плейстоанакса в походе против Афин, был подкуплен Периклом и приговорен у себя на родине к смерти (Plut. Per. 22; Diod., XIII, 106, 10). Ему удалось бежать и обосноваться в Фуриях (Thuc., VI, 104; Polyae., II, 10; Strab., VI, 264). Как полагает Д. Лотце, Гилипп ко времени бегства своего отца еще не был взрослым человеком и ему в дальнейшем уже пришлось идти дорогой мофака.³⁰

Эти два примера (Лисандр и Гилипп) помогают нам отделаться от навязчивого представления об исключительно несвободном происхождении мофаков³¹ и признать, что статус мофаков был совместим с наличием родителей-спартанцев с обеих

²⁷ По-видимому, уже Филарх не был абсолютно уверен в точности своего сообщения. Недаром, говоря о происхождении Лисандра, он употребляет глагол *φασι*. Сомнения в надежности этой традиции высказывают, например, Ю. Белох (Beloch K. J. GG². Bd. II, 1, S. 416. Anm. 1), У. Карштедт (Kahrstedt U. Lysandros (1) // RE. Bd. 13. 1927. Hbhd. 26. Sp. 2503). В. Эренберг (Ehrenberg V. Μελίκης. Sp. 383). П. Олива (Oliva P. Sparta... P. 176), Э. Д. Фролов (Фролов Э. Д. Греческие тираны. Л., 1972. С. 51. Прим. 12). Ю. Белох традицию о Лисандре-мофаке называет басней, которая не нуждается ни в каком опровержении. Однако более убедительной кажется нам точка зрения тех ученых, которые с большим доверием относятся к существующей традиции. Среди них можно назвать Г. Шоманна, Эд. Мейера, Д. Лотце (Schömann G., Lipsius J. Griechische Altertümer. 4. Aufl. Bd. I. Berlin, 1897. S. 207; Meyer Ed. GdA. Bd. IV. S. 629—631; Lotze D. 1) Μελίκης. S. 434; 2) Lysander und der Peloponnesische Krieg. Berlin, 1964. S. 12).

²⁸ Так считает, например, Д. Лотце (Lotze D. Μελίκης. S. 434).

²⁹ Возраст его путем сравнения с возрастом Агесилая пытаются вычислить Д. Лотце (Lotze D. Lysander... S. 12) и С. Ходкинсон (Hodkinson St. Social order and the conflict of values in classical Sparta // Chiron. Bd. 13. 1983. P. 251, n. 28).

³⁰ Lotze D. Μελίκης. S. 434.

³¹ Исходя из этой установки, У. Карштедт даже Лисандра называет сыном илотки (Kahrstedt U. Lysandros // RE. Bd. 13. 1927. Sp. 2503).

сторон. Спартанский полис таким образом гарантировал детям своих или обедневших, или осужденных сограждан возможность пройти полный курс агогэ. Их дальнейшая судьба во многом зависела от знатности и авторитета семьи, к которой они принадлежали.³²

Начиная с конца V в. до н. э. в разряд мофаков стали попадать, по-видимому, отчасти и дети неодамонов. Прямых свидетельств этого процесса мы не имеем, однако отдельные указания античной традиции можно толковать именно в этом смысле. Рассмотрим два известных пассажа из Ксенофонта и Исократ. В третьей книге «Греческой истории» Ксенофонт рассказывает о посольстве беотийцев в Афины перед битвой при Галиарте (395 г.). В своей речи, носящей явную антиспартанскую окраску, беотийские послы ставят в вину спартамцам среди прочего и то, что «они не стесняются назначать гармостами своих илотов» (III, 5, 12). Исократ в «Панегирике» также говорит об этом: «Они (члены декархий. — Л. П.) добровольно прислуживали илоту, чтобы иметь возможность надругаться над родиной» (Пер. Э. Юнца) (IV, 111).

Таким образом, по крайней мере, два писателя-современника говорят о гармостах илотского происхождения. Хотя их сообщения и носят слишком тенденциозный характер, однако в них в какой-то степени отражено то общее представление о спартанской гегемонии и ее носителях, которое сформировалось в среде враждебных Спарте греческих полисов. Весьма вероятно, что обвинения, направленные против спартанских гармостов, в первую очередь имели целью задеть самого Лисандра. Во всяком случае, говоря об одном из илотов, которому члены декархий подчинялись как рабы, Исократ вполне мог иметь в виду именно Лисандра³³ как бывшего мофака. Обыграть этот факт в нужном для себя ключе политические противники Лисандра могли только в одном случае — если хотя бы часть мофаков в классической Спарте была несвободного происхождения.

Как мы знаем, именно во время Ксенофонта и Исократ в Спарте появились так называемые неодамоды, или «новые граждане», рекрутируемые из числа илотов. Они получили свободу и часть гражданских прав в обмен на военную службу и активно использовались государством вплоть до крушения спартанской гегемонии.³⁴ В период наибольшей военной активности Спарты низший командный состав спартанской армии бесспор-

³² Г. Шоманн называет Лисандра и Гилиппа узаконенными мофаками (*legitimerte Mothakes*), которые со временем стали полноправными членами общины «равных» (*Schömann G., Lipsius J. Griechische Alterthümer. Bd. I. Berlin, 1897. S. 207.*)

³³ О различных толкованиях этого места Исократ в зарубежной историографии см.: Oliva P. *Sparta...* P. 176—177, с примечаниями.

³⁴ Подробнее о неодамодах см.: Печатнова Л. Г. Неодамоды в Спарте // ВДИ. 1988. № 3. С. 19—29.

но формировался из неодамонов. Сыновья наиболее преуспевших неодамонов становились мофаками, хотя вряд ли это было правилом по отношению ко всему потомству неодамонов.³⁵ Отдельные представители этого сословия, допущенные к общественному воспитанию, могли стать членами высшего офицерского корпуса и даже занять пост гармоста. Эти редкие случаи, тенденциозно поданные и искаженные врагами Спарты, именно в таком гипертрофированном виде и были зафиксированы традицией. Отсюда, скорее всего, и возникли гармосты-илоты, о которых говорят Ксенофонт и Исократ.

В современной историографии существуют по крайней мере две точки зрения на илотское происхождение гармостов. Согласно первой, античная традиция в этом пункте полностью недостоверна (она родилась в среде, враждебной Спарте, и является злостной клеветой на Спарту и ее лидера).³⁶

Более позитивной нам представляется точка зрения тех ученых, которые все же видят в сообщениях Ксенофонта и Исократ рациональное зерно и полагают, что за гармостами-илотами скрываются спартанские граждане, которые в детстве были мофаками. Такова точка зрения К. Гермманна, Г. Шоманна, П. Кэртлиджа, С. Я. Лурье.³⁷ К ним примыкают также В. Эренберг и Д. Лотце, которые видели в этих бывших мофаках, ставших спартанскими офицерами, сыновей неодамонов.³⁸

Уже в классический период круг лиц, приобщенных к спартанскому общественному воспитанию, был несколько шире круга граждан в собственном значении этого слова. Наряду с детьми самих спартиатов здесь воспитывались также дети гипомейонов, неодамонов, иностранцев. Пока спартанский полис оставался еще достаточно устойчивым, чтобы сохранять и поддерживать корпоративные интересы своих граждан, допуск извне в гражданский коллектив мог носить только характер редких поощрительных актов. Это правило, характерное для всех античных полисов в эпоху их расцвета,³⁹ особенно жестко соблю-

³⁵ Если бы многочисленные взрослые сыновья неодамонов влияли в гражданский коллектив, то не произошло бы зафиксированного нашей традицией резкого сокращения числа спартиатов (в 418 г. было еще около 2 тыс. военнообязанных спартиатов, а в 371 г. их количество не превышало 1 тыс.).

³⁶ Так думает, например, Г. Бокиш (Bockisch G. 'Ἀρμωσταί (431—387) // *Klio*. Bd. 46. 1965. S. 149. Anm. 2).

³⁷ Hermann K. F. *Lehrbuch der Griechischen Staatsalterthümer*. Bd. 1. Freiburg, 1889. Abt. 1. S. 175—176; Schömann G.; Lipsius J. *Griechische Alterthümer*. Bd. 1. S. 206. Anm. 3; Cartledge P. *Sparta and Lakonia*. London, 1979. P. 278; Лурье С. Я. Комм. к Xen. Hell., III, 5, 12 // Ксенофонт. Греческая история. С. 284.

³⁸ Ehrenberg V. *Μόβακας* // *RE*. Bd. XVI. 1933. Hbhd. 31. Sp. 383; Lotze D. *Μόβακας*. // *Historia*. Bd. XI. 1962. Hf. 4. S. 432—433.

³⁹ Вспомним, например, проверку гражданских списков в Афинах во времена Перикла (Arist. Ath. pol., 26, 3; Plut. Per., 37). Охранительные тенденции подобных мер очевидны.

далось в общинах спартанского типа с их тенденцией к полной закрытости и кастовости. По словам В. Эренберга, «пополнение спартанства новыми гражданами вплоть до времени эллинизма совершалось, за редким исключением, лишь медленно и неохотно».⁴⁰ И если у какой-либо социальной группы в Спарте и был шанс стать полноправными гражданами, то к этой группе мы должны отнести только мофаков.

Спартанское воспитание было обязательным, но не единственным условием для вступления юноши в общину «равных». Вторым обязательным условием было наличие наследственного земельного участка, клера. Без него мофак не мог реализоваться как гражданин. Поэтому для подавляющего числа мофаков доступ в общину «равных» был закрыт.⁴¹ Сыновья неодамодов и гипомейонов, получив в спартанских агелах прекрасное военное воспитание и образование, могли найти себе достойное применение только в спартанской армии.⁴² Воспитанные в патриотическом духе, эти люди, с одной стороны, чувствовали себя частью гражданского ополчения, а с другой, — не имея гарантированного обеспечения в виде клера, были вынуждены служить своему государству в качестве наемников. В этом сказывается обычная для Спарты двойственность и непоследовательность всей ее социальной политики. Выработав, казалось бы, удачный механизм по укреплению и восстановлению своего гражданства, спартанская община затем не дает этому механизму успешно работать. В этом еще раз проявилась олигархическая сущность спартанского полиса, его направленность на обеспечение узкоэгоистических интересов гражданского меньшинства.

Как правильно отметили Г. Бузольт и В. Эренберг, гражданские права мофаки получали лишь в редких и исключительных случаях, и ни о каком значительном преобладании их над под-

⁴⁰ Ehrenberg V. *Μόφακες*. Sp. 383.

⁴¹ По этому поводу У. Каршtedт высказывает оригинальную, хотя и недостаточно убедительную, точку зрения. По его мнению, неодамоды за свою службу получали от государства землю. «А поскольку сыновья неодамодов уже имели и землю, и спартанское воспитание, то следовательно, — делает вывод У. Каршtedт, — они уже переставали быть неодамодами и превращались в обычных граждан, как все прочие спартиаты» (Kahstedt U. *Griechische Staatsrecht*. Göttingen, 1922. Bd. I. S. 48). Но, к сожалению, у нас нет никаких данных, свидетельствующих о том, что в распоряжении спартанского государства как верховного собственника земли имелись какие-либо резервные земельные фонды.

⁴² Среди участников заговора Кинадона, судя по словам Ксенофонта, были люди, «вооруженные правильным образом» (Hell. III, 3, 7). Думается, что в этих людях, обладающих гоплитским оружием, вполне можно видеть как бывших мофаков, так и не ставших полноправными гражданами. Без сомнения, они составляли достаточно беспокойную и недовольную часть общества, особенно опасную своей военной выучкой и вооружением.

линными спартиатами не могло быть и речи.⁴³ Случаи с Лисандром и Гилиппом лишь подтверждают правило. Оба принадлежали по праву рождения к спартанской аристократии, но бедность одного и наследственная атимия другого сделали их мофаками. На чей счет они воспитывались и кто наделил их клерами, мы не знаем, но знатное происхождение должно было обеспечить им помощь всего аристократического клана, к которому они принадлежали по праву рождения.

К мофакам, имеющим реальный шанс стать полноправными гражданами, принадлежали также νόθοι. Реализоваться эта возможность могла только в тех случаях, если бастарды с помощью процедуры усыновления узаконивались собственными отцами и получали от них клеры. Надзор за этой процедурой находился в компетенции государства. Усыновление осуществлялось гласно в присутствии царей, которые должны были следить за законностью этого юридического акта (Her., VI, 57, 5). По мнению В. Эренберга, число «узаконенных» мофаков могло несколько увеличиться после принятия в начале IV в. закона Эпитадея, de facto разрешившего куплю-продажу клеров.⁴⁴ Поляризация общества после принятия этого закона резко усилилась. При этом благотворительность со стороны богатых спартиатов по отношению к своим менее удачливым согражданам вполне могла принять форму финансовой поддержки детей последних.

Дальнейшая судьба этих мофаков, прошедших полный курс агогэ, отчасти могла зависеть от результатов, достигнутых ими в ходе самого воспитания. Судя по данным источников, поощрение личных заслуг было фундаментом спартанского воспитания (Plut. Lys., 16, 8). Система спартанского воспитания, в которой был особенно развит соревновательный момент, была, по-видимому, очень удобным инструментом для выявления следующего поколения политических и военных лидеров.⁴⁵ Талантливые мофаки в этой связи могли рассматриваться как один из резервов пополнения командного состава. В этом случае государство находило возможность обеспечить их клером и таким образом ввести в круг «дворянства». Намек на подобную возможность, опять-таки в связи с Лисандром, мы находим у Филарха. По его свидетельству, Лисандр стал гражданином благодаря доблести (Λίσανδρον . . . πόλιν γενόμενον δι' ἀνδραγαθίαν. Phyl. ap. Athen., VI, 271f). В этом же ряду свидетельств стоит характеристика, которую дал Ксенофонт Кинадону, руководителю антиспартанского заговора 398 г. По его словам, «это был юноша сильный телом и духом, но не принадлежавший к со-

⁴³ Busolt G., Swoboda H. Griechische Staatskunde. Bd. II. S. 657; Ehrenberg V. Μόθοι. Sp. 383.

⁴⁴ Ehrenberg V. Μόθοι. Sp. 382—383.

⁴⁵ Об этой особенности спартанского воспитания см., в частности: Hokinson St. Social order... P. 245—251.

«словию гомеев» (Hell., III, 3, 5). Этим примером воспользовался и Аристотель, чтобы продемонстрировать опасность отстранения от управления государством людей мужественных и энергичных, особенно в тех полисах, где правящий класс количественно невелик. По его словам, Кинадон устроил вооруженный заговор против спартиатов из-за того, что, будучи человеком мужественным (*ἀνδρῶδες*), не занимал в государстве надлежащего положения (Pol., V, 6, 2, p. 1306b). По мнению В. Ньюмана, Аристотель, вероятно, имел в виду именно случай с Кинадоном, когда советовал аристократическим правительствам принимать в состав правящего класса представителей других сословий, называя их врачебным средством, необходимым для политического равновесия (V, 7, 8, p. 1308a).⁴⁶ Как видно из источников, Спарта иногда прибегала к врачебным средствам, рекомендованным Аристотелем. В пользу этого говорит судьба Лисандра, Гилиппа и Калликратиды. Правда все три фигуры выдвинулись в период Пелопоннесской войны, когда Спарта особенно сильно нуждалась в военных лидерах и не могла с прежней последовательностью проводить свою узкокастовую социальную политику. После войны, возможно, наступила реакция. Именно так можно понять тот факт, что Кинадон, человек неординарный и уже сумевший себя проявить на государственной службе, тем не менее оставался второсортным гражданином.⁴⁷

Все источники без исключения относят мофаков к мальчикам, а не взрослым людям. Они воспитывались вместе с сыновьями граждан, с детства воспринимая корпоративный дух спартиатов и их элитарную исключительность.

Мофаки были выходцами из разных социальных групп спартанского населения, причем, по крайней мере для IV в., вовсе не обязательно думать о преобладающем количестве среди них детей илотов.

Хотя мофаки и получали спартанское воспитание, безусловно необходимое для гражданского статуса (Plut. Apophth. Lac., 54; Inst. Lac., 21), но eo ipso спартанскими гражданами они не становились. Большинство из них, став взрослыми, оказывались среди гипомейонов и лишь малая часть их могла попасть в общину «равных». Полагаем, что среди последних были в основном побочные сыновья знатных отцов.

Воспитанники спартанских агел, как дети граждан, так и

⁴⁶ Newman W. L. The Politics of Aristotle. Vol. IV. Oxford, 1902. P. 368.

⁴⁷ По-видимому, будучи в детстве мофаком, Кинадон во взрослом состоянии принадлежал к сословию гипомейонов. Так думают, например, В. Эренберг, П. Поралла, П. Олива, П. Кэртлидж (Ehrenberg V. Sparta // RE. 2. R. Bd. III. Hbbd. 6. 1929. Sp. 1402; Poralla P. Prosopographie der Lakedaimonier. Breslau, 1913. S. 72; Oliva P. Sparta... P. 192; Cartledge P. Sparta... P. 314).

мофаки, став взрослыми, по-видимому, сохраняли между собой отношения, характерные для патронов и клиентов. Во всяком случае, наличие в государстве разных социальных групп, скрепленных, однако, общностью воспитания и сознанием своего корпоративного единства, способствовало формированию патронатных отношений.

С помощью института мофаков Спарта достигала двух целей: во-первых, хоть в малой степени, но подпитывала свое убывающее гражданство, а во-вторых, поместив между собой и остальной народной массой своеобразное «среднее» сословие, она тем самым усложнила внутривосполненные связи и укрепила спартанскую государственность, не меняя при этом имманентную сущность своего общества.

Я. В. ДОМАНСКИЙ, Э. Д. ФРОЛОВ

**РАЗВИТИЕ МЕЖПОЛИСНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В АНТИЧНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В VI—I вв. до н. э.**

(принципиальный обзор)

Проблема межполисных (и шире — межгосударственных, международных) отношений в Античном Причерноморье естественно связана с развитием научных исследований, посвященных античному прошлому Понтийского региона. Их интенсивность и богатство достигнутых частных результатов диктуют попытки исторического синтеза, одну из которых и представляет настоящий обзор. Впрочем, постановка проблемы межполисных отношений в Понте не нова, она имеет собственную традицию, уходящую корнями в самую античную древность. Еще в III в. до н. э. херсонесским историком Сириском была предпринята попытка исследовать и оценить отношения своего родного города с другими, очевидно, в первую очередь с понтийскими, государствами, в особенности же с Боспорским царством, за что он и был удостоен в своем отечестве высоких наград, о которых говорится в дошедшем до нас постановлении херсонеситов (IOSPE, I², № 344). В новое время, на ином историческом основании и, разумеется, с иными целями и представлениями, эти попытки были возобновлены, примерами чего могут служить труды М. И. Ростовцева, И. Б. Брашинского, Д. Б. Шелова и др. При этом очевидная разность подходов обуславливала каждый раз и разную степень полноты и убедительности исторической реконструкции. И в данном случае, как и вообще с научными истинами, предмет далеко не исчерпан, и это оправдывает новую предпринятую авторами попытку, а наличие в новейшей историографии уже разработанных версий, несомнен-

но, облегчает движение к более комплексной, более сбалансированной точке зрения.

Настоящая статья и ставит своей целью представить такую сбалансированную точку зрения. Целью является заново проследить перипетии межгосударственных отношений в Понтийском регионе (с преимущественным вниманием к северопричерноморским делам) в тот период времени, когда существовали условия для свободного политического развития основанных здесь еще в раннее время античных городов, т. е. до утверждения римского господства. Важно при этом выявить роль тех историко-политических факторов, которые определяли картину межгосударственных отношений в Причерноморье со времени возникновения там поселений древних греков, а также наметить главные этапы этих отношений в соответствии с сравнительным значением импульсов, форм и масштабов политического взаимодействия. Что касается последнего пункта, исторической периодизации, то нам представляется возможным выделить в межполюсных отношениях Понтийского региона следующие три главных этапа.

1. Период первоначального освоения греками припонтийских земель и установления первых преемственных контактов между вновь основанными полисами (с середины VIII до начала V в. до н. э.). Это был период первых начинаний и первого опыта, в частности и отрицательного. Так, надо указать на такой очевидный факт негативного значения, как неспособность греческих городов-метрополий сохранить органическую государственную связь и единство со своими колониями. Это относится и к Милету, приступившему к выводу колоний в Понт еще в VIII в. (первое основание Синопы) и основавшему их будто бы, согласно преданию, до восьмидесяти (в том числе Истрию, Тиру, Ольвию, Пантикапей, Феодосию, Кепы и др.), и к Мегарам, обратившимся в эту сторону чуть позже, но основавшим стратегически чрезвычайно важные поселения в устье Понта (Халкедон и Византий в 1-й половине VII в.) и на его южном побережье (Гераклею Понтийскую в середине VI в.).

Причины, помешавшие греческим метрополиям создать в Понте собственные колониальные единства, коренились отчасти в характерной для века архаики внутренней нестабильности и смутах, отчасти же и в смыкавшихся с ними внешних осложнениях (именно так было в случае с Милетом). Из городов, активно участвовавших в колонизационном движении в архаическое время, кажется, одному лишь Коринфу, обретшему устойчивость под властью Кипселидов, удалось на известное время сохранить контроль над своими заморскими колониями.

Отношения колоний с метрополиями ограничивались главным образом связями религиозными и экономическими. Тем большее значение приобретали действия и контакты в ближайшей округе. Вообще это время можно было бы определить как

период близких действий вновь основанных городов. Контакты завязывались по соседству; для установления и развития отношений с более отдаленными государствами или народами у новых полисов просто не было сил, да, возможно, и потребностей.

Результаты этих действий или взаимоотношений, как показывает, например, история Северного Причерноморья, могли быть различны: независимое параллельное существование соседних полисов, как это было в случае с Тирой и Никонием; слияние двух поселений в единое политическое и гражданское целое, как это произошло с Борисфеном и Ольвией; наконец, объединение нескольких рядом расположенных городов в одну общую надполисную структуру типа симмахии, но с четко обозначенным центром, как это случилось на Боспоре Киммерийском. Что касается конкретного содержания исторических процессов, приведших к означенным результатам, то судить об этом трудно. Можно лишь предполагать широкий спектр взаимодействий — от соглашений между сторонами до насильственных мер.

Что касается внешних обстоятельств, то они на первых порах благоприятствовали свободному развитию полисной жизни в Причерноморье. Не было никаких попыток навязать свое покровительство или тем более господство со стороны политических центров Эллады или передневосточных деспотий, занятых решением собственных проблем, не было пока и признаков какой-либо опасности со стороны варварского материка. Все же близкое соседство туземных племен в отдельных случаях оказывало если не прямое, то косвенное воздействие на общую ситуацию и, в частности, на межполисные отношения. Так, не исключено, что ранняя политическая консолидация городов Боспора была обусловлена опасным соседством, быть может, даже нажимом скифских племен (после, а вероятно, и вследствие персидского вторжения в Причерноморье при Дарии I). На противоположном берегу Понта, наоборот, изначальное энергичное наступление гераклеотов на земли местного племени мариандинов привело к формированию типично дорийского державного полиса, вроде Спарты или Сиракуз, опирающегося на систему дочерних поселений и с их помощью держащего под контролем обширные земельные владения и эксплуатирующего массу покоренного земледельческого населения. Опыт Гераклеи Понтийской тем более заслуживает внимания, что он мог позднее стать моделью для развития в территориальное полисное государство колонии гераклеотов Херсонеса Таврического.

Особой важности вопрос — экономическая сфера межполисных отношений. Экономические связи между соседними полисами, надо думать, имели место с начальных этапов их существования. Но о развитии широких торговых контактов в раннее время, тем более в масштабах всего Понтийского региона, говорить не приходится. Экономические связи сводились в основном к усиленному развитию торговли понтийских городов со

Средиземноморьем, и здесь важную роль, конечно, играли контакты колоний с их метрополиями.

II. *Период максимальной политической активности припонтийских греков и острого и многопланового межгосударственного взаимодействия (V—III вв. до н. э.).* Это было время интенсивного политического строительства, продвижения и пресечения различных межгосударственных связей. В развитии этих связей понтийские государства, по сравнению с предыдущим периодом, пошли гораздо дальше и в прямом, и в переносном смысле. Взаимодействие полисов стало многообразнее и простиралось на значительные, по масштабам Понта, расстояния, захватывая подчас весьма отдаленные пункты и территории. Так, Ольвия после периода спада в V в., что, возможно, было связано с давлением со стороны скифов (а может быть, даже и с установлением временного скифского протектората), возобновила начатое еще ранее распространение своего влияния на восток, на днепровское левобережье (район Гилеи), и далее, на Северо-Западный Крым, где, однако, в середине IV в. это продвижение столкнулось и разбилось о встречное наступление херсонеситов. Одновременно Ольвия проявляла традиционный интерес к делам своих западных соседей Истрии, Каллатии и Том. Есть основания предполагать, что в III в., когда разгорелась борьба за обладание гаванью Том между Истрией и Каллатией, с одной стороны, и Византием — с другой, ольвиополиты вмешались в этот конфликт, приняв сторону более далекого и менее опасного для них Византия.

В Крыму продолжалась консолидация территориального Боспорского государства, включившего в конце V в. в состав своих владений Нимфей, а в первой половине IV в. — Феодосию. Эти успехи были одержаны при правителях из новой династии Спартокидов, чья власть, в отличие от предыдущих Археанактидов, носила ярко выраженный авторитарный — монархический или даже тиранический — характер. Активная державная политика Спартокидов возбудила опасения Гераклеи Понтийской за свободу торговли в Крыму и на Кубани, равно как и за судьбу своей колонии Херсонеса Таврического, и привела к длительной полосе вооруженных столкновений гераклеотов со Спартокидами в IV и III столетиях.

Что же касается Херсонеса Таврического, то эта основанная гераклеотами колония (по широко принятой версии — в конце 20-х годов V в.), следуя примеру метрополии, очень скоро обнаружила тенденции к территориальному росту, результатом чего явилось освоение Гераклейского полуострова, а затем и еще более обширных земель Северо-Западного Крыма. Присутствие или влияние ольвиополитов было здесь решительно пресечено, древний ионийский город Керкинитида был аннексирован и стал опорным пунктом херсонеситов наряду с другими их крепостями, протянувшимися на север вплоть до Прекрасной гавани

(Калос Лимен). Так в IV в. Крым оказался фактически поделен между двумя греческими территориальными государствами — Боспором и Херсонесом. В дальнейшем поддержание известного *modus vivendi* между ними стало важной чертой их политики, как об этом можно судить по упомянутому выше декрету в честь Сирикаса.

Интенсивная политическая жизнь находила опору в развитии торговли и экономики. Взаимоотношения полисов в экономической сфере в этот период неизменно изменились. Государства активно расширяли сферы своего экономического воздействия, и в зонах пересекающегося экономического влияния, естественно, развивалось межполисное соперничество. Все это сопровождалось проявлением политических амбиций и могло переходить в военную конфронтацию.

Что касается непосредственно торговых межполисных отношений, то они, по существу, только в этот период сложились и усиленно развивались. Теперь это происходило в масштабах всего Понтийского региона, что демонстрирует весьма полно и разнообразно археологический материал, показывают нумизматические находки, подтверждают эпиграфические данные — многочисленные проксении, которыми награждались граждане различных понтийских полисов. При этом надо заметить, что торговые межполисные контакты, конечно, не исчерпывали всю сферу непосредственного общения граждан полисов друг с другом. Свидетельством тому могут быть хотя бы почетные декреты в честь иностранных граждан, оказавших полисам какие-либо услуги. Мы не касаемся здесь проблем культурного, религиозного влияния.

Как и в предыдущий, так и в этот период историческая жизнь Античного Причерноморья направлялась главным образом усилиями самих расположенных здесь греческих государств, — главным образом, но не исключительно. Общая картина их свободного развития и двух- и многосторонних экономических и политических отношений в их микрокосме начинает затемняться своеобразными грозowymi облачками — вмешательством сторонних политических сил. В V в. Афины сделали попытку включить Понтийский регион сначала в орбиту своего влияния, а затем и форменным образом в состав своей морской державы. Афинские державные претензии были заявлены в начале 30-х годов экспедицией Перикла в Понт и подкреплены посылкой клерухов в города Южного Причерноморья: Синопу и Амис. В 20-е годы по крайней мере некоторые греческие города Понта (и среди них — Гераклея) должны были войти в состав Афинского союза, образовав в нем специальный податный округ.

О действительных масштабах афинского проникновения в Понт судить трудно; в частности, весьма спорным является включение в Афинскую державу городов Северного Причерно-

морья (Ольвии, Нимфея). К тому же поражение в Пелопоннесской войне скоро положило предел державным проискам Афин в Причерноморье. Однако самая попытка Афин собрать под одним началом понтийские города заслуживает внимания: она имела значение примера и могла дать толчок к формированию в дальнейшем местной геополитической идеи. Столетие спустя дополнительными стимулами к развитию этой последней могли стать вторжения в Западное и Северо-Западное Причерноморье македонских завоевателей — царя Филиппа II (339), полководца Александра Великого Зопириона (331), фракийского наместника Лисимаха (после 323 г.). Во всяком случае, ко времени усилившегося нажима этого последнего на западно-понтийские города относится первая попытка ответной консолидации понтийских греков по инициативе и под эгидой боспорских Спартокидов.

Известно, что царь Боспора Эвмел (310—304) не только предоставил приют тысячи бежавших из родного города каллатийцев, но и очистил море от пиратов и помышлял о подчинении всех земель и народов Понта своей власти (Diod., XX, 25). Преждевременная смерть помешала Эвмелу приступить к реализации своего плана, однако заявка на державное положение в Понте Спартокидами была сделана, и остается только гадать, почему в последующем, на протяжении всего сравнительно спокойного для них III в., они так и не сделали ничего существенного в этом плане, за вычетом разве что отдельных дипломатических жестов вроде поздравительного подарка Спартока III афинянам в 289 г. (Ditt. Syll.³, I, № 370). Не исключено, впрочем, что инициатива боспорских властителей могла быть скована возобновившейся при Левконе II (ок. 240—220) войной с Гераклеей.

Так или иначе, момент для форсированной консолидации Понта был упущен. А между тем предоставленные самим себе понтийские города уже в III в. стали испытывать серьезные, все нарастающие трудности. С одной стороны, проявились симптомы того самого внутреннего социально-политического кризиса, который столетием раньше охватил города Балканской Греции. Яркими свидетельствами кризисной ситуации, сложившейся, в частности, в северопричерноморских городах, могут служить ольвийский декрет в честь Протогена и херсонесская присяга (IOSPE, 1², № 32 и 401). Но еще более, как следует из тех же документов, осложнились дела внешнеполитические, поскольку пришли в движение и усилили свой натиск на греческие города скифские и иные туземные племена (для Херсонеса ср. также IOSPE, 1², № 343 — декрет с благодарностью богине Деве за спасение народа во время набега варваров).

Аналогичного рода трудности стали испытывать и греческие города Южного Причерноморья, которые сделались объектом посягательств со стороны правителей Понтийского царства, вы-

ступавших с претензией на наследие Ахеменидов в Малой Азии. В 279 г. Митридат I Ктист овладел Амастрией, затем последовали присоединение к Понту Амиса (до 255 г.) и первое нападение понтийцев на Синопу (220 г.). А в 183 г. Фарнак I окончательно овладел Синопой, которая стала важнейшим городским центром его государства. Впрочем, при известном сходстве того трудного положения, в котором оказались греческие города Северного и Южного Причерноморья, было также и существенное различие: понтийские цари, в отличие от скифов, не были лишены некоторого налета эллинской культуры. В своих державных целях, в борьбе с другими эллинистическими властями, а позднее также и с Римом, они не прочь были разыграть эллинскую карту, выставить себя покровителями эллинизма, и это предопределило в дальнейшем вынужденную ориентацию понтийских греков, перед лицом варварской опасности, на союз с Митридатами.

III. *Период политической деградации припонтийских греческих государств, свертывания независимых межполисных отношений и подчинения Античного Причерноморья стороннему диктату (II—I вв. до н. э.).* Причиной наступившего в это время политического упадка стала для греческих городов Причерноморья крайне неблагоприятная перемена внешней обстановки. В особенности эта перемена оказалась чревата тяжкими последствиями для северопонтийских городов, ставших объектом прямой атаки со стороны скифских и сарматских племен. С греческими поселениями в Северном Причерноморье во II в. случилось то, что нередко бывало в мировой истории: судьба этих сравнительно небольших государств оказалась в полной зависимости от воли и намерений наступавших на них мощных соседей. С севера усилился и стал неодолим натиск скифских племен, сплотившихся при царях Скилуре и Палаке в сильное государство. С юга явилась далеко не бескорыстная помощь понтийских царей, помощь, за которую причерноморским греческим городам пришлось заплатить дорогой ценой — отказом от суверенитета, переходом на положение зависимых от Понтийского царства союзников, а затем и просто подданных.

Пример был подан Херсонесом Таврическим, который уже в 179 г. заключил договор о дружбе и взаимной помощи с понтийским царем Фарнаком I. В обязательствах последнего прямо было записано приходить на помощь херсонеситам в случае нападения на них соседних варваров (IOSPE, I², № 402). А в конце того же столетия угроза варварского нашествия стала столь грозной, что на призыв херсонеситов о помощи Митридату VI Евпатору пришлось посылать целые вооруженные экспедиции (походы Диофанта, о которых повествуется в херсонесском декрете в его честь, IOSPE, I², № 352). Результатом стало не только отражение варваров, но и одновременное фактическое подчинение Митридату Херсонеса и Боспора, а также в какой-

то в точности не известный момент и Ольвии, куда был введен понтийский гарнизон (IOSPE, 1², № 35).

Утверждение протектората понтийского царя Митридата практически над всем регионом Античного Причерноморья не могло не сказаться отрицательным образом на собственно межполисных отношениях. Остались в прошлом существенные аспекты межгосударственных взаимодействий, исчезли зоны экономических влияний, резко нарушились торговые связи, оказались позади крупные акции полисной помощи (последняя известная нам акция такого рода — миссия ольвиополита Никерата на помощь страдавшим от войн и раздора херсонеситам, относимая новейшими исследователями еще к 1-й половине II в., IOSPE, 1², № 34). Тенденция разрушения межполисных отношений, их деградация становится доминирующей.

Главным в политике причерноморских полисов становится приспособление, установление приемлемых отношений с угрожаящим Севером и победоносным Югом и при каждом удобном случае — поиски путей освобождения. Роковой для греческих полисов Причерноморья оказалась не только неблагоприятная внешняя обстановка, но и характерная неспособность построить на межполисных связях какое-либо прочное объединение, способное обеспечить защиту от общих врагов. В решающий, трагический момент своей истории полисы не сумели действовать сообща и по очереди вошли в состав Понтийской державы Митридатидов. Последняя под легким флером эллинизма скрывала вполне азиатское, деспотическое нутро. Достаточно скоро припонтийские греки должны были почувствовать гнет этой азиатской деспотии, утратить панэллинские иллюзии, которые они могли связывать поначалу с понтийскими царями, и, разочаровавшись в Митридате Евпаторе, покинуть его в решающий момент его единоборства с римлянами. Последние, сокрушив Митридатидов, переняли от них эстафету покровительства причерноморским грекам и, по большому счету, справились с этой задачей и успешнее, и продуктивнее. И это было естественно, поскольку истинным восприимчивым эллинизма (понимаем под этим не конкретную эпоху, а общие традиции эллинской политики и культуры) был именно европейский, античный Рим, а не азиатская постахеменидская деспотия.

Так, в рамках одного столетия политическая жизнь понтийских греков дважды подверглась формирующему воздействию древней геополитики, дважды испытала государственную консолидацию в рамках всего региона, однако не благодаря собственным усилиям, а вследствие навязанной им сторонними силами инициативы, совершенно чуждой им по своему духу.

Таково, в общих чертах, развитие межполисных (межгосударственных) отношений в Причерноморье (преимущественно в северной его части) в VI—I вв. до н. э. До определенного момента, в благоприятных внешних условиях, эти отношения раз-

вивались по восходящей спирали как в территориальном плане, так и по своему содержанию, все полнее охватывая различные стороны полисной жизни. Но затем, как бы в одночасье, с рубежа III—II столетий, они утратили свое значение и отошли на второй план. На смену им пришли проблемы большой международной политики, на фоне которой собственно межполисные интересы и контакты стали выглядеть несущественными деталями. Греческие государства Понтийского региона оказались вовлечены в орбиту действий могущественных, внешних по отношению к ним, но весьма заинтересованных в контроле над Причерноморьем сил — скифских племен, надвигавшихся с севера и вдвойне опасных, поскольку им, наконец, удалось создать сплоченное государство, полуазиатской-полуэллинистической монархии Митридатидов, выступившей с претензией на господство над всем греческим Востоком, и, наконец, Римской державы, принявшей вызов понтийских царей. Перед лицом варварского нашествия северопричерноморские греческие государства, не сумевшие создать собственного военно-политического единства, поодиночке отдались под покровительство понтийской монархии. Позднее этого патрона для них заменил Рим, под эгидою которого понтийские полисы обрели новые возможности для мирного существования и продержались перед лицом непрекращающегося натиска туземного материка еще несколько столетий. Однако им суждено было оставаться отныне фигурами второго плана, подчиненными и пассивными участниками исторической жизни, направлявшейся помимо их воли иными и более мощными силами.

Опираясь на этот исторический материал, можно дать сравнительную оценку возможностям различных политических форм, порожденных классической древностью. Очевидна беспомощность автономных полисов в условиях большой международной политики. Более перспективной могла оказаться в этом случае инициативная политика державных единств вроде Боспорского государства или монархии Митридатидов. Но по-настоящему победоносной и жизнеспособной проявила себя Римская держава, удачно соединившая в своей государственности и политике элементы общинно-городского, полисного плана с более широким державно-территориальным построением, собственный национально-государственный интерес — с общей для всей античности задачей противостояния варварской периферии.

ГОТЫ И БОСПОР В III в. н. э.

Сюжет о морских походах готов с берегов Боспора Киммерийского, хотя и привлекал внимание исследователей, до сих пор может считаться недостаточно изученным. Ученые, занимавшиеся историей Боспорского царства III в. н. э., связывали с готскими походами те или иные периоды дестабилизации в жизни государства.¹ В работах, посвященных войнам союза готских племен с Римом, Боспор рассматривался лишь как один из пунктов, откуда готы совершали морские походы на римские провинции.² Этот вопрос не нашел должного освещения в исследованиях, посвященных истории распространения христианства у готов.³

Утвердившаяся еще в конце XIX в. периодизация событий III в. н. э. (256, 257, 269 и 275 гг. н. э.) до сих пор переходит из работы в работу без всякого критического анализа.

Настоящая статья представляет попытку реконструкции картины событий на Боспоре в третьей четверти III в. н. э. с целью уточнить их хронологию, опираясь на свидетельства письменной традиции о готских войнах с Римом, а также на данные нумизматики, эпиграфики и археологии.

Согласно греко-римской нарративной традиции, главным образом «Гетики» Иордана, рисуется следующая картина готских передвижений в Скифии. Готское племя во главе с Филимером, выйдя из Готискандзы и придя в Скифию, в местности Ойум

© В. В. Лавров, 1995

¹ Латышев В. В. ПОНТИКА. СПб., 1909. С. 119—120; Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. Л., 1949. С. 440—457; Зограф А. Н. Античные монеты // МИА. 1951. № 16. С. 207—211; Кругликова И. Т. 1) Позднеантичные поселения Боспора на берегу Азовского моря // СА. 1956. Т. 25. С. 245—253; 2) Боспор в позднеантичное время. М., 1966. С. 17; Блаватский В. Д. Пантикапей. М., 1964. С. 207—217; Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972. С. 299—306; Фролова Н. А. История правления Рискупорида V (242—276 гг. н. э.) по нумизматическим данным // СА. 1980. № 3. С. 60—75.

² Ременников А. М. 1) Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. н. э. М., 1954. С. 89—90, 92—94, 115, 126, 129; 2) Борьба племен Подунавья и Северного Причерноморья с Римом в 275—279 гг. н. э. // ВДИ. 1964. № 4. С. 132—137; Буданова В. П. Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 1990. С. 91—92; Rappaport Br. Die Einfälle der Goten in das römische Reich bis auf Constantin. Leipzig, 1899. S. 47—58; Schmidt L. Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgange der Völkerwanderung // Quellen und Forschungen zur alten Geschichte und Geographie. Berlin, 1904. Hf. 7. S. 64—72; Burns Th. A history of the Ostrogoths. Bloomington, 1984. P. 28—29; Wolfram H. History of the Goths. Berkeley, 1990. P. 50—57.

³ Беликов В. Н. Христианство у готов. Казань, 1888. С. 5; Васильевский В. Г. Житие Иоанна Готского // Труды. СПб., 1912. Т. 2. С. 353—367; Васильев А. А. Готы в Крыму. Ч. 1 // ИРАИМК. 1921. Т. 1. С. 1—2.

разделилось на две части (Iord., Get., 27). Первая, во главе с Филимером, отправилась на восток в область Меотиды, вторая, как мы полагаем, ушла в Подунавье. С походом последней, вероятно, можно связать рассказ Дексиппа о начале «скифской войны» и разрушении Истрии в 238 г. н. э.⁴

По Иордану, первое расселение готов в скифской земле было у Меотийского болота, второе — в Мёзии, Фракии и Даккии, третье — снова в Скифии, на Понтийском море (Iord., Get., 38). Аналогичное сообщение находим у Стефана Византийского: «Готы — народ, живший в области Меотиды, впоследствии они переселились во внешнюю Фракию» (Steph. Byz., S. V. Γότθοι. — *Пер. В. В. Латышева*). Надо полагать, что сообщение Иордана о трех местах расселения готов в Скифии относится к остроготам, истории которых главным образом и посвящена «Гетика».

На наш взгляд, второму расселению готов в Подунавье соответствуют данные античной письменной традиции о начале крупномасштабной войны готов с Римом в 248 г. н. э., окончившейся в 251 г. победой варваров при Абритте. Таким образом, 248 г. н. э. является своего рода *terminus post quem* пребывания части готов у Меотиды. Очевидно, появление войска Филимера в районе Меотиды было примерно синхронным приходу другой части готов в Подунавье во второй половине 230-х годов н. э.

В этой связи уместно вспомнить некоторые события из истории Боспорского царства, и в частности Танаиса. Во время правления Ининфимея (234—238 гг. н. э.) в городе ведутся фортификационные работы: строятся новые укрепления, приводятся в порядок старые. Две надписи, свидетельствующие об этом, датированы 236 г. н. э. (КБН 1249, 1250), две другие — временем правления Ининфимея (КБН 1251, 1252). На оборонный характер этих мероприятий указывал В. Ф. Гайдукевич, связывая их с подготовкой жителей Танаиса к отражению варварского нападения.⁵

В период с 238 по 242 г. н. э. на Боспоре отсутствует чеканка монет, что, по мнению Н. А. Фроловой, было вызвано дестабилизацией в жизни государства, явившейся следствием вражеских вторжений.⁶

Встреча варваров с достаточно сильным противником — Боспорским царством — и относительная бедность далекой периферии античного мира, каковым являлось Северо-Восточное Причерноморье, вероятно, послужили для готов побудительными

⁴ Лавров В. В. К вопросу о двух разделах готов на восточных и западных // История и археология Нижнего Подунавья: Материалы 2-й научно-практической конференции, посвященной памяти... А. И. Доватура и А. Н. Дейча. Рени. 1991. С. 47.

⁵ Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. С. 443.

⁶ Фролова Н. А. Вторжения варварских племен в города Северного Причерноморья по нумизматическим данным // СА. 1989. № 4. С. 200.

мотивами, чтобы отправиться на поиски удачи в богатые дунайские провинции.

Дальнейшие события готской истории происходят уже в Подунавье. Наряду с готами, в середине III в. н. э. в Северном Причерноморье и Подунавье появляются и другие германские племена: астринги, тайфалы, гепиды и пр. Удачно закончив войну 248—251 гг. н. э. битвой при Абритте, готы и впоследствии беспрестанно продолжали тревожить римские границы.

По свидетельству Зосима, в начале 250-х годов н. э. складывается племенной союз готов, боранов, карпов и уругундов, упоминающийся автором «Новой истории» дважды (Zos., I, 27; 31). Так, во время правления Галла варвары стали опустошать европейские города, а затем перешли в Азию. Но в начале 253 г. н. э. готам нанес поражение Эмиллиан, сразу же после этих событий занявший римский престол. Через четыре месяца он был свергнут собственными солдатами (Zos., I, 28—29). Второй раз этот союз племен упоминается Зосимом в связи с морскими походами с берегов Боспора Киммерийского, предпринятыми во время правления Валериана и Галлиена (Zos., I, 31). Их датами традиционно считаются 255 или 256 гг. н. э. (первый поход), и 257 г. н. э. (второй поход). Такая датировка была предложена в конце XIX в. в работах В. Г. Васильевского и Б. Раппарта как возможная,⁷ но впоследствии она окончательно утвердилась как абсолютно достоверная и донныне не подвергалась сомнению. Схемы рассуждений В. Г. Васильевского и Б. Раппарта выглядят примерно одинаково. Картина описанных Зосимом событий, по их мнению, представляется следующей. Валериан вступает на престол в октябре 253 г. н. э. и, взяв себе в соправители сына Галлиена, отправляет последнего на обустройство дел в Прирейнские области зимой 253—254 гг. н. э. В 254 или 255 гг. н. э., согласно Б. Раппарту, готы, бораны, карпы и уругунды вторглись в иллирийские провинции и Италию, а в 255 или 256 гг. н. э. совершили первый и в 257 г. н. э. — второй морской поход с берегов Боспора.⁸ В. Г. Васильевский подкрепляет свои построения следующими фактами. Указание Зосима на отзыв Сукексиана из Питиунта для обустройства дел в Антиохии, по его мнению, приходится на 256 г. н. э., так как в предыдущем 255 г. н. э. Антиохия подверглась нападению Шапура I, следовательно первый морской поход готов приходится на 255 г., а второй — на 257 г. н. э.⁹

Необходимо рассмотреть, как описанные Зосимом события соотносятся с другими известными фактами. По Зосиму (I, 30), Валериан, вступив на римский престол и понимая всю опасность, какую представляли варвары, надвигавшиеся со всех сто-

⁷ Васильевский В. Г. Житие Иоанна Готского. С. 353—356; Раппарт Br. Die Einfälle der Goten... S. 54—58.

⁸ Раппарт Br. Die Einfälle... S. 52—53.

⁹ Васильевский В. Г. Житие... С. 353. Примеч. 1.

рон на империю, берет себе в соправители Галлиена. Последнего он оставляет в Европе, а сам отправляется на Восток. Прибыв на Рейн зимой 253—254 гг. н. э.,¹⁰ Галлиен заключает перемирие с наиболее влиятельными германскими племенами и всячески препятствует другим варварам переправляться через Рейн (Zos., I, 30). Далее Зосим переходит к интересующим нас морским походам с берегов Боспора. При этом автор замечает, что в то время, «когда такие дела были на Рейне», бораны, готы, карпы и уругунды сначала учинили вторжение в Италию и Иллириду, а затем бораны попытались переправиться в Азию «и легко устроили это при посредстве жителей Боспора» (Zos., I, 31. — *Пер. В. В. Латышева*).

Никто из исследователей не обратил внимание на указание Зосима о синхронности событий на Рейне вторжению готов и их союзников сначала в Италию и Иллириду, а затем на боспорских судах в Азию. По данным эпиграфики, приводимым Б. Раппапортом, рейнские события датируются зимой 253—254 гг. н. э.¹¹ Во время первого морского похода, благодаря умелым действиям начальника питиунтского гарнизона Сукессиана, впоследствии отозванного Валерианом для обустройства дел в Антиохии, варварам было нанесено поражение (Zos., I, 31—32). В. Г. Васильевский относил отзыв военначальника в Антиохию к 256 г. н. э.,¹² однако последующие эпиграфические находки нам позволяют уточнить дату этого события. Так, в 1958 г. Л. Робером была опубликована антиохийская надпись, согласно которой прибытие Валериана в город относится к 18 января 255 г.¹³ Вероятно, именно в это время прославленный защитник Питиунта и был отозван к императору. Такая последовательность событий служит подтверждением нашему предположению, что первый морской поход готов приходится на 254 г. н. э., скорее всего на лето, как на период времени, наиболее благоприятный для подобных предприятий.

В рассказе о первом морском походе обращает на себя внимание сообщение Зосима о том, что «пока у них (боспорян. — В. Л.) были цари, получавшие власть по праву наследства от отца к сыну, то вследствие дружбы с римлянами, правильно организованных торговых сношений и ежегодно посылаемых им императорами даров, они постоянно удерживали скифов, желавших переправиться в Азию. Когда же по исчезновении царского рода во главе правления стали недостойные и потерянные люди, то, боясь за себя, они предоставили скифам проход через Боспор в Азию...» (Zos., I, 31. — *Пер. В. В. Латышева*). Вопрос о том, что имел в виду Зосим, говоря об исчезновении на Бос-

¹⁰ Rapport Br. Die Einfälle... S. 47—49.

¹¹ Ibid.

¹² Васильевский В. Г. Житие... С. 353. Примеч. 1.

¹³ Salamon M. The chronology of Gothic incursions into Asia Minor in the IIIrd Century A. D. // Eos. 1971. Vol. 59. Fasc. I. P. 119.

поре царского рода и о занятии престола «недостойными и потерянными людьми», неоднократно обсуждался в литературе. Так, Т. Моммзен считал, что в этом отрывке речь идет о Фарсанзе,¹⁴ известном по статерам эмиссии 253 г. н. э. Монеты этого царя чеканки 254 г. н. э. стали известны науке лишь в 30-х годах нашего столетия.¹⁵ Вслед за К. Г. Брандисом,¹⁶ В. В. Латышев¹⁷ полагал, что сообщение Зосима об исчезновении царского рода на Боспоре не следует понимать буквально и связывать с морскими походами готов. Аналогичного мнения придерживался и В. Г. Васильевский.¹⁸ Исследователи конца XIX — начала XX в. относили слова Зосима к узурпации власти Фарсанзом, а первый готский поход датировали 255—256 гг. н. э., когда на боспорском престоле снова оказался Рискупорид V. Таким образом, между зафиксированными в источнике событиями в их построениях возникала хронологическая лакуна. В дальнейшем такой же схемы придерживались В. Ф. Гайдукевич, В. Д. Блаватский, И. Т. Кругликова и др.¹⁹

Не так давно Н. А. Фролова высказала предположение, что Фарсанз являлся соправителем Рискупорида V, основываясь на том, что их монеты чеканились одинаковыми штемпелями.²⁰ По нашему мнению, с подобным выводом невозможно согласиться, так как это свидетельствует лишь об их эмиссии на одном монетном дворе.

За период с 253 по 257 г. н. э. на Боспоре отмечен резкий спад выпуска статеров. К этому времени относятся три клада боспорских статеров: Керченский клад 1964 г. — последняя монета 254 г. н. э., Таманский клад 1970 г. — последняя монета 252 г. н. э., и Третий Патрейский клад 1970 г. — последняя монета 251 г. н. э. Таманский клад найден случайно, два других происходят из слоев разрушений и пожаров.²¹ В начале 250-х годов н. э. гибнет Танаис. Последняя монета из слоя пожара

¹⁴ Моммзен Т. История Рима. М., 1949. Т. 5. С. 267—268.

¹⁵ Фролова Н. А. Монетное дело Боспора первых веков нашей эры: Автореф. докт. дисс. М., 1985. С. 29—30.

¹⁶ Brandis C. G. Bosphoros // RE. 1897. Vol. III. Col. 785.

¹⁷ Латышев В. В. ПОНТИКА. С. 119—120.

¹⁸ Васильевский В. Г. Житие... С. 353.

¹⁹ Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. С. 451—452; Блаватский В. Д. Пантикапей. С. 206; Кругликова И. Т. Боспор в позднеантичное время. С. 17.

²⁰ Фролова Н. А. История правления Рискупорида V. С. 69; Фролова Н. А., Шургая И. Г. Илуратский клад монет Рискупорида V 1976 г. // ВДИ. 1982. № 2. С. 91—95.

²¹ Голенко К. В. 1) Монеты, найденные при раскопках в Керчи в 1964 г. // ВДИ. 1970. № 2. С. 88; 2) Таманский клад монет 1970 г. // Кlio. 1972. Bd. 54. S. 239—241; 3) Третий Патрейский клад и некоторые замечания о боспорской чеканке III в. н. э. // НЭ. 1978. Т. 12. С. 10—40; Фролова Н. А. Клады позднебоспорских монет как источник по истории Боспора III в. н. э. // Труды ГИМ. 1983. № 57. С. 3.

на городище относится к 251 г. н. э.²² В том же слое найдены три железных умбона, которые М. Б. Шукин относит к типу Хорула. Аналогичные вещи встречаются на германских памятниках Центральной Европы.²³ На Азиатском Боспоре зафиксированы следы пожаров и разрушений начала 250-х годов н. э. в Горгиипии и Гермонассе.²⁴

Можно предположить, что появление готов на Боспоре и, как следствие, разгром Танаиса позволили Фарсанзу временно утвердиться на боспорском престоле в конце 253—254 гг. н. э. Фарсанз помог готам в осуществлении их намерений, что вполне соответствует фрагменту Зосима «о недостойных и потерянных людях», предоставивших варварам суда для перехода в Азию. Неудачи, постигшие готов во время штурма Питиунта, вероятно, сильно пошатнули положение Фарсанза и привели к его окончательному падению. В том же 254 г. н. э. на боспорском троне снова появляется Рискупорид V. Косвенным подтверждением такой интерпретации событий может служить наличие венка — символа победы на оборотной стороне статеров Рискупорида V эмиссии 254 г. н. э.²⁵

Дата второго морского похода готов многими исследователями традиционно относится к следующему году после отъезда Сукексиана в Антиохию, т. е. к 257 г. н. э. Такая датировка, на наш взгляд, не может считаться окончательно доказанной. М. Саламон, основываясь на материалах денежного обращения малоазийских городов, убедительно показал, что морской поход вдоль западного побережья Понта относится к зиме — началу весны 258—259 гг. н. э.²⁶ Этот поход следовал после второго морского похода готов с берегов Боспора. Сообщая о походе 258—259 гг. н. э., Зосим пишет, что «соседние скифы, увидев привезенные богатства, возымели желание совершить нечто подобное... Выждав зимнего времени, они оставили Евксинский Понт влево...» (Zos., I, 34. — *Пер. В. В. Латышева*). Этот фрагмент дает нам основание отнести предшествующий второй боспорский поход готов к лету 258 г. н. э., так как на летнее время мы имеем прямое указание Зосима (Zos., I, 33). Во время вто-

²² Шелов Д. Б., Анисимов А. И. Находки монет в Танаисе в 1973—1980 гг. // НЭ. 1984. Т. 14. С. 52—53; Анисимов А. И. О передвижении племен готского союза в Северо-Восточное Причерноморье в середине III в. н. э. // Скифия и Боспор: Материалы Всесоюзной конференции, посвященной памяти академика М. И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989. С. 128—130.

²³ Sǣoukin M. B. A propos des contacts militaires entre les Sarmats et les Germans à l'époque Romaine // L'armée Romaine et les Barbares. Paris, 1993. P. 323—333.

²⁴ Кругликова И. Т., Фролова Н. А. Монеты из раскопок Горгиипии 1967—1972 гг. // Горгиипия. Краснодар, 1982. С. 104; Фролова Н. А. Монеты из раскопок Горгиипии 1973—1977 гг. // Там же. С. 124; Голенко К. В. Таманский клад монет 1970 г. С. 239.

²⁵ Фролова Н. А. Вторжения варварских племен... С. 201.

²⁶ Salamon M. The chronology of Gothic incursions... P. 120—121.

рого боспорского похода варвары взяли Питиунт, Трапезунт и с огромной добычей возвратились домой. Предполагаемая его дата согласуется с материалами монетного дела Боспора, так как с 258 г. н. э. в эмиссии боспорских статеров начинается трехлетний перерыв. По мнению Н. А. Фроловой, это обстоятельство могло быть вызвано дестабилизацией в жизни государства.²⁷

И. Т. Кругликова высказала предположение, что боспорский царь охотно содействовал этим походам и, возможно, сам принимал в них участие, поскольку государственная казна после морских походов 250-х годов н. э. существенно пополнилась в первой половине 260-х годов.²⁸ Однако нумизматические материалы этого не подтверждают. По замечанию В. Н. Брабича, на монетах 261—267 гг. н. э. встречается неправильное написание имени царя, ряд монет имеет необычное для своего периода расположение надписи. Дата выпуска на некоторых статерах 266 г. н. э. обозначена в обратном порядке. Часть монет 264—267 гг. н. э. имеет следы двойного удара, многие статеры явно перечеканены.²⁹

Временное спокойствие в варварской среде позволило несколько ослабить политическую и военную напряженность на Боспоре. В 261 г. возобновляется чеканка монет, а содержание драгоценных металлов в них снова достигает уровня 240-х годов н. э.³⁰ Мы не имеем письменных свидетельств об активизации варваров в прилегающих к Боспору областях в первой половине 260-х годов н. э.

В 266 г. н. э. на престоле появляется, очевидно, соправитель Рискупорида V Тейран. Тогда же, после четырехлетнего перерыва, возобновляются вторжения готов из областей Западного Причерноморья и Подунавья в Малую Азию, в провинцию Понт.

В 267 г. н. э. герулы, жившие в районе Меотиды, совершают совместный с готами поход на римские провинции (Syncell., p. 717). Опустошив Элладу, они дошли до Аттики, но потерпели поражение на суше и на море (SHA. Vita Gall., 13; Zos., I, 39).³¹

Одной из наиболее крупных войн между Римом и коалицией варварских племен Северного Причерноморья стала война при императоре Клавдии II. Среди исследователей нет единой точки зрения о времени начала военных мероприятий. Т. Моммзен, не приводя точной даты, относит события ко времени после смерти Галлиена, т. е. после 268 г. н. э.³² Л. Шмидт, вслед за Б. Рап-

²⁷ Фролова Н. А. Вторжения варварских племен... С. 200—202.

²⁸ Кругликова И. Т. Боспор в позднеантичное время. С. 198.

²⁹ Брабич В. М. Клад боспорских статеров III в. н. э. из Тиритаки // Труды. ГЭ. 1967. Т. 9. С. 6—9.

³⁰ Фролова Н. А. История правления Рискупорида V. С. 68.

³¹ Wolfram H. History... P. 53.

³² Моммзен Т. История Рима. Т. V. С. 213.

папортом, относит поход к 268 г. н. э.³³ А. М. Ременников датирует начало событий 289 г. н. э., аргументируя свое предположение тем, что варварам после поражения 267 г. н. э. необходимо было время для восстановления своих сил.³⁴ Аналогичного мнения придерживается и Х. Вольфрам.³⁵

Об участниках похода источники дают обильную информацию. Аврелий Виктор пишет, что Клавдий II стремился прогнать чрезмерно усилившихся готов (Aug. Vict. De Caes., XXXIX, 3). Синкелл сообщает о герулах, которые, собрав громадный флот, вторглись в римскую землю (Synkel., p. 720). Подробные списки племен приводят биограф Клавдия («певки», «грутунги», «австроготы», «тервинги», «визи», «гипеды», «кельты», «эрулы». — SHA. Vita Claud., 6) и Зосим (певки, готы, герулы. — Zos., I, 42). Об участии в походе меотийских племен имеется прямое указание биографа Аврелиана, являвшегося в те годы полководцем Клавдия: «Известно, что божественный Клавдий никому не вверил, кроме Аврелиана, ведение войны против меотийских племен...» (SHA. Vita Aurel. 16).

Окончание этой войны (270 г. н. э.) относится ко времени смерти Клавдия. О серьезности поражения готов свидетельствуют слова биографа императора: «Не было ни одной страны, которая не получила бы готских рабов» (SHA. Vita Claud., 9. — Пер. В. В. Латышева).

В 275 г. н. э. меотийские варвары совершают поход на малоазийские провинции. Иоанн Зонара сообщает, что во время правления Тацита «скифы», переправившись через Меотийское озеро и реку Фасис, вторглись в Понт, Каппадокию, Галатию и Киликию, но потерпели поражение от Тацита и его полководца Флориана (Zonar., XII, 28). Зосим отмечает, что Флориан оставил победоносную войну против боспорских «скифов» неоконченной (Zos., I, 63). Очевидно, неразгромленные окончательно Флорианом «боспорские скифы», вернувшись из Малой Азии, потерпели поражение от боспорских войск. Подтверждением этому может служить посвяtitельная надпись Зевсу Спасителю и Гере Спасительнице «за победу и долголетие царя Тейрана», поставленная от имени всех должностных лиц Боспорского царства (КБН 36), что говорит о важном государственном значении победы Тейрана.³⁶

События 267—275 гг. н. э. нанесли серьезный ущерб Боспорскому царству. Археологические материалы из раскопок городов и поселений Боспора III в. н. э. говорят о беспокойном характере жизни царства во второй половине столетия, вызванном, по-видимому, военными столкновениями. После 267 г. н. э. пре-

³³ Schmidt L. Geschichte... S. 73.

³⁴ Ременников А. М. Борьба племен Северного Причерноморья. С. 110.

³⁵ Wolfram H. History... P. 53—55.

³⁶ Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. С. 453—454.

кращается жизнь в некоторых малых городах Боспора — Илурате, Нимфее, возможно Мирмекии, в ряде сельских поселений. Некоторые памятники имеют следы пожаров, что, вероятно, свидетельствует о военных вторжениях варваров.³⁷

С 267 по 275 г. н. э. зафиксирован перерыв в эмиссии боспорского монетного двора. К этому периоду относятся два клада: Илуратский клад 1976 г. и клад из поселения у деревни Семеновка 1967 г. Оба клада происходят из слоев разрушений и пожаров.³⁸

Подсчет общего количества боспорских статов чеканки 240-х — начала 270-х годов н. э., имеющих в коллекциях ГЭ, ГИМ, ГМИИ и КИАМ, проведенный Н. А. Фроловой,³⁹ положен в основу публикуемого нами графика (см. рисунок). Следует отметить, что распределение монет в кладах по годам их чеканки соответствует общей тенденции монетной эмиссии боспорского двора. Выпуску статов Рискупорида V предшествует трехлетний перерыв (239—241 гг. н. э.). Периодам уменьшения и прекращения чеканки статов соответствуют те или иные события готских войн, имевшие отношение к Боспору. В монетной эмиссии фиксируются изменения и в те годы, когда статы выпускались большими сериями. Так, с 261 по 267 г. н. э. количество выпускаемых статов возрастает. Однако их реальная стоимость падает, о чем свидетельствуют попытки властей искусственно завысить их цену. В 264 г. н. э. государство пытается увеличить номинальную стоимость статов (появляется обозначение номинала 1 — знак 10 единиц), а в 265 г. н. э. увеличивает их еще вдвое (появляется обозначение номинала К — знак 20 единиц). При этом вес статов и содержание драгметаллов в них остается неизменным.⁴⁰

Экономический кризис, вызвавший девальвацию денег, которая прослеживается по крайней мере с 264 г. н. э., мог быть вызван и нарушением торговых связей с Римской империей, игравших важную роль в экономике Боспора.

Для вторжений в римские земли готам необходимы были суда, опытные матросы и другие ресурсы, которые они, по-видимому, при помощи оружия получили у боспорян. Подтверждением тому является разрушение ряда городов и поселений европейской части Боспора после 267 г. н. э., что нанесло последнему существенный экономический ущерб.

³⁷ Гайдукевич В. Ф. Илурат. Итоги археологических исследований 1948—1953 гг. // МИА. 1958. № 85. С. 17; Фролова Н. А., Шургая И. Г. Илуратский клад... С. 92; Кругликова И. Т. 1) Позднеантичные поселения... С. 245; 2) Итоги семилетних раскопок у дер. Семеновка // КСИА. 1963. Вып. 95. С. 46; 3) Боспор в позднеантичное время. С. 221.

³⁸ Кругликова И. Т. Клад боспорских статов III в. н. э. у деревни Семеновка // СА. 1958. № 3. С. 134; Фролова Н. А., Шургая И. Г. Илуратский клад... С. 92—95.

³⁹ Фролова Н. А. История правления Рискупорида V. С. 62—63.

⁴⁰ Там же. С. 68. 71—72.

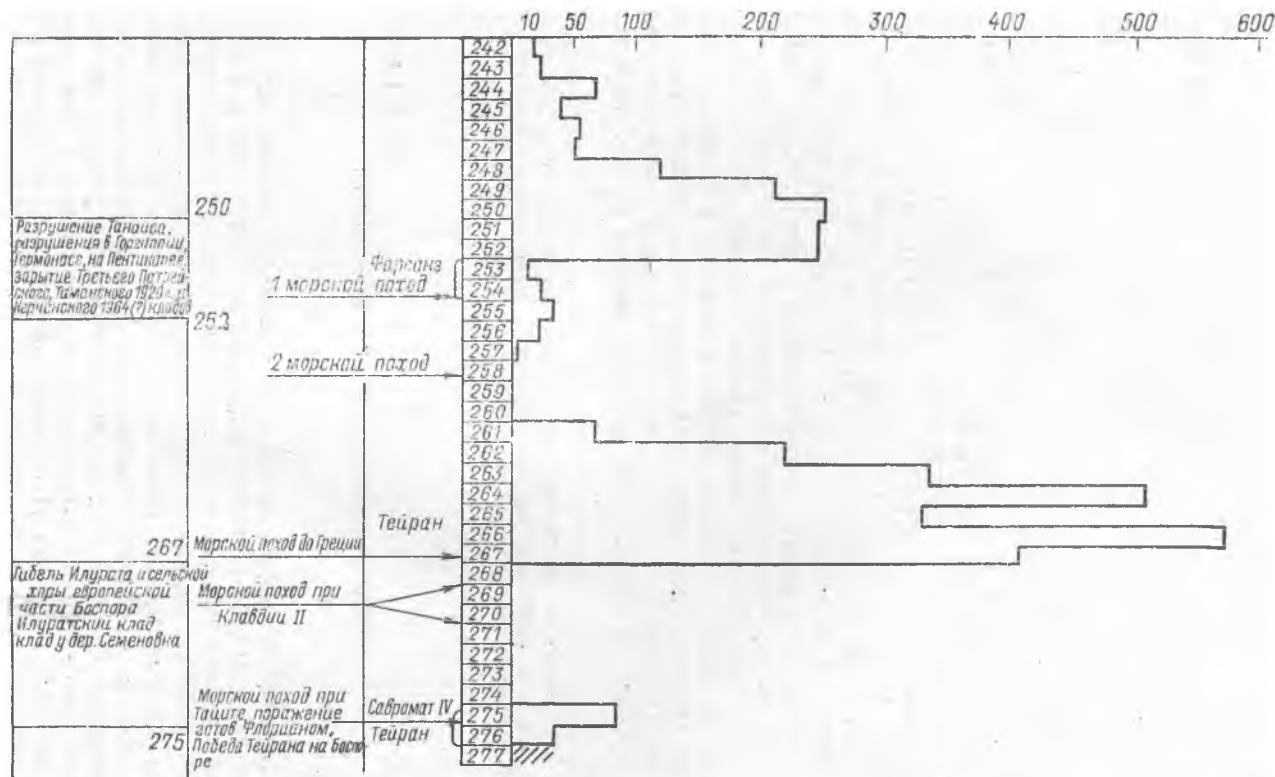

График чеканки боспорских статеров 242—276 гг. н. э.

О том, что происходило в политической жизни Боспора в период с 267 по 275 г. н. э., из-за отсутствия каких бы то ни было источников трудно сказать что-либо определенное.

В 275 г. н. э. вновь начинает чеканиться монета, хотя по сравнению с 260-ми годами содержание драгметаллов в ней значительно понижено.⁴¹ Боспорский трон в это время занимают трое правителей: Рискупорид V, Савромат VI и Тейран.

О дальнейших взаимоотношениях Боспора с готами сведений, зафиксированных письменной традицией и эпиграфикой, мы не имеем. Очевидно, какая-то часть участников морских походов могла расселиться в горном Крыму. Об этом свидетельствуют памятники типа могильника Чатырдаг, где достаточно хорошо прослеживается германский элемент.⁴² Раскопками 1990 г. на Чатырдаге обнаружены, вероятно, наиболее ранние захоронения, одно из которых по денарию Деция и статеру Рискупорида V 265 г. н. э. датируется третьей четвертью III в. н. э. О пребывании герулов в области Меотиды в IV в. н. э. мы знаем из сообщения Иордана (*Iord., Get.*, 117). С ними, вероятно, связано присутствие среди археологических материалов Танаиса IV—V вв. н. э. компонентов черняховской культуры. Появление в погребениях позднеантичного Боспора вещей «готского» стиля, по нашему мнению, может свидетельствовать о наличии определенных связей с жившими в Причерноморье германскими племенами. Однако эти сюжеты являются темами самостоятельных исследований и выходят за хронологические рамки настоящей статьи.

⁴¹ Фролова Н. А. История правления Рискупорида V. С. 68, 73—74.

⁴² Мыц В. Л. Могильник III—IV вв. н. э. на склоне Чатырдага // Материалы к этнической истории Крыма. Киев, 1987. С. 144—164.

Ю. Б. ЦИРКИН

РИМСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ В ИСПАНИИ

Как известно, город являлся естественной ячейкой античного общества. Римляне широко распространили эту ячейку, которая в конце концов превратилась в основную рамку жизни провинциалов. В Испании, как и в других западных провинциях, создание городов античного типа было результатом двух встречных процессов: иммиграции римско-италийского населения и преобразования местных общин. Мы рассмотрим первый процесс.

Римско-италийская иммиграция на Пиренейский полуостров началась еще во время II Пунической войны. Уже первые римские полководцы, действовавшие там, стали основателями горо-

© Ю. Б. Циркин, 1995

дов. Братьям Сципионам Плиний (III, 21) приписывает основание Тарракона. Будущий победитель Ганнибала стал основателем Италики, созданной им как лазарет для своих раненых воинов (App. Hisp. 38). В республиканское время переселились в Испанию ставшие затем известными такие фамилии, как Элии, Аннии, Апонии, Дасумии, Ульпии и др.¹ Достаточно много было в Испании переселенцев ко времени начала войны между Цезарем и Помпеем,² и число их еще более увеличилось в результате целенаправленной политики Цезаря и его преемников.³

Изучая римско-италийскую иммиграцию, исследователь встает перед рядом проблем. И первая из них — происхождение иммигрантов. Лингвистические и ономастические исследования однозначно показывают, что непосредственно сам Рим был источником переселения лишь в незначительной степени. Основной поток шел из Кампании и прилегающих районов с преобладанием оскского языка, причем это происходило в то время, когда носители латинского языка, прибывшие в Испанию, сами только сравнительно недавно этим языком овладели и еще сохраняли многие черты оскской речи. Возможно, второй, но значительно меньший поток шел из Этрурии.⁴ Если этот вывод сомнений не вызывает, то о социальном происхождении колонистов имеются споры.

Довольно часто основным источником римско-италийского населения считают долго прослуживших на полуострове ветеранов, привыкших за это время к условиям страны и с удовольствием осевших там после службы.⁵ Однако внимательное рассмотрение всех свидетельств, относящихся к появлению римлян в Испании, заставляет сомневаться в этом. Разумеется, полностью игнорировать ветеранский фактор невозможно, но надо иметь в виду, что он не только не был единственным, но и

¹ Castillo C. 1) *Prosopographia Baetica*. Pamplona, 1960. P. 413; 2) *Städte und Personen der Baetica* // ANRW. Bd. II, 3. B.; N. Y., 1975. S. 649; Syme R. *The Testamentum Dasumii: Some Novelties* // *Chiron*. Bd. 15. 1985. P. 43.

² Nony D. *La Péninsule Ibérique* // *Rome et la conquête du Monde méditerranéen*. P., 1978. P. 666, 673.

³ Vittinghoff F. *Römische Kolonisation- und Bürgerrechtspolitik unter Caesar und Augustus*. Wiesbaden. 1952. S. 75.

⁴ Пизани В. Итальянские диалекты в историческом аспекте // *Вопросы языкознания*. 1973. № 6. С. 5; Menéndez Pidal R. *Dos problemas iniciales relativos a los Romances Hispánicos* // *ELH*. Madrid, 1960. T. I. P. CXXXIII—CXXXV; Díaz y Díaz M. C. *El latín de la Península Ibérica* // *Ibid.* P. 243, 246; Alfonso D. *La fragmentación fonética peninsular* // *Ibid.* P. 141—142, 149; Valeri V. *Presenza campana nella toponomastica dell' Hispania* // *Lineamenti di storia linguistica della Campania antica*. Napoli, 1986. P. 81—82, 85; Syme R. *Tacitus*. Oxford, 1958. T. II. P. 784—785; Petersmann H. *Die Urbanisierung des römischen Reiches im Lichte der lateinischen Sprache* // *Gymnasium*. Bd. 96. Hft. 5. 1989. S. 423—424.

⁵ Brunt P. A. *Italian Manpower, 225 B.C.—A.D. 14*. Oxford. 1971. P. 217—219.

главным, кроме, может быть, короткого периода между 45 и 13 гг. до н. э.⁶

Значительную роль играли, по-видимому, итальянские «деловые люди». Главным объектом их внимания были рудники. Диодор (V, 36) пишет о массе италиков, хлынувших в испанские рудники. Изучение, в частности, новокарфагенской ономастики показывает, что основная часть таких деловых людей происходит из Кампаний и что по крайней мере некоторые из них принадлежали к тем же известным кампанским фамилиям, которые вели активные операции по всему Средиземноморью, в том числе на Делосе. К таким людям относились, например, Тиций и Вераний.⁷

Находимые в различных местах Испании слитки с клеймами показывают, что многие италики стали арендаторами (либо, после перехода ряда рудников в частные руки, владельцами) рудников или отдельных шахт. Иногда они могли организовывать кампаний, сообща эксплуатирующие рудные богатства, как, например, «Общество Серебряной горы» в Илурконе.⁸ Однако это не означает, что все эти люди обязательно переселялись в Испанию, хотя были, по-видимому, и такие. Многие же явно оставались в Италии, посылая для управления рудниками своих агентов из числа преимущественно отпущенников.⁹ Диодор, говоря об устремлении в испанские рудники италиков и отмечая их корыстолюбие, рассказывает, что эти люди приобретали массу рабов, которых затем продавали руководителям работ (он не уточняет, кто были эти руководители), а уже те, копия во многих местах, открывали золотые и серебряные жилы. Так что, кажется, не следует преувеличивать роль итальянских бизнесменов ни в колонизации Италии, ни в организации там горного дела.

Иной представляется роль крестьянства. II в. до н. э. был веком развивающегося обезземеливания крестьянства. Общее развитие вело к расширению относительно крупного сенаторского и всаднического землевладения в ущерб мелкому крестьянскому. Римский плебс мог, однако, найти выход из положения: переселившиеся в город бывшие крестьяне, став клиентами, по существу, имели возможность жить за счет своего гражданского статуса. Римские политические деятели проводили (или пытались проводить) различные мероприятия в пользу римского крестьянства и вышедших из его рядов ветеранов.

⁶ Tsirkin Ju. B. The veterans and the romanization of Spain // *Geogion*. 1989. T. 7. P. 137—142, 147.

⁷ Циркин Ю. Б. Римская колония Новый Карфаген // ВДИ. 1981. № 4. С. 145—148.

⁸ Blázquez J. M. La economía de la Hispania Romana // *Historia de España*. T. II. I. Madrid, 1982. P. 312—315.

⁹ Fabre G. «Libertas». Recherches sur les rapports patron — affranché a la fin de la République Romaine. Lille, 1982. T. I. P. 593—608.

Римские бедняки могли воспользоваться и частью богатств, поступающих в Рим в результате завоевательных войн.¹⁰ И римские граждане, естественно, не желали покидать Италию. Известно, что одним из пунктов аграрной программы Гая Гракха было выведение колоний, но предложение его соперника Ливия вывести двенадцать колоний в саму Италию способствовало повышению популярности последнего в ущерб Гракху, пытавшемуся создать колонию на месте бывшего Карфагена (Plut. G. Gracch. 9—11).

В ином положении находились италийки. Экономическое положение италийского крестьянства было не менее, а может быть, и более сложным, чем собственно римского. Италия долго не могла оправиться от последствий продолжительной и чрезвычайно разорительной Ганнибаловой войны.¹¹ Во II в. до н. э. продолжались конфискации италийских земель и создание в Италии римских и латинских колоний. Так, уже в год окончания II Пунической войны значительные земли в Самнии и Апулии были распределены среди ветеранов Сципиона (Liv. XXXI, 4,1—2). В Самний римские власти переселили и побежденных лигуров апуанов (Liv. XL, 38; 41). Это все обуславливалось как политическими целями (продолжение политики «разделяй и властвуй»), так и стремлением решить аграрный вопрос за счет италиков.¹² Такая политика отвечала интересам римского плебса и вызывала страх и недовольство италийских крестьян. Характерна реакция италиков на аграрный закон Тиберия Гракха и обращение в связи с этим их к Сципиону Эмилиану (App. bel. civ. I, 19). Когда же Ливий Друз, привлекая на свою сторону союзников, предложил дать италикам гражданские права, но одновременно занялся и выведением колоний в Италию и Сицилию, италиков последнее обстоятельство очень испугало, поскольку они боялись потерять свои земли в пользу колонистов (App. bel. civ. I, 35—36).

И экономические процессы, и подчиненное положение италиков усиливали обезземеливание италийского крестьянства. Аппиан (bel. civ. I, 7—9) говорит о вытеснении италийских крестьян рабовладельческими хозяйствами, в связи с чем римляне стали опасаться, что Италия не даст им больше союзников. Сами союзники подчеркивали последнее обстоятельство. Например, в 177 г. до н. э. и латинские граждане, и самниты жаловались сенату, что их города и поля так обезлюдели, что они

¹⁰ Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965. С. 126—127; Astin A. E. Roman government and politics, 200—134 B. C. // САН. Vol. VIII. 1989. P. 187.

¹¹ Gabba E. Rome and Italy in the second century B. C. // САН. Vol. VIII. 1989. P. 202; Morel J.-P. The transformation of Italy, 300—133 B. C. // Ibid. P. 494.

¹² Маяк И. Л. Взаимоотношения Рима и италиков в III—II вв. до н. э. М., 1971. С. 112—117; Gabba E. Rome and Italy... P. 197—207; Astin A. E. Roman government... P. 187.

уже не могут дать Риму требуемое количество воинов (Liv. XLI, 8). Особенно это проявилось в окской области.¹³ Кампания и Самний, а также Лаций оказались теми территориями, где уже в первой половине II в. до н. э. процветали рабовладельческие виллы среднего размера, а в конце республики здесь находилась основная часть владений римского нобилитета.¹⁴ Такие имения катоновского типа были в те времена наиболее доходными, и это, по-видимому, привело к победе таких хозяйств над крестьянскими.¹⁵ На поддержку римских полисных институтов или отдельных членов римской олигархии итальянские крестьяне, в отличие от собственно римлян, рассчитывать не могли. И они были вынуждены эмигрировать в провинции, в том числе испанские.

К эмиграции их подталкивало и то, что на родине многие из них не только терпели все усиливающуюся нужду, но и являлись людьми «второго сорта»: сражаясь вместе с римлянами, они не пользовались преимуществами римских граждан; к тому же, римляне их презирали. В провинциях же они считались представителями господствующего народа и, независимо от наличия или отсутствия римского либо латинского гражданства, рассматривались римскими властями как опора.¹⁶ В связи с этим можно заметить, что Серторий в борьбе с Суллой первоначально рассчитывал именно на колонистов (Plut., Sert. 6). Таким образом, переселившись в провинции, итальянские крестьяне приобретали и землю, и уважение.

Иммигранты приносили с собой привычные им формы организации. Ремесленники объединялись в коллегии. Так, в Новом Карфагене коллегии зафиксированы уже около 100 г. до н. э. (CIL II, 3433; 5927).¹⁷ Крестьяне соединялись в паги. Самое раннее свидетельство существования испанского пага относится ко времени Августа (CIL II, 5942), и при этом речь идет о юридической формуле,¹⁸ так что можно полагать, что паг к этому времени был по крайней мере в устье Бетиса, привычным институтом. В Италии большая часть известных пагов располагалась в Средней Италии и Кампании.¹⁹ Это обстоятельство может подтвердить переселение в Испанию крестьян, и притом именно из этих районов Апеннинского полуострова.

¹³ Gabba E. *Rome and Italy*... P. 202.

¹⁴ Ibid. P. 202, 234—236; Morel J.-P. *The transformation*. P. 496; Кузищин В. И. Генезис рабовладельческой латифундии в Италии. М., 1976. С. 39—43, 96.

¹⁵ Кузищин В. И. Римское рабовладельческое поместье. М., 1973. С. 130, 248—249; Штаерман Е. М. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1964. С. 27—28.

¹⁶ Маяк И. Л. *Взаимоотношения*... С. 108.

¹⁷ Mangas Manjargres J. *Esclavos y libertos de la España Romana*. Salamanca, 1971. P. 117, 271.

¹⁸ Смирин В. М. Рабство в римской Испании // Рабство в западных провинциях Римской империи. М., 1977. С. 39.

¹⁹ Volkman H. *Pagus* // *Der Kleine Pauly*. Bd. 4. 1979. Sp. 405.

Союзническая война и последующие репрессии и конфискации Суллы способствовали итальянской эмиграции. По словам Аппиана (bel. civ. I, 96), победоносный диктатор разрушал многие города, налагал на их жителей штрафы и тяжелые поборы, а в города отправлял колонистов, которым отдавал землю горожан, дабы иметь опору по всей Италии. И это обстоятельство не могло не вызвать массового переселения. Известно, что в это время многие этруски переселились в Африку, связи с которой у них существовали издавна.²⁰ Учитывая уже существовавшие контакты Кампании и Лация с Испанией,²¹ можно говорить, что часть населения этих областей перебралась на Пиренейский полуостров. Каков был социальный состав этой волны переселенцев, сказать трудно. Аппиан утверждает, что Сулла не просто обрушил репрессии на итальянские города, но для своих ветеранов отнимал у них землю. Цезарь, противопоставляя себя Сулле, также подчеркивал, что тот отнимал землю у ее владельцев для своих солдат (App. bel. civ. II, 94). Можно, по-видимому, говорить, что основными жертвами Суллы были землевладельцы и, следовательно, они и переселялись в провинции.

При Цезаре положение частично изменяется. В цезаревской и послецезаревской колонизации военный (или, точнее, — ветеранский) элемент увеличивается, хотя и не является единственным. После 13 г. до н. э. организованная колонизация в Испании прекращается почти полностью.²² Известно только, что была новая дедукция ветеранов в Эмериту Августу и Гиспалис при Отоне (Tac. hist. I, 78,1),²³ а при Марке Аврелии новые люди переселились в Испанию из Италии (SHA, Marc. XI, 7), что было вызвано, возможно, опустошением Испании какой-то эпидемией.²⁴ Разумеется, это не означает прекращения всякого переселения неиспанцев на Пиренейский полуостров. Зачастую там оставались ветераны стоявших там легионов и вспомогательных частей. По разным причинам в Испанию переселялись и другие люди, особенно торговцы.²⁵ Но все это было результа-

²⁰ Heurgon J. Inscriptions étrusques de Tunisie // CRAI. 1969. P. 547—549.

²¹ Blázquez J. M. La economía... P. 338.

²² Tsirkin Ju. B. The veterans... P. 140—142, 147.

²³ Canto A. M. Colonia Iulia Augusta Emerita // Gerion. 1989. T. 7. P. 174—175.

²⁴ Blázquez J. M. La economía... P. 462.— Возможно, что в какое-то время до начала III в. н. э. новое население появилось в Валенции: Galsterer H. Untersuchungen zum römischen Städtewesen auf der Iberischen Halbinsel. Berlin, 1971. S. 53—54.

²⁵ Roldán Hervás J. M. Hispania y el ejército romano. Salamanca, 1974. P. 301—505; Blázquez J. M. Migraciones en la Hispania Romana en época imperial // Anuario de historia económica y social. Madrid, 1975. P. 7—25.

том миграции обычной в рамках такого большого государственного объединения, как Римская империя. Колониальный же статус стал даваться городам без выведения туда нового населения. В Испании у истоков таких «почетных колоний» стоял Цезарь.

Таким образом, можно утверждать, что социальный состав римско-италийских иммигрантов был довольно пестрым, но основную их часть составляли итальянские крестьяне.

Говоря о римско-италийских городах в Испании, надо отметить, что первые поселения создавались либо на месте уже существующих местных, либо рядом с ними. Первым основанным римлянами поселением на юге страны была Италика (App. Hisp., 38). По словам Аппиана, Сципион сселил (συνέκισεν) раненых в город, который назвал Италикой. Глагол συνέκισεν еще не означает, что речь идет об основании города, хотя может иметь и такое значение. Археологические раскопки внесли ясность в несколько двусмысленный текст, и теперь ясно, что римскому поселению на том же холме предшествовало турдетанское (с IV или, вероятнее, с V в. до н. э.), куда оно перебралось с соседнего, где поселение существовало еще раньше.²⁶ Первая латинская колония была выведена римлянами в Картею, существовавшую по крайней мере с III в. до н. э.²⁷ Кордуба была основана на холме, соседнем с тем, на котором располагался туземный город. Возможно, оба поселения, римское и местное, уже сразу рассматривались как части одного города или, во всяком случае, они довольно скоро слились, хотя их первоначальное разделение отразилось в существовании двух виков: вика испанцев и вика иностранцев, под которыми подразумевались иммигранты.²⁸

Спорно положение Тарракона. Плиний (III, 21) называет этот город «делом Сципионов» (Opus Scipionum). Археологические исследования до сих пор не обнаружили никаких следов предшествующего поселения, а стены, ранее считавшиеся произведением доримских местных строителей, оказались построенными в 218—211 гг. до н. э.²⁹ С другой стороны, еще не решен окончательно вопрос о монетах с легендами kesse и Tarracoinsa-

²⁶ Canto A. M. Die vetus urbs von Italica // Madrider Mitteilungen. 1985. Bd. 26. S. 138; Dominguez de la Concha M. C. Cerro de la Cabeza (Santiponce, Sevilla) // Noticiario arqueológico hispánico. 1988. T. 38. P. 186.

²⁷ Woods D. E. Carteia and Tartessos // Tartessos. Barcelona 1969. P. 252—256.

²⁸ Rodríguez Neila J. F. Historia de Córdoba. T. 1. Córdoba, 1988. P. 216—220.

²⁹ Alföldy G. Tarraco // RE. SpTBd. XV. 1978. Sp. 581; Hauschild T. Ausgrabungen in der römischen Stadtmauer von Tarragona // Madrider Mitteilungen. Bd. 26. 1985. S. 75—77; Sánchez Real J. La excavación de la muralla de Tarragona en 1971 // Ibid. P. 91—120.

lig,³⁰ да и название города, по-видимому, иберское.³¹ Редкие находки аттической керамики могут свидетельствовать о существовании доримского поселения.³² Поэтому мнение о существовании здесь поселения, предшествующего основанию Сципионами римского города,³³ пока нельзя отбрасывать.

Разумеется, существовали и города, основанные полностью заново. Такова была, видимо, Валенция. Но надо иметь в виду, что это было специальное поселение, созданное в результате войн с Вириатом и, возможно, не для итальянских иммигрантов, а для местных жителей, участвовавших в этой войне.³⁴

Другая важная, хотя и не всеобщая, черта римско-италийской колонизации в Испании заключается в том, что ряд созданных римлянами городов далеко не сразу получили привилегированный статус. Тарракон был первым римским городом в Испании. Он довольно быстро превратился в значительный экономический центр, что подтверждается керамическими находками начального этапа существования города.³⁵ Уже во время республики он по своему значению явно перегнал греческий Эмпорион (ср. Strabo III, 4, 7; 9). Сюда переселялись жители Италии, а часть их, возможно, оставаясь в Италии, направляла туда своих рабов и отпущенников, также проникшихся уже италийским духом. Здесь сооружались римские храмы, в частности храм Юпитера. В городе воздвигались статуи римского типа.³⁶ Тем не менее очень долго Тарракон не имел римского гражданского статуса. Во главе общины, которая состояла из «граждан» и «союзников», стояли, по-видимому, два магистраты. Испорченная и дополненная Г. Алфелди надпись позднереспубликанского времени свидетельствует о том, что один из них был отпущенником.³⁷ Такое положение едва ли возможно в правильной римской колонии. А колониальный статус Тарракон приобрел, как обычно считают, либо в конце правления Цезаря, либо уже после его смерти (но до 27 г. до н. э., как это вытекает из официального имени города «*colonia Iulia Triumphalia Tarraco*»).

³⁰ Ripollés Alegro P. P. La circulación monetaria en la Tarracense mediterranea. Valencia, 1982. P. 374.

³¹ Alföldy G. Tarraco. Sp. 581.

³² Sánchez Real J. La excavación... P. 109, 121.

³³ Ср.: Montenegro Duque A. La conquista de Hispania por Roma // Historia de España T. II, I. Madrid, 1982. P. 16.

³⁴ Galsterer H. Untersuchungen... S. i2; Schulten A. Valentia // RE. 1948. Hbd. 14A. Sp. 2149.

³⁵ Sánchez Real J. La excavación... P. 109—119; Vegas M. Auswahl aus den Keramikfunden der Stadtmauer von Tarragona // Madrider Mitteilungen. 1985. Bd. 26. S. 127—130.

³⁶ Alföldy G. Tarraco. Sp. 588; García y Bellido. Esculturas hispano-romanas de época republicana // Melanges offertes à Gerôme Carcopino. Paris, 1966. P. 424; Koppel E. M. Die römische Skulpturen von Tarraco. Berlin, 1985. S. 143.

³⁷ Alföldy G. Tarraco. Sp. 590.

со).³⁸ Видимо, уже ярко выраженный римско-италийский характер Тарракона стал причиной предоставления ему не муниципального, а колониального статуса, хотя никакой дедукции при этом не производилось.

Юридическое положение Италики на протяжении большей части ее существования в республиканский период неизвестно. Мнение, что она была виком римских граждан, основано на дополнении надписи республиканского времени (CIL II, 1119) и оспаривается.³⁹ Предположение о существовании латинской колонии⁴⁰ вообще не имеет доказательств. Надо учесть, что Ливий (а соответствующие книги его труда сохранились) обычно довольно подробно рассказывает о выводе колоний, но ничего не говорит об Италике. И если следовать его рассказу, то ясно, что первой латинской колонией в Испании была Картея (XLIII, 3, 1—4). Аппиан (Hisp. 38) пишет, что Сципион в город, названный Италикой, собрал раненых. Мы не знаем точно, были ли это воины римских легионов, или италийских союзников. Но название, выбранное полководцем, скорее, подтверждает версию об италиках.⁴¹

Трудно говорить о составе населения Италики, особенно в первое время. Известно, что уже со времени Сципиона в этом городе жили Элии, происходившие из пиценского города Адрии (SHA, Nadr. 1). Адрия была колонией с 80-х годов III в. до н. э. (Liv. per. XI).⁴² Но принадлежали ли Элии к римским колонистам, или пиценским поселенцам, неизвестно. В Италике жили Ульпии, происходившие из умбрийского Тудера, ставшего римским городом только во времена Мария.⁴³ Италиком был Л. Рацилий,⁴⁴ патрон Минуция Силона из Италики (bel. Al. 52), участника событий 47 г. до н. э. Явно италийского происхождения был Вазий, соучастник Минуция (там же). Ономастика Италики, таким образом, указывает не на собственно римское, а на италийское происхождение иммигрантов, статус которых до переселения неизвестен, но во многих случаях был, вероятно, негражданским.

В Италике жили и туземцы. Таковым был, скорее всего, Марций, действовавший в 162 г. до н. э. (App. Hisp. 66).⁴⁵ Неизвестно, каково было соотношение этих двух элементов населения Италики. Археологические раскопки указывают на то, что

³⁸ Ibid. Sp. 593—594.

³⁹ Hübner E., Schulten A. Italica // RE. 1916. Hbd. 18. Sp. 2284; Montenegro Duque A. La conquista... P. 39.—Ср.: Galsterer H. Untersuchungen... S. 12. Bem. 46.

⁴⁰ Cantó A. M. Die vetus urbs... S. 144.

⁴¹ Ibid. S. 138—139.

⁴² Маяк И. Л. Взаимоотношения... С. 67; Radke G. Hadria // Der Kleine Pauly. 1979. Bd. 2. Sp. 905.

⁴³ Radke G. Tuder // Der Kleine Pauly. Bd. 5. 1979. Sp. 1329.

⁴⁴ Gundel H. G. Racilius // Der Kleine Pauly. Bd. 4. 1979. Sp. 1329.

⁴⁵ Castillo C. Prosopographia Baetica. P. 123.

в республиканское время город имел практически туземный характер.⁴⁶ Это обстоятельство позволяет говорить о значительном влиянии местного населения и о его роли в жизни Италики. Поэтому не кажется чрезмерно смелым предположение, что Италика была первоначально peregrinным городом.

Позже она явно стала муниципием. В «Записках об Александрийской войне» (52) впервые упомянуты муниципалы из Италики. Цезарь в рассказе о событиях 49 г. вскользь упоминает Италику (*bel. civ. II, 20*). То, что при этом не упоминается муниципальный статус города, не является доказательством его отсутствия. Однако общая картина Южной Испании в то время позволяет это предположить. Цезарь рассказывает (*bel. civ. II, 21*), что после сдачи Варрона он собрал в Кордубе сходку представителей провинции, на которой отдельно благодарил римских граждан за то, что они сумели сохранить город в своей власти, испанцев, ибо они изгнали гарнизоны Варрона, гадитан, которые отбили поползновения врага и вернули себе свободу. Реальным основанием благодарности Цезаря могло быть только поведение Кордубы, где конвент, закрыв ворота перед Варроном, расположил стражу на стенах и башнях (*Caes. bel. civ. II, 19*). Жителей Италики он благодарить не мог, ибо Варрон, убежденный своими соратниками, что город его не пустит, и не пытался напасть на него (*Caes. bel. civ. II, 20*). Поэтому можно предположить, что в 49 г. до н. э. жители Италики еще не были римскими гражданами. Если это так, то дарование статуса муниципия Италике надо отнести к 49—47 гг. до н. э. Больше подходит 49 г., когда Цезарь занимался устройством Испании, и этот акт мог быть благодарностью за известную антиварроновскую позицию. Отмеченный выше в значительной степени туземный характер города объясняет превращение его в муниципий, а не в колонию.

Но и города, основанные римскими полководцами во II—I вв. до н. э., не всегда сразу занимали привилегированное положение. Так, Т. Семпронию Гракху приписывается основание в 179 (или 176) г. до н. э. Гракхуриса в память над кельтиберами (*Liv. per. XLI*) на месте местного города Илурциса (*Fest. p. 97M*). Его статус неизвестен, но весьма вероятно предположение, что он лишь много позже стал латинским муниципием.⁴⁷ Между тем город был одним из центров романизации в этом районе⁴⁸ и заселен был, по крайней мере в значительной части, римлянами (может быть, скорее, италиками), на что указывает его поведение во время Серторианской войны, когда в противоположность кельтиберам гракхуритане выступили против Сертория, опустошавшего их земли (*Liv. XCI*). Основанный

⁴⁶ Blázquez J. M. La economía... P. 358, n. 70.

⁴⁷ Galsterer H. Untersuchungen... S. 12.

⁴⁸ Blázquez J. M. Nuevos estudios sobre la romanización. Madrid, 1989. P. 230—231.

Помпеем Помпелон более ста лет дожидался привилегированного положения. Созданный явно во время Серторианской войны, еще Плинием (III, 24) он был назван среди податных общин и стал муниципием или колонией до 119 г., когда в надписи (CIL II, 2959) появляются дуумвиры города.⁴⁹

Разумеется, не все римско-италийские поселения обязательно проходили фазу непривилегированных общин. Были города, с первых моментов существования в качестве колонии получившие более высокий статус. Первой латинской колонией в Испании являлась Картея (Liv. XLIII, 3, 1—4).⁵⁰ Правда, назвать ее подлинной колонией трудно: она была создана не для переселения туда колонистов из Италии, а ради поселения детей римских солдат и местных женщин. Первой же подлинной колонией стала Кордуба (Strabo III, 2, 1).⁵¹ Хотя Страбон говорит о ней как о колонии римлян, исследования показали, что римской колонией она стала только во времена Цезаря или даже Августа, получив при этом имя Патриции (Plin. III, 10), а до того она была латинской.⁵² Видимо, все доцезаревские колонии в Испании имели латинский статус, а колонии римских граждан появились там только со времени Цезаря.

Население римско-италийских городов было смешанным. Часть переселившихся туда италиков, вероятнее всего, не имела римского гражданства. Но жили там, в том числе и в латинских колониях, и римские граждане. В Италии римляне порой селили своих граждан в латинских колониях, компенсируя уменьшение статуса увеличением земельного надела.⁵³ Не исключено, что такая практика могла применяться и в Испании. Часть римских граждан явно не теряла своего положения, составляя в латинской колонии или peregrinnum городе свою общину, конвент римских граждан (как это было в Кордубе). Судя по рассказу Цезаря (bel. civ. II, 19), кордубский конвент играл в этом городе очень важную роль: именно его позиция определила в 49 г. до н. э. и позицию всего города. И позже, во время восстания против Кассия, отпадение конвента привело к тому, что Кордуба стала одним из центров антицезарианской борьбы (bel. A1. 57—58).

Жили в этих городах и испанцы. Известен «испанский вик» в Кордубе.⁵⁴ В других случаях местные жители, возможно, не образовывали отдельного округа. Часть их, получив гражданство данного города, могла достичь высокого положения. Так, среди монетных магистратов Картеи были и потомок италий-

⁴⁹ Galsterer H. Untersuchungen... S. 14.

⁵⁰ Ibid. S. 6.

⁵¹ Rodríguez Neila J. F. Historia de Córdoba. T. I. P. 209—214.

⁵² Ibid. P. 214—216, 297—304; Galsterer H. Untersuchungen... S. 9—10; Knapp R. C. The Coinage of Corduba, Colonia Patricia // Annali. 1982. T. 29. P. 183—186, 202.

⁵³ Маяк И. Л. Взаимоотношения... С. 117—118, 123—124.

⁵⁴ Rodríguez Neila J. F. Historia de Córdoba. T. I. P. 216—220.

ских переселенцев Вибий, и туземец Марций.⁵⁵ В этом отношении интересна надпись, найденная недавно около Кордубы. Она датирована 49 г. до н. э. и содержит имя пропретора Кв. Кассия Лонгина. Для нас сейчас главное то, что в ней встречаются имена высшего децемвира и эдила общины. Эдил носил чисто италийское имя — Марк Коран, сын Акрина, а высший децемвир — местное: Бинснес, сын Верцеллона.⁵⁶ Перед нами наглядный пример включения в правящую элиту как потомков переселенцев, так и местных жителей.

И все же италийский элемент в колониях преобладал. Во всяком случае, в городской элите доля иммигрантов и их потомков была большей, чем аборигенов. Изучение ономастики Бетикки показало, что почти 52% имен лиц, занимавших хоть какое-то видное положение, — италийские.⁵⁷ И это явно отразилось в большем авторитете римских колоний по сравнению с муниципиями. Хотя, обладая всей суммой римских гражданских прав, юридически граждане тех и других были равны, но в общественном мнении колонисты стояли выше муниципалов. При империи колониальный статус стали давать испанским городам в качестве награды. Так, город Клуния получил муниципальный статус, вероятнее всего, при Тиберии. В 68 г. наместник Ближней Испании С. Сульпиций Гальба был здесь провозглашен императором (Suet. Galba 9,2; Plut. Galba 6), и в награду он сделал Клунию колонией (CIL II, 2779), которая стала именоваться Клунией Сульпицией.⁵⁸ То же сделал Адриан со своей родной Италикой.⁵⁹ Известны и другие подобные случаи.

По данным Плиния (III, 7—30; IV, 110—120), в Испании насчитывалось 26 колоний (из общего числа в 389 общин). В основном они находились в долине Бетиса и прилегающих районах гор и побережья. Второй значительный район колонизации — долина Ибера. Были колонии и на Средиземноморском побережье. Две латинские колонии, позже ставшие римскими муниципиями, находились на большем из Балеарских островов. Во внутренних районах полуострова колоний было мало. Еще А. Шультен отмечал, что в Лузитании колонии располагались только на окраине провинции, но не проникали в глубь кельтской территории.⁶⁰ Г. Алфелди подчеркнул, что на новокастильской Месете существовала только одна колония Либисоса.⁶¹ Одна колония Флавиобрига, созданная на месте туземного

⁵⁵ Castillo C. *Prosopographia Baetica*. P. 189—202.

⁵⁶ Lacort Navarro P. J., Portillo R., Stylow A. U. *Nuevas inscripciones latinas en Córdoba y su provincia* // Faventia. 1986. T. 8. P. 69—74.

⁵⁷ Castillo C. *Prosopographia Baetica*. Passim.

⁵⁸ Galsterer H. *Untersuchungen*... S. 35.

⁵⁹ Ibid. S. 12—13.

⁶⁰ Schulten A. *Lusitania* // RE. 1927. Hbd. 26. Sp. 1872.

⁶¹ Alföldy G. *Römische Städtewesen auf der neukastilischen Hochebene*. Heidelberg, 1987. S. 31.

порта Амана, находилась на северном побережье Испании (Plin. IV, 110). Это свидетельствует о том, что колонии играли важную роль в романизации Бетики и некоторых территорий восточной части Тарраконской Испании, но их роль в романизации внутренних и северных районов Тарраконской Испании, как и Лузитании, была незначительной.

Таким образом, колонизация представляет собой весьма важную составляющую процесса романизации испанских провинций. Ее воздействие ограничивалось определенными территориями. Но именно те районы, где она активно осуществлялась, и стали наиболее романизованными территориями империи.

Б. Б. ВИЦ-МАРГУЛЕС

АНТИЧНЫЕ ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ И ПРОГРЕССА

Латинское слово «*progressus*» означает любое поступательное движение и развитие, в том числе и «движение вперед» общества. В зарубежной историографии распространилось утверждение, что родоначальником теории линейного, поступательного развития общества был Августин, классическая же древность якобы признавала только циклическое направление развития хода истории.¹ В действительности идея «прогрессивного» движения общества была всей античности хорошо знакома.

Понятие движения мира и общества от низшего к высшему коренилось в самих философских основах античной философии истории. По мнению А. Ф. Лосева, в стихийной диалектике древних греков была вполне выработана категория становления и, более того, — категория движения, причем движения в противоречиях; в этом античная философия истории и культуры не только не уступала никакой послеантичной философии истории, но пожалуй, и *превосходила всякую философию истории*.²

Можно различить три основных, бытующих в античности, «модели» мирового и общественного развития, хотя они, конечно, не отгорожены друг от друга и почти никогда не безусловны. В разные эпохи, у разных мыслителей они сосуществуют и переплетаются; можно лишь говорить о *преобладании* одной из них. В этих концепциях судьба индивидов в большей или

© Б. Б. Виц-Маргулес, 1995

¹ Напр.: Manuel F. E. *Shapes of Philosophical History*. Stanford Univ. Calif. 1965. P. 7; Bultmann R. *Geschichte und Eschatologie*. Tübingen, 1958, и др. — Критический анализ соответствующих мнений был дан в работе: Ordysk A. *Starożytne teorie procesu historycznego*. Annales Univ. M. Curie — Skłodowska. Lublin. Sectio I. Vol. 1, 10. 1976. S. 101—114.

² Лосев А. Ф. *Античная философия истории*. М., 1977. С. 12.

меньшей мере сливается с судьбой полисов и человечества, развитие общества — с развитием космоса и Вселенной.

Первая модель — это действительно очень распространенная в античности концепция космического и исторического круговорота. Полностью она была развита только у стоиков. В картине мира стоиков мирообразование и крушение миров следуют друг за другом в бесконечном и необходимом круговороте. Естественно, вместе с ними следуют друг за другом и повторяются общества с людьми — гражданами Вселенной. По учению стоиков все события в мире определяются жесткой необходимостью в виде Судьбы или Логоса. Поэтому сменяющие друг друга миры не отличаются один от другого, не отличаются и общества.³

В этой теории циклизма у стоиков были предшественники. О периодических пожарах мира учил Гераклид.⁴ Идея мирового круговорота выражена в знаменитом фрагменте Анаксимандра: «А из каких (начал) вещам рождение, в те же самые и гибель совершается по роковой задолженности».⁵ В учения религиозной секты орфиков дионисийский миф принес с собой принцип бесконечных дроблений и восстановлений;⁶ у них же и у пифагорейцев, согласно идее переселения душ (палингенесии), живые и мертвые, люди и животные, чередуясь в овладении живой душой (ψυχή), вновь рождаются и вновь умирают в «многогрядальном, мучительном круге» жизни и смерти.⁷ Согласно Роде, уже у древних орфиков VI в. до н. э. была также намечена концепция мирового года природы. О циклическом развитии мира по большим периодам, в которых Любовь скрепляет, а затем Вражда разъединяет элементы, говорил Эмпедокл. По мнению А. В. Семушкина, это были две фазы каждого периода, причем современный мир Эмпедокла, видимо, считал фазой Вражды.⁸

Однако у всех вышеуказанных мыслителей циклическая модель не была единственной. Наряду с ней, внутри цикла предполагалось линейное развитие. У того же Анаксимандра мы встречаем зародыш эволюционной теории происхождения человека «из животных другого вида» (ФРГФ 12 А 10), «похожих первоначально на рыбу» (А 14). В каждом цикле Эмпедокла разви-

³ Diog. Laert. VII. 1, 136; 141—142; Богомолов А. С. Античная философия. М., 1985. С. 274.

⁴ Simpl. in Arist. Phys., p. 24, 4 Diels. (Русск. пер.: Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1 / Подг. А. В. Лебедев. М., 1989 (далее: ФРГФ). С. 201).

⁵ ФРГФ I 12 В 1, ср. А 14.

⁶ Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957. С. 155.

⁷ ФРГФ I В 17 (золотая пластинка из погребения в Фуриях); В 226 (Clem. Al.); В 229; 231 (Procl.); 230 (Simpl.); Rohde E. Psyche. Seelencult und Unsterblichkeitsglaube der Griechen. Freiburg; Leipzig. 1894. S. 416, 417.

⁸ Семушкин А. В. Эмпедокл. М., 1985. С. 113—127.

тие мира идет инволюционно от Сфайроса к Хаосу, а затем эволюционно от Хаоса к Сфайросу, заканчиваясь каждый раз возникновением и развитием совершенно равных по космическому происхождению людей. Во всех трех учениях: орфиков, пифагорейцев и Эмпедокла душе человеческой дана надежда: при условии «орфической», или «пифагорейской» жизни, или жизни полной самоотречения и любви, она может вырваться из круга палингенесии, полностью освободиться от оков тела и обрести бессмертие. Это во многом определило тысячелетний успех этих учений и частичное усвоение их христианством.

Наконец, и в концепции стоиков природа и общество между мировыми пожарами развиваются эволюционно по законам Судьбы и даже имеют свою цель: «стремится она (природа) к пользе и наслаждению, как это видно из человеческого общества».

Не было циклической модели в ранней и классической греческой историографии — у Геродота и Фукидида. Выразитель стоической теории в области истории Полибий применил ее только к смене правлений в Риме, в остальной же своей универсальной «Всемирной истории» стоял за прогресс.⁹ Что касается «Судьбы», которая в философии стоиков фатально поворачивает колесо истории, то, по мнению Полибия, «Судьба изобретает много нового» (I, 4, 5). Кроме того, идеал Полибия — «смешанная» форма правления, — в случае ее осуществления логически не допускалось дальнейшее превращение государственных устройств.

Вторая модель — это модель исторического регресса. Она тоже не абсолютна. В «Работах и днях» Гесиода (109—201) «золотой род» людей, живущих в изобилии, не знавших ни тяжелого труда, ни горестей, сменился серебряным, серебряный — жестоким медным, а после промежуточного лучшего века героев наступил железный век, поколение людей, которые теряют все привычные нравственные устои и движутся к своей гибели.¹⁰ Здесь в основном происходит линейное развитие вспять, образ, навеянный современной беотийскому поэту эпохой разложения рода, тяжелой участью крестьян под игом знати.

⁹ Немировский А. И. Рождение Клио. Воронеж, 1986. С. 170 сл.

¹⁰ В литературе обсуждался вопрос о том, насколько сам Гесиод верил в свои построения. Интересна гипотеза, изложенная в работе: Hadi-gow B. *Mythische Experimente — experimentelle Mythen // Faszination des Mythos. Studien zu antiken und modernen Interpretationen.* Hrsg. v. R. Schlesier. Basel; Frankfurt a. Main, 1985. S. 66—68. — Автор считает миф Гесиода «экспериментальным мифом», в котором поэт систематически как бы проигрывает в мифе разные варианты возможных обществ, не выдавая их за историческую действительность. Это, конечно, возможно, но трудно судить о том, думал ли Гесиод заставить своих слушателей верить себе, или нет. Судя по «Теогонии», Гесиод выдавал мифы за действительность, между тем как в «Трудах и днях» он ставил перед собой задачу «говорить правду» (ср.: Тронский И. М. История античной литературы. М., 1946. С. 60).

Но есть здесь и элемент цикличности: Гесиодовы поколения не родственны между собой; каждое из них гибнет и нарождается новое, худшее. И все же картина Гесиода не беспросветна. По идее поэта, изложенной в тех же «Работах и днях», рачительный труд крестьян и «Зевсово возмездие» могут сменить несправедливые порядки (Op. 202—380). В «Теогонии», где изложены мифологические космогония, теогония и антропология, мир движется от Хаоса к Космосу, от старых богов к миру новых богов и Зевсовой справедливости, т. е. в космическом плане идет прогресс.

Миф о блаженной жизни первых людей, хотя он возникает спонтанно у разных народов, в Греции VII в. до н. э. был несомненно связан и с влиянием Древнего Востока, где он был широко распространен, включая картину библейского утерянного рая. Даже миф о Прометее у Гесиода напоминает рассказ о «грехопадении», так как именно в наказание за использование краденного огня с помощью любопытной Пандоры Зевс насылает на человечество все несчастья (Op. 47—69). В Риме поэтически продолжил миф Гесиода Овидий в «Метаморфозах» как миф о «золотом веке» в более реалистической и логической форме без века героев и многих сказочных мотивов, а в зло «железного века» включил частную собственность на землю (Met. I, 135—136). Идея «золотого века» или «века Крона» присутствовала в утопических построениях древнего и не только древнего мира¹¹ и иллюзорно воплощалась в народных празднествах, изображавших перевернутые общественные отношения, — греческих Крониях и римских Сатурналиях. Пессимизм идеи регресса окрашивался социальной утопией.

К модели регресса можно причислить Платонову картину смены государственных устройств в «Государстве», хотя ее обычно считают цикличной. В ней, конечно, есть элементы циклизма, ибо, по Платону, ни одна форма земного государства не вечна и эти формы повторяются (Resp. VIII, 546a). Не вечно и самое лучшее государство с разумной единоличной властью или аристократическое, руководимое «стражами». После этого следует регресс. В VIII книге Платон трансформирует гесиодовский миф, и четыре рода: золотой, серебряный, медный и железный определяет как свойства души, природные задатки человека. Их смена в душах людей и приводит к систематическому изменению всего государственного строя (VIII, 546a—547b).¹²

¹¹ См.: Чернышев Ю. Г. Миф о золотом веке и утопический социализм. // Город и государство в античном мире. Проблемы исторического развития. Л., 1987. С. 120—137.

¹² Ср.: III, 415a.—Миф обосновывал здесь одновременно как братское происхождение людей на земле, рожденных землей, так и их неравенство (Нерсисянц В. С. Политические учения древней Греции. М., 1979. С. 146).

Он описывает четыре отрицательных типа государств, которые следуют друг за другом в порядке постепенного регресса: тимократия, олигархия, демократия и тирания. Каждая из них в процессе развития своих дурных свойств приводит к установлению худшей формы. В частности, демократия, по словам платоновского Сократа, — государство свободное, но допускает возможность произвола и попрания законов (VIII, 557a — 562a).¹³ До этого тимократия — власть честолюбивых — бывает неплохим, военным государством. Однако честолюбцы начинают стремиться к деньгам и наживе; возникает олигархия — правление богатых, которым противостоят бедняки. Сыновья богатых расточают богатства отцов и становятся бедняками и трутнями. Трутни с жалом — это преступники. Когда бедняки свергают власть богатых, наступает демократия. В результате попрания законов во главе и от имени народа к власти приходит тиран. Платон дает красочное и, можно сказать, актуальное описание тирана. Сначала тиран все обещает народу — отмену долгов, передел земли и т. п. Затем, имея в руках послушную толпу, он привлекает противников к суду по несправедливым обвинениям, приговаривает к смертной казни, одновременно продолжая сулить народу блага. Человеку остается либо погибнуть, либо самому стать тираном, либо пособником тирании и превратиться из человека в волка (Resp. VIII, 565e — 566a). Дрожа за власть, он всех самых лучших и выдающихся людей устраняет (567 c). Такова картина регресса.

Однако в том же творении Платона дана убедительная картина развития «первичного государства» (Resp. II, 369 сл.), которое создается ради взаимного удовлетворения потребностей людей и развивается, все полнее удовлетворяя эти потребности. (Возможно, что Платон здесь заимствовал кое-что из учений V в.) Правда, ценнейшие мысли о необходимости и значении разделения труда и специализации он использовал для идеализации кастового строя; такой строй господствует в его идеальном полисе.¹⁴ Идеальное государство Платона (IV, 420 b — 445 a) под властью философов или философски образованных царей должно строиться по идеальному образцу на небе (IV, 592 b), которому уже не присущи, видимо, ни регресс, ни прогресс, движение вообще. Здесь объективный идеализм Платона вступает в противоречие с его диалектикой.

Много общего со взглядами Платона имеет концепция Аристотеля, изложенная в его «Политике». Он в основном принял классификацию Платона, но значительно ее расширил и, умножая виды государственных форм, несколько видоизменил.

¹³ Такая критика демократии соответствовала взглядам исторического Сократа, который серьезно и уважительно относился к законам (См.: Фролов Э. Д. Огни Диоскуров. Л., 1984. С. 86; Guthrie W. K. C. Socrates and Plato. Brisbane, 1958. P. 4, 8, 18).

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 379.

«Однако взгляды Аристотеля на направление исторического развития нельзя свести к одной модели или схеме, выделить главную. Аристотель, как известно, различал основные «правильные» формы государства (монархию, аристократию, полицию) и три «неправильные» (тиранию, олигархию, демократию).¹⁵ Но Аристотель не считает смену правлений неизбежной (как Платон (V, 10, 1, 1361 a)); любая «правильная» форма может оказаться стабильной и долговременной (хотя и не вечной) и принести обществу благо, если она не допустит какой-либо крайности, которая вызовет распри и приведет ее к превращению в «неправильную», направленную только на личное благо правителей, т. е. к регрессу государства. Любой строй может перейти в любой другой, в зависимости от политики руководителей и по самым разным причинам, — что Аристотель показывает на многих примерах греческой истории (кн. V). Себялюбие царей превращало их в тиранов; гнев и презрение народа — это главные причины свержения тирании и ее превращения в полицию или демократию (V, 8, 20, 1312b). Демократия гибнет, если в ней не властвует закон. Из-за демагогов, которые своими притеснениями вынуждают богатых объединиться и восстать, демократия переходит в олигархию (IV, 5, 3, 1292a). И наоборот, притеснения олигархов приводят к их свержению демократами. Семейные ссоры, личные обиды, оскорбления, проiski — все это бывает причиной государственных переворотов. И наоборот, самые разные меры могут сохранять как правильный, так и неправильный строй. Итак, по Аристотелю, общественное развитие может быть разнонаправленным. Кроме того, для одних народов или полисов может подходить и считаться справедливым один строй, для других — другой.¹⁶

Но концепция Аристотеля не осталась только абстрактной теорией — она помогла ему трактовать реальную историю. Развитие греческих государств в прошлом Аристотель представлял как постоянный регресс. После правильных форм монархии, аристократии, прошлой политической строй греческих полисов стал ухудшаться, пришли олигархия, тирания, демократия.¹⁷ Ни Афины, ни Спарта не пришли к лучшей форме полиса. Какова же эта наилучшая форма?

¹⁵ Arist. Pol. III, 5, 1, 1279 a; IV, 2, 1, 1289 a. — О взглядах Аристотеля на формы государств см.: Нерсисянц В. С. Политические учения... С. 194—204; Кечекьян С. Ф. Учение Аристотеля о государстве и праве. М.; Л., 1947; Доватур А. И. Политика и полиция Аристотеля. М.; Л., 1965 (см. библиографию); Чанышев А. Н. Аристотель. М., 1951. С. 164—172; Rybicki. P. Arystoteles. Podstawy i początki nauki o społeczeństwie. Warszawa; Wrocław; Kraków, 1963.

¹⁶ О релятивизации понятия справедливости в связи с такой постановкой вопроса пишет П. Рыбickий (Rybicki. P. Arystoteles. P. 123—132).

¹⁷ Arist. Pol. IV—VI, кратко: III, 10, 3. 1286 b. — См.: Доватур А. И. Политика и полиция... С. 38 сл.; 327. — Такой же, примерно, регресс происходил согласно «Лакедемонской политике» Аристотеля в Спарте.

Здесь нужно различить политический идеал и модель развития. Аристотель по своим взглядам — реалист. Видимо, по его мнению, каждое время имеет свою лучшую форму, а не только каждый народ и полис. Прекрасной была ранняя царская власть Тесея или Кодра, но в настоящее время греки добровольно такую власть не выносят (IV, 8, 22, 1313a). Стагирит Аристотель признает, что действительно в Афинах было «превосходное законодательство» Солона, который соединил элементы олигархии, аристократии и демократии, т. е. фактически учредил полицию (II, 9, 2, 1273), но Аристотель нигде не говорил, что его надо вернуть. Что же теперь? Аристотель мечтает об идеальном государстве не на небе, а на земле. Его идеал — это, конечно, полис, но новый, в виде *ἰσότης πολιτεία*, т. е. истинной аристократии. Это — правление добродетельных граждан-воинов в наилучших государствах, где земледельцы, ремесленники, торговцы и т. п. не являются гражданами, так как они не способны к гражданской добродетели, не говоря о рабах; они, если это «варвары», являются рабами «по природе» (VII, 5, 7, 1327b). Как убедительно показал А. И. Доватур, такими могли представляться Аристотелю те новые полисы, которые основывались греками на персидской территории. И основывать их должен, а также вводить и укреплять полицию у греков «наилучший муж», превосходящий всех в добродетели и обладающий всеобъемлющей властью (книги VII и VIII), в котором легко угадать Александра.¹⁸

Даже с учетом опасности наемничества и грядущей эры эллинизма этот идеал назвать «прогрессивным» трудно; он, скорее, реакционен. Все же идеальное государство Аристотеля описывается и мыслится *вперед*, как будущее и лучшее, чем предыдущие формы, как государство счастливых и свободных граждан; здесь, скорее, модель прогресса.

Концепция регресса была более распространена и последовательна в политических теориях и историографии Рима. Она связывалась с одной из наиболее характерных черт римской идеологии: консерватизмом, враждебностью к новшествам, убеждением, что *mos maiorum*, нравы и порядки предков были лучше и все время ухудшаются.¹⁹ Теория упадка нравов ярко выражена в творчестве Саллюстия, последнего апологета республики, и у Аммиана Марцеллина, последнего крупного историка Империи; их пессимизм имел совершенно реальные основания.

Третья модель — не менее распространенная — это собственно модель общественного прогресса. Ей посвящен ряд работ немецких ученых, особенно работы Э. Ш. Вельскопф и

¹⁸ Доватур А. И. Политика и полиция. С. 59—95. Обширная дискуссия по этому поводу выходит за рамки интересующей нас темы.

¹⁹ См.: Утченко С. Л. Древний Рим: События. Люди. Идеи. М., 1969. С. 220, 267—289; Кнабе Г. С. Древний Рим — история и повседневность. М., 1986. С. 30—121 (примеры консервативного мышления).

Р. Мюллера.²⁰ На XIII Международном конгрессе историков Э. Ш. Вельскопф говорила о том, что самые разные греческие философы, деятели, писатели утверждали возможность прогрессивных перемен в обществе, многие из них ставили целью хотя бы ограниченные изменения, направленные на соответствующие человеческие потребности, надеялись на ступенчатое следование общественных структур, образования и воспитания (παιδεία) — достижение справедливости, демократии, мира, победу разума, прогресс в экономике.

Концепция поступательного развития в зародыше содержалась уже в мифологии. Даже совершенствование орудий труда в мифах Греции свершалось с помощью огня, принесенного Прометеем, в полете Дедала и Икара. Отвержение тяжелого, особенно бесполезного, труда выразилось в мифе о Тантале и Данаидах, а в лице Геракла — протест против рабской деятельности и мечта о наказании неблагодарных владык.²¹

Идея прогресса, притом не как дара неба, появилась у ранних греческих ученых. Ксенофан (VI в. до н. э.) говорил:

«Боги отнюдь не открыли смертным всего изначально,
Но, постепенно (χρόνῳ) ниша, лучшее изобретают».

(ФРГФ. 21 В 18. С. 172)

Художественные картины прогресса, изображенные в элегии Солона «Благозаконие», в драмах Эсхила и Софокла, проникнуты верой в силу и мощь человеческого разума, в постепенное подчинение им сил природы и общества. Сюда относятся знаменитые слова хора в «Антигоне» Софокла (332—364):

«Всяческих много в мире сил, но всех их человек сильнее»

(ст. 332, пер. В. О. Ниландера)

«Третья модель» выступала как философская концепция в V в. до н. э. у софистов, главным образом Протагора, еще раньше — у Анаксагора, затем — у Демокрита и была передана последующей философии. Правда, как и другие модели, она у них не абсолютна. В космическом плане теории Анаксагора и Демокрита отчасти развивают циклизм Эмпедокла: бесчисленные миры во Вселенной (Демокрит) рождаются, развиваются и гибнут.²² Анаксагор этого не говорил, но предполагал, что, если

²⁰ Вельскопф Э. Ш. Идея общественного прогресса в древности. М., 1970 (Welskopf E. Ch. Gedanken über den Gesellschaftsfortschritt im Altertum // XIII Межд. конгресс исторических наук. М., 1970); Müller R. Antike Evolutionstheorien und moderne Wissenschaft // Deutsche Zeitschrift für Philosophie. 1969. 4. S. 436—446; Antike Theorien über Ursprung und Entwicklung der Kultur // Das Altertum. 1968. 14. Berlin. S. 67—79; Die epikureische Gesellschaftstheorie. Berlin, 1972.

²¹ Welskopf E. Ch. Gedanken...

²² Для Анаксагора: Simpl. in Arist. Phys. 32, 28 (fr. 4); Рожанский И. Д. Анаксагор. М., 1972. С. 202—208, 296. — Для Демокрита: Лурье С. Я. Демокрит: Тексты. Перевод. Исследования. Л., 1970. № 343—360, 381—384.

бы возник другой мир, то он был бы полностью подобен нашему, так как космос — живой организм и может рождать только себе подобных. Миры Демокрита возникают из хаотичных вихрей частиц в бесконечном пространстве, поэтому они должны быть самыми разными. Но в их теориях общества модель прогресса решительно преобладает.

О теории Анаксагора больше всего можно гадать, чем утверждать; мы знаем о ней только из полемики Аристотеля. Анаксагор учил, что человек является самым разумным из животных «вследствие того, что он имеет руки» (ДК 59 А 102). Итак, прогресс совершился в природе, в мире живых существ. Была ли здесь, по мнению Анаксагора, последовательная связь между человеком и животными, мы не знаем. В развернутом (сравнительно) виде теория возникновения и поступательного развития общества и культуры была достоянием абдерской философской школы. Для Протагора она восстанавливается из одноименного диалога Платона (Plat. Prot. 320 с. — 328 с), а для Демокрита — из фрагментов и свидетельств, но главным образом — из I книги «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского (I, 8), откуда эта теория развития вошла во все издания досократиков и Демокрита.

Гипотеза о том, что взгляды, изложенные у Диодора, восходят к Гекатею Абдерскому (IV—III вв. до н. э.), была выдвинута еще в 1885 г. Э. Шварцом, а в 1912 г. К. Райнгардт обстоятельно аргументировал мнение, что через Гекатея они черпнуты из сочинения Демокрита. Сначала открытие Райнгардта не встретило возражений, но затем оно подверглось критике. Со временем мнение ученых о реконструкции Рейнгардта разделилось²³ примерно поровну между сторонниками и противниками.

Противникам Райнгардта удалось доказать, что космогония и зоогония, изложенные у Диодора, не восходят к Гекатею. Однако Диодор — не плагиатор, который списывает подряд из одного источника. Анализ его труда показывает, что он избирательно использовал многие, даже весьма ранние произведения,²⁴ в том числе сочинение «Aegyptiase» Гекатея Абдерского, последователя Демокрита. Теория развития общества, изложенная у Диодора, совпадает с теорией Протагора, рассказанной в виде мифа у Платона, с другими фрагментами Демокрита, с некоторыми местами труда Гиппократов, наконец, в некоторых де-

²³ Против выступали: Г. Властос, В. Шварц, П. Пфлигенсдорфф, Э. Спэрри; полностью или частично подтвердили: А. Норден, В. Альфиери, В. Кульман, Э. Целлер, Т. Коль, Ц. В. Мюллер, а также С. Я. Лурье и советские демокритоведы.

²⁴ Ср.: Строгоский В. М. Диодор Сицилийский и его «Историческая библиотека» в оценке историографии // ВДИ. 4. 1983. С. 176—186; Burton A. Diodorus Siculus. Book I. A commentary. Leiden, 1972.

талях даже перекликается с текстом законов Абдер.²⁵ Она возникла, таким образом, в V в. до н. э., в пору расцвета греческого полиса и отразила оптимизм еще восходящей демократии.

Теории Демокрита и Протагора, конечно, различались.²⁶ Однако обе они говорили о поступательном развитии человеческого общества в ходе борьбы за выживание от «звероподобного» состояния ко все высшим благам культуры и цивилизации. Согласно Демокриту, это происходило под влиянием нужды (*γυρῖα*), опасностей и потребностей, при постоянном учении (Diod. I, 8, 1—7, Л. 558). В «мифе» о Прометее и Эпиметее, по Протагору, после технических умений у людей в качестве нового дара богов появились и моральные устои: «Стыд», или «совесть» (*Αἰσῶς*), и «Правда», или «Справедливость» (*Δίκη*), которые стали залогом «политического искусства» (*πολιτική τέχνη*). Поскольку Стыд и Правда даны всем людям, то все способны научиться гражданской добродетели, а затем, следовательно, участвовать в делах полиса. Поэтому не без основания афинские граждане «выслушивают советы по общественным вопросам и от медника, и от сапожника и считают добродетель тем, что можно привить воспитанием» (Plat. Prot. 324 с.).²⁷ Таким образом, Протагор предвосхищал тезис Аристотеля о том, что человек (по мысли Аристотеля — грек) есть существо политическое (*ἄνθρωπος πολιτικόν*), но говорил несколько иначе: любой человек искони способен учиться быть гражданином демократического полиса и обществу свойственно развиваться в направлении демократии.

Демократ тоже учил о «стыде перед собой» как общечеловеческом качестве. Оба абдерита считали, что только людей без совести и нравственности — грабителей, убийц, пиратов, а видимо, и тиранов — надо изгонять из государства (Л. 621—623; Plat. Prot. 322d).

Теорию прогресса абдерской школы продолжил не Аристотель, а Эпикур,²⁸ затем — с телеологической направленностью — стоик Посидоний и некоторые римские писатели. Лукреций Кар (I в. до н. э.) в поэме «О природе вещей» нарисовал грандиозную картину эволюции мира, в которой идея прогресса охватывала космос, землю и все сферы человеческого общества. Вся V книга поэмы развивала мысли, изложенные в теориях Демокрита, Протагора, Эпикура, о восхождении людей ко все более

²⁵ Виц - Маргулес Б. Б. Взгляды Демокрита на социально-политическую организацию общества // ВДИ. 2. 1988. С. 153.

²⁶ Лурье С. Я. Демокрит... Комм. к № 558; Виц Б. Б. Демокрит. М., 1979. С. 113—117.

²⁷ «Миф» Протагора у Платона, по всей вероятности, соответствовал его философскому произведению «О первоначальном порядке вещей» (Diog. Laert. IX, 55).

²⁸ Подробный анализ соответствующей теории Эпикура см.: Müller R. Antike Evolutionstheorien...

высоким благам культуры в развернутом и продолженном варианте.

Не во всех частях этой поэмы присутствует модель прогресса, кроме того, она не закончена. А еще, как ни странно, этот величайший в античности поборник прогресса далеко не был оптимистом. Он жил в эпоху гражданских войн и террора. И Лукреций подчеркивает *противоречивость* и относительность прогресса, показывает, что за него люди платят очень дорого, изнурительным трудом, неравенством, войнами, страхом смерти, суеверием, и все это необходимо преодолеть. Тем не менее Лукреций, видимо, убежден в закономерности движения общества вперед.

Найденная в эпоху Возрождения поэма Лукреция через французских просветителей и Гердера повлияла на идеи нового времени. Интересно, что ее использовал Льюис Морган в 1-м варианте I главы книги «Древнее общество», а этот вариант был известен Ф. Энгельсу.²⁹ Такова связь времен.

В современной историографии идет спор о правомерности идеи прогресса. Но вряд ли люди откажутся от этого понятия. Идеи закономерности, но и противоречивости восходящего движения истории современность унаследовала от античности.

²⁹ Винников И. Н. Первый вариант первой главы книги Льюиса Моргана «Древнее общество» // Изв. АН СССР. Отд. общ. наук. 1937. № 4. С. 707—747.

О. А. ФЕДОТОВА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ (старшие софисты)

Во второй половине V в. до н. э. в философии и общественной жизни Греции появляется новое, так называемое софистическое, направление. Его появление было вызвано как ожесточенной борьбой идеологий, так и ростом общественного запроса на социальные знания. Потребность демократии и олигархии в теоретическом обосновании права на власть в полисе (особенно актуальная для демократии) требовала углубленного систематического изучения политических реалий. Кроме того, бурная жизнь полиса, его своеобразные политические институты ставили успехи граждан в зависимость от их политико-правовой подготовки, знания общественной психологии, умения выступать в качестве оратора. Обучать всему этому и брались софисты.

Оценивая софистику и ее место в истории общественной мысли, можно выделить несколько точек зрения. Согласно одной

из них, идущей еще от Сократа и его учеников, софистика — это «лже мудрость», ее носители — разрушители моральных ценностей, корыстолюбцы и шарлатаны, так что общественное мнение вправе относиться к ним крайне отрицательно. Согласно другому мнению, старшие софисты повторяли общераспространенные мнения, деятельность их ограничивалась практическими задачами, а значение состояло «исключительно в том, что они возвели в теорию то, чем руководствовалась практическая жизнь».¹ Но тогда вызывает недоумение острота конфликта софистических идей с полисной традицией.

В настоящее время растет интерес к софистике как явлению политической мысли. Многие авторы, не отрицая практической направленности софистики, говорят о ее достаточно высоком теоретическом уровне. Написано огромное количество работ по различным аспектам греческой политической мысли, где упоминаются софисты. Обозначим некоторые проблемы.

Прежде всего, это проблема возникновения греческой политической теории. Практически все авторы говорят о достаточно высоком развитии политического сознания греков до середины V в. Но можно ли говорить о возникновении политических теорий у предшественников софистов и натурфилософов — их современников? Некоторые исследователи отвечают на этот вопрос утвердительно: так, А. К. Бергер находит политическую теорию у Анаксагора,² Э. Хавлок — у Демокрита.³ Однако является фактом, что большинство авторов говорит о софистике.

Для ответа на этот вопрос следует четко определить, что такое политическая теория, чем она отличается от других форм теоретического знания. Как ни странно, эта проблема не рассматривается ни в одном труде, посвященном древнегреческой политической мысли. Например, А. Джонс задачи своей работы определяет следующим образом: «...реконструировать... демократическую политическую теорию и затем определить, насколько афинский народ жил по этим принципам в практической жизни».⁴ Таким образом, автор не видит разницы между демократической конституцией Афин, демократической идеологией (как теоретическим обоснованием этого государственного устройства) и политической теорией (как формой научного знания). Э. Хавлок считает возможным существование теории в виде афоризмов (у Демокрита), ссылаясь на якобы преобладающий в тот период устный характер традиции.⁵

¹ Гиляров Н. А. Греческие софисты. М., 1888. С. 41.

² Бергер А. К. Политическая мысль древнегреческой демократии. М., 1967. Гл. VI.

³ Havelock E. A. The Liberal Temper in Greek politics. London, 1957. Ch. VI.

⁴ Jones A. H. M. Athenian Democracy. Oxford, 1957. P. 39.

⁵ Havelock E. A. The Liberal Temper...

Речь идет о политической науке и теории, поэтому следует четко разграничивать научные формы теоретического знания от ненаучных. Последние могут быть достаточно организованы. Так, политико-правовая доктрина, по определению О. Э. Лейста, включает в себя, по крайней мере, три компонента: во-первых, логико-философскую или иную (например, религиозную) основу — методологический стержень учения; во-вторых, выраженное в виде понятийно-категориального аппарата содержательное решение вопросов о происхождении государства и права, закономерностях их развития, о форме, социальном назначении и принципах государственного устройства, об основных принципах права, его соотношении с государством, личностью, обществом; в-третьих, программные положения, оценки существующего государства и права, политические цели и задачи.⁶

Здесь мы видим ряд отличий доктрины от теории: первая может быть и ненаучной; она непосредственно направлена на сохранение или преобразование существующего строя и в этих целях адресована классу или социальной группе.

Посмотрим, что такое политическая теория. Общепринятых определений нет (даже для точных наук),⁷ поэтому придется разобрать самые общие понятия. Известно, что общественное сознание включает в себя идеологию, науку (точнее, науки естественные и точные) и «обыденное сознание», одним из элементов которого является общественная психология.⁸ Идеология определяется как «совокупность идей и взглядов, отражающих в более или менее систематизированной форме отношение людей к окружающей действительности и друг к другу и служащих закреплению или изменению существующих общественных отношений».⁹ Идеология выступает в форме политических, правовых, религиозных, философских и других взглядов. Идеологий может быть столько, сколько в обществе социальных слоев.¹⁰ Идеология возникает как теоретическое мышление, вырабатывается и развивается «мыслящими представителями своего класса».¹¹ Социальная психология, напротив, включает в себя «несистематизированные представления и идеи, а также социальные чувства и влечения».¹² Некоторые исследователи выделяют политическую психологию и полагают, что она вме-

⁶ Лейст О. Э. Методологические проблемы истории политических и правовых учений // Методологические и теоретические проблемы юридической науки. М., 1986. С. 41.

⁷ Рузавин Г. И. Научная теория: логико-методологический анализ. М., 1978. Введение.

⁸ Парыгин В. Д. Основы социально-психологической теории. М., 1971. С. 45.

⁹ Игитханян М., Келле В., Ковальзон М. Идеология // Философская энциклопедия. Т. 2. М., 1962. С. 229—230.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 518; Т. 14. С. 293 сл.

¹¹ Там же. Т. 41. С. 52—53.

¹² Формы общественного сознания. М., 1960. С. 12.

сте с политической идеологией составляет политическое сознание общества или класса.¹³

В «Философской энциклопедии» теория определяется как «форма достоверного научного знания, представляющего собой систему взаимосвязанных между собой утверждений и доказательств и содержащего методы объяснения и предсказания явлений данной предметной области».¹⁴ Это определение представляется недостаточным: не всякая теория гуманитарных наук способна на предсказание; кроме того, в истории наук есть теории, ошибочность которых была (или будет) доказана позже. Существуют и другие определения теории.¹⁵ Можно предложить следующее определение: теория — это строго организованная иерархическая система поддающихся проверке утверждений, объединенных вокруг общего принципа, включающая в себя законы и понятийно-категориальный аппарат, с помощью которых описываются и объясняются явления и закономерности материального или духовного мира. Соответственно политическая теория описывает и объясняет явления и закономерности политической жизни общества: проблемы возникновения и эволюции государства и его институтов, права, организации и функционирования государственной власти, политических отношений, а также политического сознания.

Несколько лучше исследованы вопросы строения теории. По мнению большинства исследователей, в основе теории лежит принцип. Далее следуют законы разной степени общности, понятия и суждения, а также, по мнению некоторых авторов, гипотезы и факты.¹⁶ Важное отличие теории — ее иерархическая структура и логические связи элементов. Теории бывают разных уровней, в том числе описательные и объяснительные. Кроме того, следует учитывать, что теорию можно рассматривать как завершенную (т. е. некий результат познавательной деятельности), при этом основное внимание уделяется ее структуре, или же как процесс формирования, развития и обобщения научного знания.

Таким образом, точное определение и разграничение основных понятий позволяет более тонко определить как общий вклад софистов в формирование общественных наук, так и характерные черты воззрений отдельных политических мыслителей этого периода древнегреческой истории. На примере старших софистов, таким образом, представляется возможность рассмотреть проблему возникновения отдельных научных теорий

¹³ Азаров Н. И. В. И. Ленин о политике как общественном явлении. М., 1971. С. 29.

¹⁴ Попович М., Садовский А. Теория // ФЭ. Т. 5. С. 205.

¹⁵ Рузавин Г. И. Научная теория. С. 8; Андреев И. Д. Теория как форма организации научного знания. М., 1979. С. 9.

¹⁶ Ср. статьи по таким сюжетам, как закон, понятие, суждение и т. п., в «Философской энциклопедии».

и греческой политической науки, установить критерии классификации теоретических политических систем, в большом количестве возникавших в Греции в V в. до н. э., проследить их отношения с политической идеологией этого периода.

Развитию политической мысли в Греции способствовал, как отмечают исследователи, целый ряд благоприятных условий. Это — многочисленные города-государства, изменчивость их политических форм, по сравнению с «застывшей» варварской периферией, развитие колонизации, появление в VII—VI вв. новых политических форм (демократия, тирания). У софистов выработке аналитического отношения к полису способствовали и частые их переезды из города в город. Появление политических теорий ускорил начавшийся кризис полиса: ведь, по словам К. Маркса, «размышления над формами человеческой жизни, а следовательно, и научный анализ этих форм... начинается *post factum*, т. е. исходя из готовых результатов процесса развития».¹⁷

В условиях острой политической борьбы демократия больше, чем олигархия, нуждалась в теории государства и права. Идеология аристократии сложилась раньше и могла опираться на готовый уже материал: мифы, предания, эпос, историческую традицию об устройстве своего полиса. Демократическая идеология, не имея возможности опереться на традицию, ищет другие пути. Это и придание «демократического оттенка» древней царской власти (Aeschyl. Suppl. 366 sq.; 397sq.; 760sq.; Eur. Suppl., 352 sq.; Heracl., 422 sq.), и подчеркивание пагубности недемократических форм правления как для государства, так и для самого правителя (Aeschyl. Suppl., 900 sq.; Soph. Oed.-rex, 860 sq., Antig., 748—751; Eur. fr., 172 Nauck²). и сравнение с варварскими государствами, естественно, не в пользу последних (Aeschyl. Pers., 584 sq.; Her., VII, 101—105). Кроме того, достаточно рано появляется апелляция к «природе»; неудивительно, что проблема догосударственного состояния общества начинает интересовать мыслителей.

Возникающая наука об обществе нуждалась в определенной методологической основе. На наш взгляд, пресловутое «многознание» софистов объяснялось отчасти этим. Проблемы познания мира; место в нем человека; проблема критерия истины; соотношение «истинного» и «полезного», т. е., по-видимому, теоретических представлений и практической деятельности, — все это интересовало софистов. Софисты занимались проблемами специфики научного знания (Протагор, Горгий), интересовались «различением понятий» (особенно Продик). Все они занимались риторикой, многие — логикой, математикой, т. е. анали-

¹⁷ Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 85.

зировали способы аргументации, что, несомненно, способствовало становлению теории.

Первым шагом к созданию политической теории был отказ от сверхъестественного в объяснении общественных явлений. Как известно, первым из софистов заявил о невозможности знания о богах Протагор (Diog. L., IX, 51). Хотя репутацию атеистов имели почти все представители старшей софистики, полное отрицание существования богов было свойственно, насколько можно судить, лишь двум из них. Так, Продик объяснял возникновение человеческих представлений о богах обожествлением изобретателей и полезных для человека вещей (воды, хлеба, огня); возникновение религиозного культа ставится в связь с благами земледелия (фр. В 5). Если псевдоплатоновский диалог «Аксиох» отражает общий смысл учения Продика, то можно думать, что софист с Кеоса скептически относился к загробному существованию, а вследствие этого и к культу умерших (366 b). Отрицал существование богов и Критий, причем не только теоретически, но и на практике. Он участвовал в разрушении герм в 415 г., а в 404 г. без колебаний приказал оторвать от алтаря и увести на казнь Ферамена (Хеп. Hell., II, 3, 48). По мнению Крития, удачу посылают людям не судьба или боги, «удача является союзником разумно мыслящим» (В 21). Богов он устами Сизифа объявляет выдуманной людьми «сладчайшей ложью» (В 25). Таким образом, в своем отрицании богов Критий был весьма последователен.

Из других софистов, опровергавших традиционные представления о богах, можно назвать Гиппия и Антифонта. Возможно, Гиппий не отрицал существование богов (Хеп. Мет., IV, 4, 19), однако он критиковал обычные представления о них. На основании своих этнографических занятий он не считал божественным установлением, например, запрет кровосмесительных браков (ibid., 21). Не исключено, что обобщение софистических идей, которое Платон дает в «Законах», опирается на учение Гиппия: «...боги существуют не по природе, а в силу искусства и некоторых законов, причем в различных местах они различны сообразно с тем, какими каждый народ условился их считать при возникновении своего законодательства» (889e. — *Пер. А. Н. Егунова*). Что касается Антифонта, то из его космогонической теории (В 23—32) можно сделать вывод, что он не признавал учения о создании богами космоса. Причиной образования Вселенной он считал некий первовихрь (В 25; ср.: Aristoph. Nub., 378). По словам Оригена, Антифонт «отрицал провидение в книгах, озаглавленных „Об истине“» (В 12).¹⁸

¹⁸ Мы не решились бы утверждать вслед за С. Я. Лурье, что Антифонт был атеистом (См.: Лурье С. Я. Антифонт — творец древнейшей анархической системы. М., 1925. С. 120 сл.). Быть может, он не признавал активной роли богов (Ср.: Фрасимах: В 6).

Разумеется, софисты не были одиноки в своем религиозном скептицизме: и до них, и после многие мыслители выражали сомнение в тех или иных положениях религиозных верований. Но говорить о стройной и логически законченной системе взглядов можно, только начиная со старших софистов; в какой-то мере они являются предшественниками научного атеизма.

Мы видим, что в исследованиях софистов «мерой» человеческого поступков, общественных явлений выступает не божество, а сам человек. В «Истине» Протагор сформулировал этот основной принцип софистической гносеологии: «человек есть мера всех вещей, существующих, что они существуют, и несуществующих, что они не существуют» (Sext Adv. math., VII, 60). Протагор, как передает Эмпирик, считал, что «причины всего, что является, лежат в материи»; «материя текуча» (Pyrrh., I, 217 sq.); «душа же есть не что иное, как ощущение» (Diog. L., IX, 51).

Софист из Абдеры много занимался спецификой познания, в том числе научного. В своем сочинении «О науках» он, по словам Лазерция, утверждал, что «о всякой вещи есть два мнения, противоположных друг другу» ... и «еще он говорил, что все истинно» (IX, 51). Согласно Платону, Протагор не признавал критерия истинности: «(хорошие представления) некоторые по незнанию называют истинными, я же признаю лишь одни лучшими, чем другие, но отнюдь не более истинными» (Theaet., 167 b). Это и другие высказывания софиста Платон сводит к утверждению, что знание есть ощущение и что «противоречить невозможно» (ibid; Euthyd., 286). Вслед за Платоном многие авторы говорят о крайнем релятивизме и субъективизме Протагора.¹⁹

Однако из того, что «о всякой вещи можно говорить за и против» (А 20), а каждое противоположное мнение не более истинно, чем другое, вовсе не следует вывод о «невозможности противоречить». Из этого следует, говоря современным языком, что ни одно теоретическое утверждение не может быть верифицировано по формально-теоретическим критериям. Это важный шаг, так как при общем созерцательном характере античного знания «даже самоочевидная истина... известная из многовекового опыта, получала в античности статус истинности только в том случае, если подтверждалась силлогизмом, т. е. была теоретически выведена».²⁰

Критерий различения высказываний (суждений), поскольку он, по мнению Протагора, определенно существует (Theaet., 116 d), следует, таким образом, искать в другой области, а именно — в практической. К такому мнению приходят и некоторые другие авторы, например А. С. Богомолов: «Возникающий

¹⁹ Например: Асмус В. Ф. Античная философия. М., 1976. С. 98.

²⁰ Лосева И. Н. Проблемы генезиса науки. Ростов н/Д, 1979. С. 37.

релятивизм смягчается у Протагора за счет различия... „лучшего” и „худшего”, сводимых к жизни „по природе” и жизни „противоестественной” соответственно». ²¹ В этом же сочинении «О науках» софист говорил о математике и других науках, полемизируя с теми, кто ими занимался. Судя по Аристотелю, Протагор доказывал, что науки рассматривают не чувственно воспринимаемое, а абстрагированные схемы (*Met.*, II, 2, p. 997 b 32).

Проблемами гносеологии занимался и Горгий. Секст Эмпирик называет его, как и Протагора, в числе «отрицавших критерий» (истины. — *Adv. math.*, VII, 5). В полуироническом сочинении «О несуществующем или о природе» Горгий, по словам Эмпирика, устанавливал три положения: «одно — именно первое — что ничто не существует; второе — что если что и существует, то оно непознаваемо для человека; третье — что если что и познаваемо, то все же, по крайней мере, непередаваемо и необъяснимо для ближнего» (*Пер. А. О. Маковельского*). ²² Обосновывая последнее утверждение, софист говорит о том, что речь (слово) по своей природе не отражает окружающего мира и сущности вещей. «Ведь то, посредством чего мы сообщаем, есть слово; слово же не есть субстрат и бытие. Следовательно, мы сообщаем не то, что существует, но слово ... Слово не отражает внешнюю вещь. Сильно отличаются видимые тела от слов» (84—85).

Таким образом, Горгий углубляет мысль Протагора, показывая, что между человеческим разумом, ощущением и познаваемым миром стоит еще одна созданная людьми конструкция — язык. Софист из Леонтин нащупывает целый узел вопросов, на которые до сих пор пытается ответить наука: как соотносятся слова (язык) и «внешние вещи»; может ли слово отразить сущность предмета, его «субстрат»? Речь идет, в сущности, о знаковом характере языка, возможности различия между знаком и значением. Как и Протагор, Горгий не отрицает полностью существование критериев для различения теоретических высказываний. Он четко разделял «мнение» и «истину» (В 11 а 24), «быть» (т. е. положительную сущность вещи) и «казаться» (ее «отрицательную сущность», В 26). О соотношении разума и чувств, возможности правильного познания мира рассуждал Антифонт в «Истине» (В 1); Критий в книгах «Бесед» (В 40—42). У Гиппия Элейского, по-видимому, также было сочинение о науках (по истории математики? — В 12; В 17).

Все софисты, как известно, занимались языкознанием, разрабатывали способы аргументации. Протагор в сочинении «Ис-

²¹ Богомолов А. С. Античная философия. М., 1985. С. 120.

²² На иронический характер этого произведения Горгия указывали многие авторы: Лурье С. Я. Очерки по истории античной науки. М.; Л., 1947. С. 124; Solmsen F. Intellectual experiments of the Greek enlightenment. New Jersey, 1975. P. 20.

кусство спорить» говорил о видах речи, родах слов, погрешностях в языке; согласно Лаэртию, он разбирал здесь «новые способы выведения умозаключений относительно поставленных тем» (IX, 52—53; Aristot. Rhet., III, 5, 1407 b 6). Сочинение по теории ораторского искусства было и у Горгия (Diog. L., VIII, 58). Особенно славился в этой области Прodik: древние авторы неоднократно упоминают его «науку о различении имен», особую тщательность в различении понятий, по мнению Аристотеля, иногда чрезмерную (Top., II, 6, 112 b 22; Plato Protag., 337 a—c, 340 a; Craiy!, 384 b). Занимался языкознанием Гипий (Plato. Hip. maj., 285 b; Hip. min., 368 b). Антифонт был прозван «поваром слов» (A 1); известно название его сочинения «Ораторское искусство». Название «Ораторские введения» зафиксировано и для Крития (B 43).

Софисты активно занимались этнографией, историей племен и народов, некоторые описывали политические устройства греческих городов. Об этом свидетельствуют сохранившиеся фрагменты и названия сочинений: у Протагора — название сочинения «О начатках человеческого общества» (A 1); у Горгия экскурс в «Защите Паламеда» (B 11 a 30); у Гиппия труд «Названия народов» и «вообще всяческая археология» (Plato. Hip. maj., 285 b); у Крития «Политии» (B 32—37; A 22) и экскурс в «Сизифе» (B 25); у Антифонта, судя по фрагментам, было много этнографических данных в труде «О единомыслии» (B 45—47). Все эти занятия старших софистов создавали методологическую основу и предпосылки для возникновения политических теорий.

Выше мы определили сформировавшуюся политическую теорию как строго организованную иерархическую систему поддающихся проверке утверждений, объединенных вокруг общего принципа, включающую в себя законы и понятийно-категориальный аппарат, с помощью которых описываются и объясняются явления и закономерности политической жизни. Рассмотрим, исходя из этого, политические теории софистов, не забывая, что они находились в процессе становления.

Основной принцип софистических теорий — антропологизм, «понимание человека как высшего продукта природы».²³ В софистических построениях много места уделяется законам — как законам природы, так и тем, по которым реально функционирует человеческое общество. Имеется развитый понятийно-категориальный аппарат, используются высоко абстрагированные понятия, такие, как *πόλις*, *δίκη*, *νόμος*, *δημοκρατία*, *ὀλιγαρχία*, *τιραννίς* и др.

Софистов интересовали проблемы человеческого общества с момента его возникновения. Они не идеализировали «естественное состояние» человечества. В отличие от своих предшест-

²³ Антропологизм // Философский словарь. М., 1972. С. 22—23.

венников — натурфилософов, они понимали, что догосударственное состояние людей представляет собой в социальном плане беззаконие и что для создания цивилизованного общества недостаточно одного материального прогресса, он непременно должен быть дополнен прогрессом социальным, в результате которого утверждаются право и закон. Некоторые софисты противопоставляли «закон» «природе», т. е. естественным правам людей. Условность, «искусственность» законов была для них очевидна: авторами законов они считали либо одного выдающегося человека, либо группу людей. Однако из этого противопоставления не следует отрицание софистами законности. Как сказано, софисты не идеализировали догосударственное состояние, были реальными политиками и поэтому высоко оценивали законы и государственность вообще, безотносительно к государственному устройству.

Наиболее разработанной политической теорией была созданная софистами договорная теория, логически связавшая основные моменты возникновения государства и права. Потребность в праве, доказывали софисты, не была заложена в человеке изначально. Они пытались объяснить, почему люди вступили в государственное общение, что приобрели или потеряли, став гражданами цивилизованного общества. До нас дошли от этого периода три теории договора: Гиппия, Антифонта и неизвестного софиста, которую Платон излагает в «Государстве» (358 e — 359 a).²⁴

Много внимания старшие софисты уделяли теоретическому обоснованию тех или иных форм государственного устройства. Создателем первой теории демократии справедливо называют Протагора, который рассуждал о равной причастности всех людей к политической добродетели. Олигархическую теорию создал другой представитель старшей софистики — Горгий Леонтинский. По его мнению, люди изначально не равны по природе, более слабые подчиняются сильным и управляются ими. В отличие от апологетов тирании, софист считал, что сильные по природе или вследствие подготовки должны снисходительно относиться к слабым, не злоупотреблять своим превосходством.

Развитие олигархических идей шло в это время по направлениям идеализации спартанского устройства и разработки в соответствующем духе идеи о строе отцов (*πάτριος, πολιτεία*). Возникает ситуация, когда идеолог олигархии является одновременно автором теории, ничего общего с олигархической идеологией не имеющей. Таков Антифонт, с именем которого связывается разработка олигархического варианта «отеческого

²⁴ Подробнее см.: Федотова О. А. Взгляд старшей софистики на возникновение цивилизованного общества и государства // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. История, язык, литература. 1983. № 20. С. 100—105; а также: Общественно-политические взгляды софиста Гиппия // Проблемы политической истории античного общества. Л., 1985. С. 115—124.

строю» (Антифонт возглавлял олигархический переворот 411 г.). В созданной им теории Антифонт утверждал, что по природе нет разницы между варварами и эллинами, знатными и незнатными. Основное место в его теории занимает индивид, враждебный всякому государству, презирающий «надуманные» законы. У Крития также нет олигархической теории. Как идеолог он идеализировал спартанский строй, а на практике возглавлял протиранический режим 404 г. и, видимо, вполне разделял взгляды апологетов тирании.

Занимались софисты проблемами личности, мотивами ее поведения, говорили об идеально образованном гражданине.

Итак, старшие софисты выступали создателями первых политических теорий. Но созданные ими теории сразу же оказались в состоянии конфликта с традиционной полисной идеологией, как олигархической, так и демократической. Демократическая идеология этого периода, в формирование которой внесли свой вклад Анаксагор, Демокрит, Перикл и многие другие, была формой теоретически систематизированной, но отнюдь не научной. Ее духовной основой был культ общинно-гражданской сущности, выражавшейся прежде всего в почитании общеполисных богов. Кроме того, если идеология как теоретическая система должна учитывать состояние общественной психологии на данный момент (каково бы ни было мнение отдельных идеологов), то наука в своем развитии не сделает и шага, если будет опираться на истины «здравого смысла».

Отказ от сверхъестественного (хотя необходимости религии софисты не отрицали), радикальная переоценка ценностей, демонстративное, с точки зрения обыденного сознания, пренебрежение существующими представлениями, — все это вместе взятое явилось приметой возникающей науки об обществе. Здесь следует учитывать и психологический момент. Как замечает А. С. Арсеньев, существенно новая теоретическая концепция всегда выступает как новый способ мышления о мире. «Возникает новый способ мышления о мире и одновременно новый мир, ибо тот мир, который видит субъект теперь, существенным образом отличается от того, который он знал раньше», этот новый мир к тому же «кажется ему произведением его собственного изменившегося мышления».²⁵ Естественным, это вызвало критическое отношение к полису не только самих софистов, но их учеников и слушателей.

Подводя итоги, отметим, что до софистов существовала развитая политическая идеология (как олигархическая, так и демократическая), которая была теоретически систематизированной, но не научной формой знания об обществе. Старшие софисты занимались разработкой общенаучных проблем и вопро-

²⁵ Арсеньев А. С., Библер В. С., Кедров Б. М. Анализ развивающегося понятия. М., 1967. С. 277—278.

сов и создали методологическую основу общественных наук. Ими были созданы первые политические теории, которые вполне отвечают современным представлениям о теории, ее структуре, понятийном аппарате. В своих теоретических обоснованиях сами софисты, как правило, не выходили за рамки полиса. Но конфликт с традиционной полисной идеологией и психологией был «запрограммирован» уже в самом подходе софистов к политическим реалиям общества. Появление новой формы теоретического знания, именно научной, и попытки практического воплощения софистических идей способствовали преодолению полисных рамок.

Ю. Г. ЧЕРНЫШЕВ

«КТО БЫЛ НИЧЕМ, ТОТ СТАНЕТ ВСЕМ»

(к вопросу об идеологии восстаний рабов во II—I вв. до н. э.)

Пожалуй, ни одна проблема древней истории (за исключением разве что проблемы возникновения христианства) не пострадала столь сильно от тенденциозных и модернизаторских концепций, как проблема идеологии восстаний рабов. По целому ряду причин эта проблема почти никогда не была предметом чисто академического беспристрастного исследования: напротив, по крайней мере, со второй половины XIX в. она постоянно служила полем столкновений между сторонниками и противниками теории классовой борьбы. Характерно, что даже в немарксистской историографии (особенно в 20—50-е годы нашего столетия) распространяются суждения о деятельности «рабского Интернационала», о «первой международной революции трудящихся», произошедшей во II в. до н. э., о «молниеносном взрыве социализма» и т. д.¹ Тем более неравнодушное отношение к восстаниям рабов проявилось со стороны некоторых марксистов: достаточно напомнить, например, что сам К. Маркс называл Спартака «истинным представителем античного пролетариата» и «самым великолепным парнем во всей античной истории».² Коммунистическая партия Германии, возникшая в декабре 1918 г., образовалась, как известно, на основе организации, называвшейся «Spartakusbund» — «Союз Спартака». В революционном сознании 20-х годов Спартак запечатлелся как «свой человек в античной истории», и этот

Ю. Г. Чернышев, 1995

¹ См., напр.: Бюхер К. Восстания рабов 143—129 гг. до Р. X. Л., 1924. С. 123; Walter G. Histoire du communisme. T. 1. Paris, 1931. P. 551; Oertel F. Klassenkampf, Sozialismus und organischer Staat im alten Griechenland. Bonn, 1942. S. 52.

² Маркс К. Письмо Ф. Энгельсу от 27 февраля 1861 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 30. С. 126.

факт, в частности, нашел своеобразное отражение в наименованиях улиц и площадей (Спартакoвская улица в Москве, площадь Спартакa в Барнауле и т. д.).

На I Всесоюзном съезде колхозников-ударников в 1933 г. И. В. Сталин обронил знаменитую фразу о том, что «революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся».³ Эта фраза повлекла за собой разработку теории о двух фазах «революции рабов» (при этом революция растягивалась более чем на пять столетий), теории о союзе рабов с «попутчиками» — беднейшим крестьянством и т. д. Когда наступила «оттепель», эти взгляды подверглись справедливой критике (в частности, в работах К. М. Колобовой, А. Р. Корсунского, С. Л. Утченко, Е. М. Штаерман⁴) и, казалось бы, навсегда канули в Лету, однако они отнюдь не были преодолены окончательно. Ярким свидетельством этого стала книга В. А. Лескова, опубликованная сравнительно недавно в издательстве «Молодая гвардия». Чтобы нагляднее представить стиль и содержание книги, приведем большую цитату: «Разворачивая борьбу против Рима, стараясь сделать ее всеиталийской, Спартак и его товарищи из гладиаторов на ряде совещаний рассмотрели важнейшие вопросы повстанческого движения. Вместе они приняли ряд программных документов, определивших цели восстания, текущие и перспективные, а также общее направление политики в отношении возможных союзников. (...) Относительно же последнего (т. е. будущего. — Ю. Ч.) вожди восстания дали вполне определенное заверение: в случае победы над сенатом будут приняты меры, ломающие политическую и социальную структуру Италии, способствующие установлению всеобщей справедливости — „Государства Солнца“! О том, что именно оно будет из себя представлять, давали разъяснения философы, находившиеся в окружении Спартакa. Ибо, подобно тому как Аристоник в Пергаме держал у себя в качестве советчика и наперсника философа Блоссия, друга Тиберия Гракха, а Александр Македонский — Аристотеля и еще немало других (здесь неточность: Аристотеля Александр при себе не «держал». — Ю. Ч.), так и

³ Подробнее о влиянии данного тезиса на развитие советской историографии см., напр.: Колобова К. М. Восстания рабов в античном обществе V—I вв. до н. э. // Проблемы всеобщей истории. Л., 1967. С. 7 и сл.

⁴ См., напр.: Штаерман Е. М. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1964. С. 30 и сл.; Колобова К. М. Второе сицилийское восстание рабов (104—99 гг. до н. э.) // *Eirene. Studia Graeca et Latina*, II. Прага, 1964. С. 111 и сл.; Утченко С. Л. Древний Рим. События. Люди. Идеи. М., 1969. С. 52 и сл.; Корсунский А. Р. О социальных революциях в докапиталистических формациях // Проблемы теории социальной революции. М., 1976. С. 40 и сл. — О современной историографии см.: Кузищин В. И., Штаерман Е. М. Проблемы классовой структуры и классовой борьбы в современной историографии античности // ВИ. 1986. № 10. С. 61—77.

«Спартак вовсе не чуждался общения с философами».⁵ Далее автор высказывает предположения, что Спартак мог встретить философов, например, в бане или любом другом месте; от них он заразился идеей «Солнечного государства», а когда стал полководцем, то создал у себя «целый штат певцов и сказителей», к которым он добавил «тех италийских и греческих философов, которые приходили к нему».⁶

Разумеется, ни о «ряде программных документов», ни о свите философов, ни о построении солнечного государства в Италии нет даже и намека ни в одном из трех десятков дошедших до нас источников по истории восстания. Создается впечатление, что автор просто механически вставил «Спартака и его товарищей из гладиаторов» в современный, насыщенный «канцеляризмами» текст, повествующий о борьбе какой-то оппозиционной партии нового времени. Приведенная цитата демонстрирует лишь одну из обозначившихся в историографии крайностей — утверждение, что рабы заранее и на теоретическом уровне расписали все «текущие и перспективные» цели и задачи восстания, действуя строго в соответствии с намеченной программой.⁷ Другая крайность, на наш взгляд, проявляется в суждениях, полностью отрицающих наличие какой бы то ни было собственной идеологии у восставших. Если снова взять в качестве примера восстание Спартака, то Джон Фергюсон, например, в своей книге об античных утопиях очень коротко замечает, что Спартак «был не утопистом, а практичным человеком с ограниченными стремлениями».⁸ Сходное суждение высказал и такой известный специалист по восстаниям рабов, как Йозеф Фогт: Спартак был человеком действия, и его (как и пошедших за ним фракийцев, кельтов, германцев) «не интересовали теоретические размышления».⁹ При этом Й. Фогт ссылается на мнение Аристотеля о том, что живущие в северных странах варвары преисполнены мужества, но недостаточно наделены умом, а потому неспособны к государственной жизни (Polit., VII. 6. 1=1327 b 23 sq.). Суждения о том, что в древности (по крайней мере, до возникновения христианства) «низы» не имели собственной идеологии, можно встретить и в некоторых недавно вышедших работах советских востоковедов,

⁵ Лесков В. Спартак. М., 1983. С. 161—163.

⁶ Там же. С. 163, 258—259.

⁷ К данному направлению примыкает, в частности, статья Л. А. Ельницкого, в которой утверждается, что вождь Первого сицилийского восстания Эвн был выразителем «утопических социальных идей, вышедших из философских учений платоновской и стоической школ и развитых революционными мыслителями-утопистами типа Ямбула и Блоссия» (Ельницкий Л. А. Из истории революционной идеологии эллинизма. Эвн как царь Сатурналий // ВИМК. 1957. № 6. С. 68).

⁸ Ferguson J. Utopias of the classical world. L., 1975. P. 157.

⁹ Vogt J. Ancient slavery and the ideal of man. Cambridge, Mass., 1975. P. 60.

а также в весьма содержательной книге В. А. Гуторова о греческой социальной утопии.¹⁰ Такие суждения, впрочем, нередко высказываются как бы в скрытой полемике с распространенным прежде представлением об утопических коммунистических и социалистических идеалах, будто бы вдохновлявших угнетенных на борьбу против рабовладельцев-эксплуататоров.

Основная цель данной статьи — попытаться определить, играл ли идеологический фактор сколько-нибудь существенную роль в ходе восстаний и определял ли он те черты организации восставших, которые в литературе довольно часто называют «коммунистическими» или «социалистическими». При этом необходимо отметить, что в подробном монографическом исследовании было бы целесообразно сначала разобрать все свидетельства источников и только потом формулировать выводы. В данной же статье, учитывая ограниченность ее объема, придется сразу в тезисном порядке изложить уже готовые выводы, приводя в их обоснование лишь наиболее важные аргументы. Итак, если предельно кратко отвечать на вопрос, какие факторы определили такие черты организации восставших, которые дают повод говорить о «коммунизме» или «социализме» (пусть даже в кавычках), то здесь, на наш взгляд, по степени важности можно выделить три основных фактора: 1) сама логика развития событий, экстремальные условия борьбы при враждебном окружении; 2) социальный опыт и традиции, которые были приобретены восставшими у себя на родине еще до обращения в рабство; 3) элементы санкционирующей восстание идеологии, имевшей, как правило, религиозную окраску. Остановимся немного подробнее на каждом из этих пунктов.

1. Внимание исследователей утопических идей часто привлекают указания Аппиана (В. С., I, 117) и Плиния Старшего (N. H., 33, 2—3) на то, что Спартак разделял захваченную добычу поровну, запретив при этом принимать от купцов золото и серебро и, напротив, поощряя приобретение железа и меди, из которых изготовлялось оружие. Являются ли эти указания свидетельством о наличии какой-то определенной программы построения нового общества? Согласно выводам А. В. Мишулина, здесь вполне можно говорить о «некоторых идеях уравнительности и потребительского социализма» или «потребительского коммунизма».¹¹ Й. Фогт определил образ жизни спартаковской армии как «разновидность коммунизма

¹⁰ См.: История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 1. Месопотамия. М., 1983. С. 468; Гуторов В. А. Античная социальная утопия. Вопросы истории и теории. Л., 1989. С. 49.

¹¹ Мишулин А. В. 1) Спартакоское восстание. Революция рабов в Риме в I веке до н. э. М., 1936. С. 89; 2) Спартак. Научно-популярный очерк. М., 1950. С. 83.

военного времени»,¹² а японский специалист по истории восстаний рабов Масаоки Дой предложил свое уточненное определение — «примитивный коммунизм».¹³ Однако само употребление терминов «коммунизм» или «социализм» в любом из названных вариантов не вполне оправдано, так как разделение добычи поровну свидетельствует скорее о преобладании эгалитарных тенденций; что же касается запрещения владеть золотом и серебром, то оно вполне объясняется крайне остро стоявшей задачей обеспечения оружием и предотвращения маордерства, морального разложения и раздоров в условиях постоянной опасности. В качестве косвенного подтверждения этому можно привести несколько параллельных примеров, показывающих универсальность такого явления. Пример Древней Спарты служит достаточно убедительным свидетельством того, что сама обостренная необходимость быть всегда готовыми к отражению внезапного нападения — как внешних врагов, так и илотов — неизбежно приводила к установлению жесткой дисциплины, уравнительного ограничения потребностей в «общине равных». Это находило отражение, в частности, в таком отнюдь не случайном совпадении: спартиатам, как позднее и спартакотцам, было запрещено торговать золотом и серебром: в качестве денег у них использовались, выражаясь современным языком, «не конвертируемые» железные прутья. Все это, разумеется, не дает нам оснований всерьез говорить о «коммунистических» взглядах господствующего класса-сословия в Спарте.

Другой пример того, что экстремальные условия как бы «подталкивают» человеческие сообщества к уравнительным тенденциям, дает история первоначального христианства. Как известно, Ф. Энгельс вынужден был признать: «Следы общности имущества, которые также встречаются на первоначальной стадии новой религии, объясняются скорее сплоченностью людей, подвергавшихся гонениям, чем действительными представлениями о равенстве».¹⁴ Наконец, еще один пример из совсем уже недавней истории. В пятой части «Архипелага ГУЛАГа» А. И. Солженицын приводит сведения об уникальном восстании заключенных в Кенгирском лагпункте летом 1954 г. В течение 40 дней 8 тыс. объединившихся вместе политических и уголовных заключенных, мужчин и женщин, жили независимой автономной общиной, наладили изготовление оружия, успели даже соорудить небольшую электростанцию, пока восста-

¹² Vogt J. Ancient slavery... P. 61.

¹³ См.: Попова-Милева С. Отноительно трудов профессора Масаоки Дой о восстании Спартака // Spartacus Symposium rebus Spartacigestis dedicatum 2050 A. Blagoevgrad, 20—24. IX. 1977. Sofia, 1981. S. 28; ср. также: Халдеев В. В. Проблемы восстания Спартака в работах Масаоки Дой // ВДИ. 1984. № 4. С. 171—177.

¹⁴ Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 105—106.

ние не было подавлено с помощью танков.¹⁵ Следуя логике А. В. Мишулина и некоторых других авторов, в этом восстании тоже можно было бы обнаружить коммунистические тенденции.

Наконец, еще один эпизод из истории второго восстания рабов на Сицилии. Один из вождей этого восстания, киликиец Афинион, согласно рассказу Диодора (XXXVI, 5, 2—3), принимал в войско лишь лучших, а остальным приказывал поддерживать порядок в хозяйствах, беречь как свои собственные страну, животных и запасы продовольствия, ибо боги, по его словам, посредством звезд возвестили, что он станет царем всей Сицилии. По интерпретации А. В. Мишулина, данное свидетельство «заставляет сделать предположение о некоторого рода коллективном управлении этой собственностью, ставшей теперь собственностью рабов».¹⁶ Несколько иной акцент сделал Й. Фогт: «Если здесь и были какие-либо коммунистические тенденции, они даже и в этом случае не остановили свободный пролетариат перед грабежами и убийствами, и в целом между бедными и порабощенными не было никакого единства».¹⁷ На наш взгляд, ключом к разгадке этого сообщения является все-таки то, что Афинион уже представлял себя не только в роли назначенного богами царя Сицилии, но и в роли верховного собственника сицилийских земель — отсюда и дальновидное проявление заботы монарха о процветании принадлежащей ему державы. Даже если не исключать возможность спекулятивного использования Афинионом идеи о «естественном состоянии», все равно анализ источников неизбежно приводит к выводу, что формы организации восставших рабов на Сицилии во многом строились по образцу организации эллинистических монархий, т. е. тех форм государства, которые существовали на родине большинства восставших.¹⁸ Данный факт служит лишь одним из многих аргументов в пользу второго пункта наших выводов.

2. То, что рабы в значительной степени руководствовались социальным опытом, приобретенным на родине, особенно ярко показывают Сицилийские восстания. С определенными оговорками можно сказать, что и в первом, и во втором восстаниях фактически были предприняты попытки возродить независимое национальное государство в форме монархии по образцу державы Селевкидов (во время второго восстания были использованы также некоторые атрибуты греческой и римской высшей

¹⁵ См.: Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ. Опыт художественного исследования // Новый мир. 1989. № 11. С. 109—135.

¹⁶ Мишулин А. В. Спартаковское восстание. ... С. 72.

¹⁷ Vogt J. Ancient slavery. ... P. 59.

¹⁸ Ср., напр.: Машкин Н. А. История Древнего Рима. М., 1948. С. 209; Кузищин В. И. Государство рабов в Сицилии // История. Научно-популярные очерки. М., 1985. С. 14—19; Günther R. Der Aufstand des Spartacus. Die großen sozialen Bewegungen der Sklaven und Freien am Ende der römischen Republik. B., 1984. S. 70 ff.

государственной власти). Весьма характерно при этом, что Эвн и Сальвий приняли особые тронные имена — Антиох и Трифон — эти имена должны были вызывать ассоциации с утраченной родиной большинства восставших — сирийцев.¹⁹

Несколько иной социальный опыт имелся у тех рабов, которые составили основную массу участников восстания Спартака. Эти люди, как правило, были представителями «варварских» народов, обитавших севернее границ Римской державы и еще не имевших той устойчивой традиции государственной жизни, которая существовала в странах Восточного Средиземноморья. Вероятно, именно это и было одной из главных причин того, что мы не имеем никаких сведений ни о попытках Спартака стать царем, ни о стремлении восставших основать собственное государство в Италии. О намерениях восставших сейчас можно судить главным образом по сложному и не всегда легко объяснимому маршруту армии Спартака и отделившихся от этой армии отрядов. По-видимому, значительная часть сторонников Спартака — фракийцы, галлы-скордиски, греки и другие — мечтали вырваться за пределы Италии любым путем (через Альпы или через южные порты), чтобы вернуться на родину и либо посвятить себя свободной и мирной жизни, либо продолжить борьбу против Рима в союзе со злейшим его врагом — Митридатом VI Эвнатором. Другая часть — преимущественно германцы, кельты и, возможно, некоторые примкнувшие италийцы — требовали немедленного отмщения и похода на Рим, причем в отдельные моменты такие призывы, видимо, выводили из подчинения первоначальному плану не только отдельные отряды, но и всю армию. Пожалуй, в тех условиях реальные (хотя и небольшие) шансы на воплощение в жизнь имел только план Спартака: в его основу, по выражению Д. Метцлера, была положена «эскапистская стратегия», стратегия ухода, удаления, анахорэсиса, т. е. стратегия, издавна использовавшаяся в древности как форма протеста против угнетения и как средство обретения свободы.²⁰ По мнению другого современного исследователя — Т. Юге, мечтавшие о возвращении на родину рабы «пытались восстановить свои общины — подобно тому как иудеи, находившиеся в плену в Вавилоне, желали вернуться в Иерусалим».²¹

Вполне вероятно, что такие мечты сопровождалась идеализацией тех патриархальных, еще не затронутых классическим

¹⁹ Магическое значение, видимо, придавалось восставшими и их прежним именам — Эвн (греч. — «Милостивый») и Сальвий (лат. — «Благополучный»). — Ср.: Vogt J. Ancient slavery... P. 52, 57—58; Günther R. Der politisch — ideologische Kampf in der römischen Religion in den letzten zwei Jahrhunderten v. u. Z. // Klio. Bd. 42. 1964. S. 252.

²⁰ Metzler D. Widerstand von Nomaden gegen zentralistische Staaten im Altertum // Forms of control and subordination in antiquity. Tokyo, 1988. S. 90.

²¹ Yuge T. Die Ideologie der Befreiung in der Antike // Forms... S. 19:

рабством отношений, которые существовали на родине большинства восставших. В идеологии, видимо, как и в природе, не бывает чистого вакуума, и поэтому вполне можно согласиться с возражениями В. И. Кузищина против концепции Д. Лукача и других исследователей, абсолютизирующих стихийность восстаний.²² Намного сложнее вопрос о том, какое содержание имела и какие формы принимала эта идеология, была ли она обобщена на теоретическом уровне и как соотносилась с массовым сознанием восставших.

3. В третьем пункте наших выводов мы уже отметили, что известные нам элементы такой идеологии носили, как правило, религиозный характер. Наиболее важным подтверждением этому служит тот факт, что рабы чаще всего выдвигали из своей среды именно религиозных «идеологов»-вождей, претендовавших на обладание харизматическими свойствами. Известно, что Эвн считался магом, чародеем и прорицателем, оба вождя второго восстания — Сальвий и Афинион — предсказывали будущее по внутренностям животных и по звездам (Diod., XXXIV, 2, 5—10; XXXVI, 4, 4; 5, 1—4), а о жене Спартака известно, что она была причастна к дионисийскому культу (происходившему, кстати, из Фракии) и еще задолго до восстания предсказала Спартаку великое и трагическое будущее (Plut., Crass., 8). Почти все вожди, таким образом, могли сослаться на поддержку божественных сил, на то, что их выступление «санкционировано свыше» и потому будет иметь успех. Эвн и Афинион даже утверждали, что им предназначено стать царями Сицилии, причем первый из них называл свою конкретную покровительницу — «Сирийскую богиню», т. е., видимо, сиропфиникийскую Атаргатис, Астарту — супругу солнечного бога Хаддада, отождествлявшуюся на Западе с Афродитой Уранией (Luc., *Dedeia Syr.*, 32; Plut., Crass., 17; Plin., N. H., 32, 17; Herodot., I, 195 etc.).²³ О высокой степени популярности культа Хаддада и Атаргатис (к которому допускались и рабы) свидетельствует то, что в их честь на острове Делосе, где находился крупнейший рынок рабов, в 128—127 гг. до н. э. был выстроен храм, причем впоследствии эти божества стали почитаться там не только под сирийскими именами, но и как Зевс (Гелиос) и Афродита.²⁴ Ассоциация Гелиоса с идеей свободы для рабов

²² См.: Кузищин В. И. Античное классическое рабство как экономическая система. М., 1990. С. 20—21.

²³ «Небесная» Афродита (в надписях — сирийская Афродита, небесная Венера — CIA, II, 168; CIL, 1554, 1596 etc.) в греческой мифологии считалась единокровной сестрой Кроноса, правившего при жизни счастливого «золотого рода» (ср. учение Эмпедокла о временах господства Любви — Афродиты). Она приходилась теткой Зевсу и бабушкой Афродите Пандемос — «Всенародной» (подробнее см.: Рабинович Е. Г. Афродита Урания и Афродита Пандемос // Античность и Византия. М., 1975. С. 306—318).

²⁴ См.: Roussel P. *Délos colonie athenienne*. P., 1916. P. 252 ss.; Ferguson J., *Utopias...* P. 109 f.

подтверждается и сонником Артемидора (II, 36), объяснявшего это тем, что люди называют свободу солнцем. Таким образом, здесь не исключена связь с тем комплексом религиозно-утопических идей о «Справедливом Солнце», который был издавна распространен на Востоке, а в эллинистическую эпоху проявил себя в случаях с «уранидами» Алексарха и «гелиополитами» Аристоника.²⁵ Помимо солярных культов восточно-эллинистического происхождения, изначально близких привезенным на Сицилию с Востока рабам, в качестве своеобразной «идеологической санкции» этими рабами использовались и некоторые местные культы. Особенно ясно это прослеживается во время второго Сицилийского восстания, когда сначала бежавшие от хозяев рабы укрылись на священном участке Паликов — божественных близнецов, покровительствовавших обездоленным, а затем, после поражения римлян у Моргантины, Сальвий в благодарность за это принес Паликам жертву и посвятил им одну из пурпурных одежд (Diod., XXXVI, 3, 3; 6, 1).²⁶ Известно также, что восставшие почитали Деметру (возможно, отождествленную с Атаргатис) и чеканили ее изображение на монетах «царя Антиоха»: впоследствии римскому сенату пришлось направлять специальную комиссию для снискания благосклонности Цереры и «очищения» ее святилищ (Cic., Verr., IV, 49, 108; Val. Max., I, 1).²⁷

Особый интерес, на наш взгляд, представляет рассказ Диодора (XXXIV, 2,8) о том, что Эвн еще до восстания забавлял пировавших и веселившихся гостей его хозяина, говоря, что когда он станет царем, он мягко поступит с теми гостями, что дает ему лучшие куски со стола. Диодор нигде не указывает, что это было во время Сатурналий, однако весь контекст рассказа вполне подтверждает предположения о том, что потешавшиеся над Эвном господа использовали его как шуточного «царя Сатурналий». За этим ритуальным «перевертыванием» социальных отношений во время праздника Сатурна (когда господа даже прислуживали рабам) вскоре неожиданно последовал реальный переворот, сделавший бывшего «царя Сатурналий» настоящим царем, имеющим полную власть казнить и

²⁵ Подробнее см.: Гуторов В. А. Античная социальная утопия... С. 223 и сл., 238; Dölger F. J. Die Sonne der Gerechtigkeit und der Schwarze. Münster, 1919; Vavrinek V. On the structure of slave revolts. The revolt of Aristonicus // Soziale Probleme im Hellenismus und im römischen Reich. Akten der Konferenz (Lubice, 10—13 Oktober 1972). Praha, 1973. P. 209—212; Günther R., Müller R. Sozialutopien der Antike. Leipzig, 1987. S. 123—155.

²⁶ Ср. Ильинская Л. С. Культ Паликов и его место в идеологическом обосновании народных движений и рабских восстаний Сицилии // Десятая авторско-читательская конференция «ВДИ» АН СССР: Тезисы докладов. М., 1987. С. 121—122; Bloch R. Palikoi // Roscher. Bd. III, I. S. 1281—1295.

²⁷ Ср.: Бюхер К. Восстания рабов... С. 93.

миловать бывших господ. Одним словом, как в известной песне, воплотился в жизнь девиз «кто был ничем, тот станет всем». Тем более интересно, как же распорядился Эвн этой властью и как он начал реализовывать свои представления о социальной справедливости. Диодор сообщает, что он приказал истребить поголовно всех пленных жителей Энны, кроме тех самых «добрых» гостей его хозяина и кроме оружейных мастеров, закованных в цепи и сделавшихся новыми рабами (XXXIV—XXXV, 2, 15). Таким образом, кто прежде был всем, тот стал ничем. К концу восстания мы видим, что Эвн не терял времени даром и успел обзавестись привилегиями: у него уже была тысяча телохранителей, его обслуживали личный повар, пекарь, массажист и даже шут: этот шут, как он сам в недавнем прошлом, веселил участников попок (XXXIV—XXXV, 2, 23).

История повторяется, и этот мотив «перевертывания отношений», смены «верха» и «низа» в результате различных социальных катаклизмов проходит буквально через тысячелетия. Напомним, что еще в «Речении Ипусера», относящемся, видимо, к периоду нашествия в Египет гиксосов (XVIII в. до н. э.), в чисто восточной манере звучит рефреном мысль о том, что мир как бы перевернулся: «Смотрите: тот, который не имел своего имущества, стал [теперь] владельцем богатств. Вельможи восхваляют его. Смотрите: простолюдины страны стали богатыми. Собственники богатств стали неимущими. Смотрите: [руко]водимые стали собственниками рабов. Тот, который был [сам] посыльным, посылает другого...» и т. д. (Пер. В. В. Струве).²⁸ В VI в. до н. э. Феогнид из Мегар, писавший под впечатлением «стасиса», гражданской смуты, повторяет почти то же самое: «Кто одевал себе тело изношенным мехом козлиным | И за стеной городской пасса, как дикий олень, — | Сделался знатным отныне. А люди, что знатными были, | Низкими стали. Ну, кто б все это вытерпеть мог?» (Ст. 55—58. — Пер. В. Вересаева). Наконец, уже в нашем веке гений Андрея Платонова приоткрыл в «Чевенгуре» сокровенные тайны утопического революционного мышления, в основе которого лежит все тот же архетип «перевернутых отношений», дополненный смутным мечтанием, что после уничтожения всех имущих и экспроприации их собственности наступит совершенно новая эпоха: «... труда и занятий уже не будет, потому что в Чевенгуре за всех и для каждого работало единственное солнце, объявленное в Чевенгуре всемирным пролетарием».²⁹

²⁸ Цит. по: Хрестоматия по истории Древнего Востока / Под ред. М. А. Коростовцева. И. С. Кацнельсона. В. И. Кузищина. Ч. I М., 1980. С. 47. — Глубоко верные наблюдения о мотиве «перевернутых отношений» в древних памятниках литературы были сделаны еще С. Я. Лурье: Luria S. Die Ersten werden die Letzten sein (Zur «sozialen Revolution» im Altertum) // Klio. Bd. 22. 1929. H. 4. S. 405—431.

²⁹ Платонов А. Чевенгур // Дружба народов. 1988. № 4. С. 63.

Не имея возможности останавливаться здесь на восстании Аристоника, которое не было чисто рабским восстанием и требует к тому же специального подробного освещения,³⁰ мы можем подвести теперь некоторые итоги. Из трех основных факторов, определявших ход восстаний и формы организации восставших, идеологический фактор играл, пожалуй, наименьшую роль, хотя было бы неправильным совсем сбрасывать его со счета. Разумеется, у восставших не было ни «программных документов», ни осознанного стремления к «социализму» или «коммунизму», ни какой-либо цельной и разработанной идеологии в полном смысле этого слова.³¹ Пожалуй, следует говорить лишь об элементах идеологии, нашедших отражение в попытках рабов выдвинуть такую собственную систему ценностей и идей, которая, во-первых, оправдывала бы их отчаянный протест и связанные с ним насильственные методы борьбы,³² а во-вторых, давала бы твердую надежду на лучшее будущее — надежду, подкрепленную верой в поддержку справедливых божественных сил. Эти надежды, пробуждавшиеся различными предсказателями,³³ не могли не содержать в себе хотя бы смутных представлений о должном общественном состоянии, которое восставшими чаще всего ассоциировалось с идеализированным прежним, утраченным вместе со свободой, состоянием. Отсюда — и те пути, с помощью которых они стремились вновь достичь такого состояния: либо на месте сломав и, словно во время Сатурналий, «перевернув» с ног на голову существующие порядки, либо удалившись (тоже с применением насилия) туда, куда не простираются законы и власть бывших господ, где сохранились нетронутыми первоначальные условия жизни. В любом случае речь шла не столько о «построении нового общества», сколько о возвращении к утраченным «отеческим установлениям». т. е. о лозунге, выдвигавшемся и во многих других «гражданских» социальных движениях античности, — например, в реформаторских движениях Агиса IV и Клеомена III, братьев

³⁰ Данный вопрос будет рассмотрен нами в работе: Чернышов Ю. Г. Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в Древнем Риме. Ч. 1. До установления принципата. Новосибирск, 1992.

³¹ Ср. одно из распространенных определений идеологии: «...совокупность идей и взглядов, отражающих в теоретической, более или менее систематизированной форме отношение людей к окружающей действительности и друг к другу и служащих закреплению или изменению, развитию общественных отношений» (Келле В., Ковальзон М. Идеология // Философская энциклопедия. Т. 2. М., 1962. С. 229).

³² Очень показательны, что восставшие даже пытались «пропагандировать» эти идеи, устраивая перед стенами осажденных городов мимические сценки-повествования о жестокости бывших господ (Diod., XXXIV, 2, 46).

³³ Не случайно еще Катон Старший писал, что виллик не должен «советоваться с каким-либо гарусником, авгуром, предсказателем и халдеем» (R. R., V, 4); подробнее см.: Maróti E. Das Verbot über die Weissager bei Cato // AUSB. Bd. 1. 1957. S. 91—102. — Позднее такое преступление каралось смертной казнью (Paul., Sent., 5, 21, 3).

Грахов и т. д. Новым для античной истории элементом идеологии было, пожалуй, то, что мечта о восстановлении справедливости, завладевая массами, тесно переплеталась с религиозно-утопической надеждой на быстрый и счастливый исход борьбы, благодаря покровительству конкретных (как правило, солярных) божеств и руководимых этими божествами харизматических лидеров.³⁴ И хотя философские или литературные обоснования такой борьбы (если они вообще имели место) не получали широкого распространения в среде рабов, эту роль с успехом выполняли эсхатологические и мессианские пророчества, использовавшие приемы восточной апокалиптической литературы, предсказывавшие близкий «конец времен», гибель или порабощение Рима, торжество Азии, наступление счастливой эпохи и т. д. Поэтому изучение таких пророчеств, как, например, пророчество Гистаспа, Сивиллины оракулы, IV книга Ездры и др.,³⁵ поможет, на наш взгляд, гораздо лучше понять духовный мир тех, кто восставал против Рима, чем чисто умозрительные и надуманные рассуждения о «ряде совещаний», на которых рабы будто бы приняли «ряд программных документов».

³⁴ По мнению Ж. Вальтера, один из этих лидеров — сириец Эвн — был «очень тесно связан со средой, которая должна была век спустя произвести людей наподобие Иоанна Крестителя и Иисуса из Назарета»; более того, сумев впервые сочетать революционный дух восставших с религиозным вдохновением, Эвн стал «создателем формулы борьбы классов, которая более пятнадцати веков будет использоваться угнетенными всякий раз, как они сочтут нужным призвать к оружию, чтобы обеспечить триумф всеобщего братства, истинной справедливости и благодатного мира» (Walter G. Histoire... P. 552). Это наблюдение, на наш взгляд, заслуживает внимания, так как оно справедливо признает развитие важнейших элементов идеологии низов еще в дохристианский период.

³⁵ Среди уже существующих публикаций по данной тематике можно отметить, например, следующие: Die Oracula Sibyllina / Bearb. von J. Geffcken. Leipzig, 1902; Windisch H. Die Orakel des Hystaspes. Amsterdam, 1929; Cumont F. La fin du monde selon les mages occidentaux // RHR. T. 103. 1931. P. 33 ff.; Sanford M. Contrasting views of the Roman empire // AJPh. Vol. 58, 1937. P. 437 ff.; Bidez J., Cumont F. Les mages hellénisés. P., 1938; Fuchs H. Der geistige Widerstand gegen Rom in der antiken Welt. B., 1964; Collins J. J. The development of the Sibylline tradition // ANRW. Bd. II.20.1. 1987. P. 421 ff.; Momigliano A. From the pagan to the Christian Sibyl: prophecy as history of religion // The uses of Greek and Latin: Historical essays / Ed. by A. C. Dionisotti etc., L., 1988. P. 3 ff.

1. Сборники источников, справочные пособия, общие труды

- КБН — Корпус боспорских надписей. М., Л., 1965
 ФЭ — Философская энциклопедия. Т. 1—5. М., 1960—1970
 ANRW — Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Tl. I—IV. Berlin; New York, 1972—
 CAH — The Cambridge Ancient History. Vol. I—XII. Cambridge, (1923) 1924—1939 (2nd ed., 1970—)
 CIA — Corpus Inscriptionum Atticarum. Vol. I—III. Berlin, 1873—1897
 CIG — Corpus Inscriptionum Graecarum. Vol. I—IV. Berlin, 1828—1877
 CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum. Vol. I—XVI. Leipzig; Berlin, 1862—1943
 ELH — Enciclopedia Lingüística Hispanica
 FHG — Müller K. et Th. Fragmenta Historicorum Graecorum. Vol. I—VI. Paris, 1841—1872
 IG (IG²) — Inscriptiones Graecae. Vol. I—XV. Berlin, 1873— (ed. 2, 1913—)
 RE — Pauly' Realencyclopaedie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung. Stuttgart, 1893—
 Roscher — Roscher W. H. Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie. Bd. I—VI. Leipzig, 1884—1937
 SEG — Supplementum Epigraphicum Graecum. Vol. 1— , Leiden, 1923—
 Syll.³ — Dittenberger W. Sylloge Inscriptionum Graecarum. Ed. 3. Vol. I—IV. Leipzig, 1915—1924

2. Периодические издания

- ВДИ — Вестник древней истории
 ВИ — Вопросы истории
 ВИАМ — Вестник истории мировой культуры
 ИРАИМК — Известия Российской Академии истории материальной культуры
 КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 НЭ — Нумизматика и эпиграфика
 СА — Советская археология
 Труды ГИМ — Труды Государственного Исторического музея
 Труды ГЭ — Труды Государственного Эрмитажа
 AJPh — American Journal of Philology
 Att. Mitt. — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung
 AUSB — Annales Universitatis Scientiarum Budapestiensis
 BCH — Bulletin de Correspondance Hellénique
 BSA — The Annual of the British School at Athens
 CIPh — Classical Philology
 ClQu — Classical Quarterly
 CRAI — Comptes Rendus des Séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres
 JHS — The Journal of Hellenic Studies
 JRS — The Journal of Roman Studies
 PP — La Parola del Passato
 RA — Revue Archéologique
 REG — Revue des Etudes Grecques
 RFIC — Rivista di Filologia e di Istruzione Classica
 RHR — Revue de l'Histoire des Religions

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Строгецкий В. М. (Нижний Новгород). Гражданский коллектив полиса (проблемы становления и особенности развития в архаический и раннеклассический периоды)	5
Кулишова О. В. (Йошкар-Ола). Дельфийский оракул и тирания в архаической Греции	12
Александров М. А. (Санкт-Петербург). Наемники на службе у тиранов в архаическую эпоху (VIII—VI вв. до н. э.)	28
Жестоканов С. М. (Санкт-Петербург). Внутренняя политика Кипселидов при Периандре	41
Лаптева М. Ю. (Тобольск). Тирания в архаических Эрифрах	52
Кийв М. (Таллинн). Три «партии» в Атике в VI в. до н. э. в контексте социально-политической истории архаических Афин	57
Пальцева Л. А. (Санкт-Петербург). Древняя Мегарида: территория и население	74
Печатнова Л. Г. (Санкт-Петербург). Спартанские мофаки	89
Доманский Я. В., Фролов Э. Д. (Санкт-Петербург). Развитие межполисных отношений в Античном Причерноморье в VI—I вв. до н. э. (принципиальный обзор)	103
Лавров В. В. (Санкт-Петербург). Готы и Боспор в III в. н. э.	112
Циркин Ю. Б. (Санкт-Петербург). Римская колонизация в Испании	122
Виц-Маргулес Б. Б. (Гродно). Античные теории общественного развития и прогресса	134
Федотова О. А. (Калининград). Политическая идеология и политическая теория в Древней Греции (старшие софисты)	144
Чернышев Ю. Г. (Барнаул). «Кто был ничем, тот станет всем» (к вопросу об идеологии восстаний рабов во II—I вв. до н. э.)	155
Список сокращений	167